

РОССИЙСКОЕ ПРАВО

ОБРАЗОВАНИЕ,
ПРАКТИКА,
НАУКА

РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Основан в июле 2004 года
Выходит 6 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Уральский государственный
юридический университет
имени В. Ф. Яковлева»
620137, Екатеринбург,
ул. Комсомольская, д. 21

РЕДАКЦИЯ

В. В. ДОЛГАНИЧЕВ, главный редактор
К. С. ПУТУШКИНА, редактор
*И. В. ЛЕДНЕВ, ответственный
секретарь*

АДРЕС РЕДАКЦИИ

620137, Екатеринбург,
ул. Комсомольская, 23, каб. 209.
Адрес для корреспонденции:
620137, Екатеринбург,
ул. Комсомольская, 21.
тел./факс (343) 375-58-47,
<https://rospravojournal.usla.ru>
e-mail: rp@usla.ru

Издание зарегистрировано в Федеральной
службе по надзору в сфере связи, информа-
ционных технологий и массовых коммуника-
ций, свидетельство ПИ № ФС 77-55438 от
17 сентября 2013 г.

Использование материалов возможно то-
лько с письменного согласия редакции

Фотографии, использованные в номере, пре-
доставлены авторами статей, героями
интервью и организаторами мероприятий

Журнал распространяется по подписке;
придерживается независимой политики.
Мнения авторов могут не совпадать
с мнением редакции

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

- Глазырин В. А.**
«Мораль уже сама по себе
есть практика» 4

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

- Блещик А. В.**
Принципы правовой экспертизы
нормативных актов в системе принципов
нормотворчества: коммуникативный подход 12
- Павлова М. А.**
Социальная справедливость в правовых
актах субъектов Российской Федерации 22

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

- Михайлова Е. В.**
Конвергенция частного и публичного
в цивилистическом процессе 35
- Туктамышев В. Д.**
Заметки о правовой природе третейского
суда и подходах к его осмыслению 45

КРИМИНАЛИСТИКА

- Шишкина Е. В.**
Ситуационный подход в расследовании
преступлений, совершаемых
несовершеннолетними 57
- Васюков В. Ф., Старжинская А. Н.**
Об оперативно-розыскных
и следственных мерах противодействия
легализации преступных доходов
с использованием криптовалют 68

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Ю. С. Безбородов, Л. Н. Берг, В. С. Белых, А. В. Брызгалин, В. А. Бублик, А. В. Винницкий, Д. В. Винницкий, Б. М. Гонгало, В. В. Гошуляк, Е. Ю. Грачева, Д. А. Гришин, И. Г. Дудко, Т. Д. Зражевская, В. Б. Исаков, А. Я. Капустин, И. Я. Козаченко, Ю. В. Козубенко, Г. А. Кокурин, Г. Н. Комкова, А. Н. Костюков, В. В. Круглов, В. И. Крусс, А. М. Куренной, А. А. Ливеровский, Н. А. Мехренцева, А. Н. Митин, А. Н. Мочалов, Е. И. Носырева, В. В. Полянский, А. Д. Прошляков, И. В. Решетникова, В. Н. Руденко, М. С. Саликов (председатель), Н. М. Саликова, А. С. Смыкалин, С. Д. Хазанов, А. М. Хлус, С. Н. Чернов, В. В. Ярков

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

С. А. Авакьян, С. Н. Бабурин, В. В. Блажиев, А. К. Голиченков, В. В. Ершов, В. В. Игнатенко, Г. С. Казинян, Л. О. Красавчикова, П. В. Крашенинников, В. А. Малиновский, С. П. Степкин, Т. Я. Хабриева, Ю. Я. Чайка, Г. Н. Чеботарев, М. Ф. Чудаков, Ю. С. Шемшученко, Б. С. Эбзеев, Э. С. Юсубов

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО**Стенькин Д. С., Сенгаева М. В.**

Отдельные аспекты внедрения кадрового электронного документооборота в деятельность органов исполнительной власти

79

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ**Макаренко Т. В.**

Актуальные проблемы и вызовы юридического образования

87

ПОДГОТОВКА И НАПИСАНИЕ НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ**Путушкина К. С.**

Канцеляризм в научных юридических текстах

94

CONTENTS

THEORY OF STATE AND LAW

- Glazyrin V. A.**
«Morality Is Itself a Practice» 4

CONSTITUTIONAL LAW

- Bleshchik A. V.**
Principles of Legal Expertise of Normative Acts in the System
of Legal Drafting Principles: A Communicative Approach 12
- Pavlova M. A.**
Social Justice in the Legal Acts of the Subjects of the Russian Federation 22

CIVIL PROCEDURE

- Mikhailova E. V.**
Convergence of Private and Public in the Civil Procedure 35
- Tuktamyshev V. D.**
Notes on the Legal Nature of Arbitration and Its Conceptualization 45

FORENSIC SCIENCE

- Shishkina E. V.**
Situational Approach in the Investigation of Crimes Committed by Juveniles 57
- Vasyukov V. F., Starzhinskaya A. N.**
On the Operational and Investigative Measures
to Counter Money Legalization Using Cryptocurrencies 68

ADMINISTRATIVE LAW

- Stenkin D. S., Sengaeva M. V.**
Some Aspects of the Introduction of Personnel Electronic
Document Management in the Activities of Executive Authorities 79

LEGAL EDUCATION

- Makarenko T. V.**
Current Problems and Challenges of Legal Education 87

PREPARATION AND WRITING OF SCIENTIFIC PUBLICATIONS

- Putushkina K. S.**
Officialese in Scientific Legal Writings 94

В. А. Глазырин

Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

«МОРАЛЬ УЖЕ САМА ПО СЕБЕ ЕСТЬ ПРАКТИКА»

Юридическая этика появилась как ответ на возникающие в профессиональной деятельности юристов этико-юридические вызовы, в преодолении которых возможности юридического инструментария ограничены. Миссия юридической этики состоит в том, чтобы принципы и правила, зафиксированные в профессиональных этических кодексах, воплощались в работе юристов и их внеслужебном поведении

В статье анализируются размышления И. Канта о морали, на основе этого характеризуются требования, которые общественность предъявляет к юристам; рассматривается вопрос о соотношении морали и права. Приводятся примеры использования этических терминов в российском законодательстве, исследуется соотношение законодательных актов и юридических кодексов, показано, как действуют последние. Раскрывается суть механизма, поддерживающего действенность этических правил в юридических профессиях, выделяются пять его структурных блоков. Условно они обозначены следующим образом: «этический блок», «принуждающий блок», «дисциплинарный блок», «блок морального вознаграждения», «блок новых вызовов». Приводится их описание и подводятся итоги работы.

Ключевые слова: право, юридическая этика, правила, противоречие, институт

Для цитирования

Глазырин В. А. «Мораль уже сама по себе есть практика» // Российское право: образование, практика, наука. 2024. № 4. С. 4–11. DOI: 10.34076/2410-2709-2024-142-4-4-11.

УДК 174, 340

DOI: 10.34076/2410-2709-2024-142-4-4-11

В заглавии статьи использовано высказывание И. Канта. С него начинается раздел трактата «К вечному миру» [Кант 2019: 285], посвященный морали в политике. Это утверждение великого мыслителя релевантно принципам, стандартам юридической этики.

Сразу скажем, что рассуждения этического и этико-юридического толка изначально предполагают высокий интеллектуализм. Юридическая этика – этико-интеллектуальный и этико-практический институциональный ответ на возникающие в юридическом поле социумов [Бурдые 2007: 75–128], в профессиональной деятельности юристов этико-юридические вызовы, для преодоления которых возможности юридического инструментария ограничены или даже могут отсутствовать, иначе юридическая этика была бы излишней. Так, основоположник российской юридической этики А. Ф. Кони обозначил важность нравственных начал в работе юристов, выделил различ-

ные юридико-нравственные противоречия, коллизии в профессиональной деятельности судей, прокуроров, адвокатов, показал, что их разрешение прежде всего связано с этической стороной юридических профессий [Кони 1967: 33–69]. Разумеется, жизнь не стоит на месте, отечественная юридическая этика претерпевает изменения, развивается, при этом многие этико-юридические соображения, высказанные А. Ф. Кони, составляют «золотой фонд» российской профессиональной этики в юриспруденции и не потеряли актуальности.

Юридическая этика – незаурядная институция в юриспруденции, «симбиоз» этики и права в их практическом преломлении в профессиональной деятельности юристов. «Погружаться» в юридическую этику сложно с самого начала. Нельзя требовать от юристов стать философами для понимания этики профессиональной деятельности, но так же очевидно, что им невозможно оставаться

в рамках обыденного понимания морали [Рябцева 2000]. Этические профессиональные кодексы позволяют преодолеть остроту этой дилеммы, но освоение юридической этики не сводится к их постатейному штудированию. Конечно, содержание кодексов надо знать как можно лучше, требуется осмысленное усвоение этико-профессиональных принципов и стандартов юридической деятельности. Однако главное заключается в другом. Кодексы должны «работать», а не быть «спящими институтами», нужно, чтобы принципы и правила, зафиксированные в них, воплощались в работе юристов, их служебной деятельности и внеслужебном поведении. В этом состоит миссия юридической этики. Юридическая реальность всегда противоречива, не тождественна правовым и этическим кодексам. Тем не менее правонарушения не отменяют ценности законодательства, проявления безнравственности – этику, факты несоблюдения юристами правил поведения в профессиональной деятельности – юридическую этику.

«Понимать, чтобы действовать» – так можно кратко сформулировать основное положение юридической этики, одновременно показывающее одну из ее узловых проблем: возможность «разлада» между пониманием и действием. Как ее преодолеть? Чудодейственных рецептов по исполнению этико-профессиональных стандартов не бывает. Невозможно полагаться на то, что этические проблемы в юридических профессиях будут разрешаться стихийно. Также ясно, что этические регуляторы не работают в режиме цифрового программного обеспечения. Они «спяны» со структурой личности. При этом юридическая этика не может совпадать с чьими-либо индивидуальными ее интерпретациями.

Методологической основой работы выступают философское осмысление морали [Разин 2003; Хэзлит 2019], общетеоретический подход к пониманию права С. С. Алексеева [Алексеев 2000; Алексеев 2001; Алексеев 2024], сформированное в науке представление о прикладной этике [Бакштановский, Согомонов 2007; Похоровская 2012]. Применялись также общенаучные методы сравнения и анализа, индукции и дедукции.

Прежде всего поясним кантовское высказывание о морали как о практике самой

по себе. Немецкий философ отмечал, что таинственным и удивительным образом люди в своих суждениях принимают моральный закон [Кант 2021: 127]. В соответствии с формулировкой категорического императива [Там же: 48] мораль есть свободное («Если бы не было свободы, то не было бы в нас и морального закона» [Там же: 5]) принятие индивидуумами *долга* перед самим собой и другими людьми [Кант 2007: 293–356]. Вместе с долгом, учитывая, что мораль обладает многокомпонентной структурой, и не принижая значимости других ее элементов, выделим *совесть*. По выражению В. С. Соловьева, «нравственные вопросы окончательно решаются совестью» [Соловьев 1897]. Объясняя мораль, важно обращать внимание на «субъективное» (личностное) принятие людьми этических принципов, максимум в качестве долга [Кант 2021: 127], их стремление поступать по совести [Урысон 2000]. В морали заложено двуединое начало, она «ответственна» за внутренний «строй» человека, состоящий в его стремлении быть нравственным по внутреннему убеждению, совести, а также является человеческим первоначалом, связывающим людей в сообщества и общества [Разин 2003: 15–59, 83–96].

Профанное суждение о морали часто проявляется в рядовом высказывании: «Мораль у каждого своя». Оно может представлять собой обыкновенное позерство, но не всегда; нетрудно заметить, что такое восприятие морали размывает морально-нравственные границы, образует барьеры в развитии конструктивных связей между людьми и доверия в социальных отношениях, связано с преувеличенной личностной претенциозностью («Возлюби самого себя больше всего, а Бога и ближнего своего – только ради самого себя» [Кант 2021: 129]).

Что эти соображения о морали значат для юридической этики? Общественные ожидания в отношении юристов основываются на том, что те, кто требуют от других соблюдать закон, занимаются правоприменительной деятельностью, должны быть людьми чести, долга и совести. Председатель Совета судей Российской Федерации В. В. Момотов отметил, что облачение в мантию автоматически не делает из человека судью, поэтому к судьям предъявляется ряд требований, и на первом месте стоят личные качества,

моральные и этические ценности. Идеальный облик судьи, по мнению В. В. Момотова, таков: «Нельзя сомневаться в добросовестности и честности судьи, но можно оспаривать его знания закона или фактов»¹. При желании подобные лапидарные изречения можно сформулировать для юристов любых профессий.

При этом идеальные модели и реальность не совпадают [Шур 2023]. Казалось бы, недоразумений насчет того, что нужно делать в проблемных ситуациях этического характера, возникающих в деятельности юристов, за исключением особых случаев, быть не должно, надо следовать правилам, установленным профессиональными кодексами. Обязательность их соблюдения определяется фактом обретения лицом статуса судьи, адвоката, нотариуса и т. д. Однако практика отличается от теории. В связи с этим обратимся к работе В. А. Леванского и Н. Я. Соколова, рассматривавших типологию юристов [Леванский, Соколов 2010] (их статья, опубликованная в 2010 г., выбрана специально, чтобы отстраниться от эмпирических данных и злободневных вопросов сего дня). В конечном счете ими выделены три группы юристов: 1) действующие «по закону» (37 %), 2) действующие «по понятиям» (12 %), 3) беспрекословно выполняющие распоряжения вышестоящих начальников (51 %) [Там же: 25]. В настоящее время комментировать эти цифры в развернутом виде смысла нет, тем не менее они выразительны, и не следует полагать, что подобные и многие другие этико-юридические проблемы остались в прошлом.

В философии права и теории государства и права в качестве едва ли не классического рассматривается вопрос об отношении морали и права. Например, среди русских ученых его с достаточной формально-логической и содержательной полнотой рассмотрел И. В. Михайловский. Подытоживая свои рассуждения о взаимодействии морали и права, он писал, что «речь может идти только о самостоятельности, но не о противоположности обеих областей. А следовательно, право и нравственность могут оказывать и на самом деле оказывают друг другу взаимную поддержку» [Михайловский 1914: 165].

¹ Судебная власть: этика и медиа. 2024 // URL: <https://zhurnalsudya.ru/news/tpost/j3cc26srt1-sudebnayavlast-etika-i-media> (дата обращения: 09.08.2024).

Право имеет моральное измерение. С. С. Алексеев отмечал, что даже самый совершенный закон с точки зрения его буквы может оказаться неправовым [Алексеев 2000: 89–101], не соответствовать духу права [Алексеев 2024]. Полагаем, что дух права, в частности, привносит в закон ценности и представление о человечности и человеческом достоинстве, справедливости, доброй воле. В высказывании *Pereat mundus et fiat justitia* («Пусть погибнет мир, но свершится правосудие») в его буквальном значении право и правосудие лишены этического начала. Право нужно для созидания. Право, разрушающее мир, суть абсурд. Правда, И. Кант считал, что это выражение, звучащее неправдоподобно, – истинное изречение [Кант 2019: 297]. Но надо иметь в виду, что для него этот афоризм по-немецки означал: «Да воцарится справедливость, даже если при этом погибнут на свете все плуты» [Там же]. Имеется иносказательное понимание этого латинского словосочетания как комментария к обстоятельствам и ситуациям, когда буква закона заслоняет существо дела, а формальное ведение дел – судьбы отдельных людей.

Как понимается соотношение права (закона) и морали (этических основ) в юридической этике? Разъяснение этого вопроса не идентично объяснению связи между моралью и правом. Чтобы встать на путь продуктивных размышлений о морали и праве в юридической этике, нужно учитывать, что юридические профессии – высоко формализованные виды деятельности, юристы работают в рамках законодательства, вне правовых узаконений юриспруденции и юридических профессий не существует. Должны ли юристы, помимо законов, следовать и этическим правилам? Понятно, что есть общеморальные нормы, но в юридической этике подразумеваются профессиональные этические правила и стандарты.

В соотношении права и морали в юридической этике много граней. Вот некоторые из них. В связи с тем что профессиональная деятельность юристов имеет непреложную общественную значимость, в юридических профессиях устанавливаются более высокие этические стандарты, чем нормы, действующие в повседневной жизни людей. Этико-юридическими правилами тем самым поддерживаются доверие граждан к юристам, их репута-

ция и престиж. В российских законодательных актах иногда используются этические термины. Остановимся на двух примерах.

Первый. В п. 3 ст. 1 ГК РФ прописано, что участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно, п. 4 той же статьи гласит, что никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения, а в п. 5 ст. 10 ГК РФ говорится, что добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются. Таким образом, по смыслу ГК РФ добросовестность выступает основой юридической ответственности гражданских отношений.

Второй. Согласно ст. 17 УПК РФ, ст. 67 ГПК РФ, ст. 71 АПК РФ суд оценивает доказательства по внутреннему убеждению. Более того, в силу ст. 17 УПК РФ оценивают доказательства с опорой на внутреннее убеждение не только судьи, но и присяжные заседатели, прокуроры, следователи, дознаватели на основе доказательств, имеющих в уголовном деле, руководствуясь законом и совестью.

Значительный интерес к внутреннему убеждению в работе судьи проявил А. Ф. Кони. Он сформулировал критерий, отличающий внутреннее убеждение судьи от произвольных решений. Русский юрист считал, что, подобно М. Лютеру, судья при вынесении решения должен сказать: *Hier stehe ich. Ich kann nicht anders* («На том стою. И не могу иначе») [Кони 1967: 39]. Чтобы не быть «представителем произвола в ту или иную сторону», судья «должен основывать свое решение на том, что в данное время ему представляется логически неизбежным и нравственно обязательным» [Кони 1967: 39–40]. Исследователь коррупции Л. Холмс обратил внимание на высказывание С. Роуз-Аккерман (одной из основоположников экономического анализа коррупции) о том, что любая юридическая система может породить коррупцию, но то, станет ли она характерной чертой данной судебной системы, в меньшей степени зависит от ее устройства, чем от взглядов и ценностей самих судей [Холмс 2021: 99]. Этот малый перечень примеров интегрированности этики в юридические профессии показывает, что бритва Оккама в отношении юридической этики не действует.

Как соотносятся законодательные акты и этические кодексы, может быть, в сравне-

нии с юридическими узаконениями значимость профессиональных этических кодексов вторична, или ими заполняются лакуны, имеющиеся в законах, или их предназначение заключается в чем-то другом? У этических кодексов и актов законодательства разный нормативный статус. Этические кодексы являются нормативными, но не правовыми актами. Сочетание законодательных актов и этических кодексов выстраивается по общему стандарту, демонстрирующему *референтность* вторых первым. Его точное и краткое разъяснение дано в Бангалорских принципах поведения судей¹. Согласно этому документу цель этических принципов работы судей – *увеличение*, а не умаление значимости

Можно сказать, что в юридических профессиях законодательные установления и правила этических кодексов образуют определенный нормативный «тандем»

правовых норм и правил поведения, которыми связаны судьи. Развернутым описанием референтности этических правил правовым предписаниям выступает ст. 2 Кодекса профессиональной этики адвоката, в которой подчеркивается, что Кодекс дополняет правила, установленные законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре, и никакое положение Кодекса не должно толковаться как предписывающее или допускающее совершение деяний, противоречащих требованиям законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре. Можно сказать, что в юридических профессиях законодательные установления и правила этических кодексов образуют определенный нормативный «тандем».

Золотое правило нравственности раскрывает механизм работы морали: «Не делайте другим того, чего вы не желаете для себя; поступайте с другими так, как хотели бы, чтобы поступали с вами». Поставим вопрос: как действуют (работают) этические основы юридических профессий? Полновесный ответ на этот вопрос предполагает его много-

---

¹ Бангалорские принципы поведения судей. Гаага, 26 ноября 2002 г. // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bangalore_principles.shtml (дата обращения: 09.08.2024).

сторонний и скрупулезный обзор. Не претендуя на его всестороннее рассмотрение, представим его изложение в сжатом виде.

Несложно заметить, знакомясь с этическими кодексами, что в юридической этике есть общие принципы, положения, правила. Например, базовое этико-профессиональное правило, имеющееся во всех кодексах, звучит так: юрист в служебной деятельности и внеслужебных отношениях должен избегать всего того, что могло бы умалить авторитет профессии и юридической институции [Раз 2021], его честь и достоинство. Юридическая этика «привязана» к юридическим профессиям, в этических кодексах предусматриваются правила и стандарты, отражающие специфику этих профессий. К тому же одни кодексы приняты профессиональными сообществами (судьями – Кодекс судейской этики, адвокатами – Кодекс профессиональной этики адвоката, нотариусами – Кодекс профессиональной этики нотариусов в Российской Федерации), а другие, например Кодекс этики прокурорского работника Российской Федерации, Кодекс этики и служебного поведения федеральных государственных служащих Следственного комитета Российской Федерации, по сути, установлены ведомственными нормативными документами. Кодексы первой группы принято именовать «этическими», а второй – «служебными».

В «механизме», поддерживающем ответственность этических правил в юридических профессиях, выделим пять блоков. Условно обозначим их следующим образом: «этический блок», «принуждающий блок», «дисциплинарный блок», «блок морального вознаграждения», «блок новых вызовов». Они не обязательно действуют все вместе и в гармонии, а могут «работать» отдельно друг от друга или составлять некоторую комбинацию.

Действие «этического блока» можно сопоставить с кантовским пониманием долга; никакие обстоятельства не могут быть использованы для того, чтобы уклониться от него; этическое восприятие ситуаций и этическая мотивация возникают, существуют в головах юристов и реализуются в их профессиональной деятельности и внеслужебном поведении; профессиональные кодексы и присяги, которые юристы приносят при вступлении в должность, предполагают осознанное исполнение ими служебного долга.

Под воздействием «принуждающего блока» на поведение юристов понимаем следование ими этическим предписаниям как реализацию требований официальной институции, принявшей этический кодекс. Так, Кодекс этики прокурорского работника Российской Федерации утвержден и введен в действие приказом Генеральной прокуратуры России от 17 марта 2010 г. № 114. Понятно, что никакая инстанция не может кому-либо приказывать быть моральным, но может установить институциональные параметры и стандарты профессиональной деятельности, требовать их соблюдения.

«Дисциплинарные» разделы этических кодексов заметно отличаются друг от друга, выступают значимым инструментарием для поддержания работоспособности правил юридической этики. При этом Кодекс судейской этики вовсе не определяет дисциплинарных мер воздействия на судей, в п. 3 ст. 4 сказано, что его соблюдение должно быть внутренним убеждением судьи и правилом его жизни (дисциплинарная ответственность судей закреплена в ст. 12.1 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации», в пп. 1, 4.1, 5 этой статьи указывается, что основанием для наложения мер дисциплинарной ответственности может стать нарушение правил кодекса судейской этики). Напротив, Кодекс профессиональной этики адвоката почти на треть состоит из статей, касающихся дисциплинарной ответственности адвокатов. Отметим, что соблюдение этических стандартов – прерогатива адвокатуры.

«Моральное вознаграждение» – это в известном отношении альтер эго дисциплинарного взыскания в юридической этике. Впрочем, «моральное вознаграждение» не сводится к положениям ст. 191 «Поощрения за труд» ТК РФ, стимулам и наградам (но и не означает их отрицания). В значительной мере «моральное вознаграждение» есть нечто другое. В качестве примера можно рассматривать национальную премию в области адвокатуры и адвокатской деятельности. К ее задачам относятся поощрение адвокатов и адвокатских образований, содействующих развитию и повышению авторитета российской адвокатуры, поддержанию высоких профессиональных стандартов и идеалов чести, достоинства и деловой репутации адвокатов и адвокатуры. Кандидаты на ее получение рассматривают-

ся в номинациях «За честь и достоинство», «Триумф», «Деловая репутация», «Золотое перо» и др.

Блок «новых вызовов» выделен, потому что юридическая практика сложна и в деятельности юристов возникают выходящие за рамки существующих правил поведения, неизвестные ранее этические проблемы [Лиото 2023]. Их нужно распознавать и осмысливать, регулировать в этических кодексах. Ни одна из этих задач не является легкой для исполнения.

Выскажем итоговые соображения. Отношение к юридической этике не может быть легковесным. Так, важно понимать, что юридическая этика не имеет ничего общего с морализаторством. Она базируется на сознательном принятии юристами этических правил, стандартов профессии и следовании им. Заблуждение полагать, что предназначение юридической этики состоит в формировании из юристов неких идеальных людей. Совершенных людей, как и обществ, не бывает. *Homo Sapiens* обладает нравственным началом, что вовсе не отменяет противоречивости человеческой природы. По выражению Овидия, «благое вижу, хвалю, но к дурному

влекусь». Юристы не роботы, если бы их работу можно было оцифровать, то надобность в юридической этике отпала бы. Однако профессии юристов требуют высокого интеллекта и ответственности. Юридическая этика не может быть ограничена корпоративными интересами сообществ и профессиональных групп юристов. Их призвание, кратко говоря, состоит в утверждении правового порядка в противоречивом мире, созданном людьми.

Можно утверждать, что потребность в юридической этике обуславливается насущными этико-профессиональными проблемами в деятельности юристов. Работа, которую они выполняют, очень значима для граждан, юридических лиц, государства и общества. Профессиональная этика юристов зиждется как на их осознании своего профессионального долга, так и на официальных институциональных правилах, стандартах. Юридическая этика – «живая» этика, невозможно поставить точку в ее «выковывании». Она существует в пространстве закона / права и морали. Перефразируя Р. Иеринга, скажем, что в борьбе за право юристам нельзя отстраниться от морали, долга, совести.

Список литературы

- Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М.: Норма, 2001. 752 с.
- Алексеев С. С. Право на пороге нового тысячелетия: Некоторые тенденции мирового правового развития – надежда и драма современной эпохи. М.: Статут, 2000. 256 с.
- Алексеев С. С. Самое святое, что есть у Бога на земле. Иммануил Кант и проблема права в современную эпоху. СПб.: Норма, 2024. 448 с.
- Бахитановский В. И., Согомонов Ю. В. Прикладная этика: идея, основания, способ существования // Вопросы философии. 2007. № 9. С. 39–49.
- Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. 576 с.
- Кант И. К вечному миру. М.: РИПОЛ классик, 2019. 434 с.
- Кант И. Критика практического разума. М.: АСТ, 2021. 256 с.
- Кант И. Метафизика нравов. М.: Мир книги; Литература, 2007. 400 с.
- Кони А. Ф. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Юрид. лит., 1967. Т. 4. 544 с.
- Леванский В. А., Соколов Н. Я. Типология юристов // Государство и право. 2010. № 11. С. 15–25.
- Лиото С. Сила этики: Искусство делать правильный выбор в нашем сложном мире. М.: КоЛибри; Азбука-Аттикус, 2023. 416 с.
- Михайловский И. В. Очерки философии права. Томск: Изд. кн. магазина В. М. Посохина, 1914. Т. 1. 632 с.
- Похоровская Т. И. Прикладная этика // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 2012. № 3. С. 79–92.
- Раз Дж. Авторитет права. Эссе о праве и морали. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2021. 552 с.

Разин А. В. Нравственный мир человека. М.: Акад. проект, 2003. 432 с.

Рябцева Н. К. Этические знания и их «предметное» воплощение // Логический анализ языка: Языки этики / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко, Н. К. Рябцева. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 178–183.

Соловьев В. С. Оправдание добра: Нравственная философия. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1897. 681 с.

Урысон Е. В. Голос разума и голос совести // Логический анализ языка: Языки этики / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко, Н. К. Рябцева. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 184–189.

Холмс Л. Коррупция: очень краткое введение. М.: Издат. дом «Дело» РАНХиГС, 2021. 192 с.

Хэзлит Г. Основания морали. М.: Мысль, 2019. 556 с.

Шур М. Мифы об идеальном человеке. Каверзные дилеммы для самопознания. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2023. 336 с.

Валерий Алексеевич Глазырин – доктор социологических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: glazur@olympus.ru.

ORCID: 0000-0002-1414-1571

«Morality Is Itself a Practice»

Legal ethics emerged as a response to the ethical and legal challenges which arise in the professional activities of lawyers, and which are hard to overcome by legal instruments. The mission of legal ethics is to ensure that the principles and rules set out in professional ethical codes are embodied in the work of lawyers and their off-duty behavior.

The author analyzes Immanuel Kant's thoughts on morality, and on this basis characterizes the demands that the public makes of lawyers; the issue of the relationship between morality and law is considered. Examples of the use of ethical terms in Russian legislation are given, the relationship between legislative acts and professional ethical codes is examined, and how the latter operate is shown. The essence of the mechanism that supports the effectiveness of ethical rules in legal professions is revealed, and five of its structural blocks are identified. They are conventionally designated as follows: an «ethical block», a «coercive block», a «disciplinary block», a «block of moral compensation», a «block of new challenges». Their description is given and the results of the study are summarized.

Keywords: law, legal ethics, rules, contradiction, institute

Recommended citation

Glazyrin V. A. «Moral' uzhe sama po sebe est' praktika» [«Morality Is Itself a Practice»], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2024, no. 4, pp. 4–11, DOI: 10.34076/2410-2709-2024-142-4-4-11.

References

Alekseev S. S. *Pravo na poroge novogo tysyacheletiya: Nekotoroe tendentsii mirovogo pravovogo razvitiya – nadezhda i drama sovremennoi epokhi* [Law on the Threshold of the New Millennium: Some Trends in World Legal Development – Hope and Drama of the Modern Era], Moscow, Statut, 2000, 256 p.

Alekseev S. S. *Samoe svyatoe, chto est' u Boga na zemle. Immanuel Kant i problema prava v sovremennuyu epokhu* [The Most Sacred Thing that God Has on Earth. Immanuel Kant and the Problem of Law in the Modern Era], Saint Petersburg, Norma, 2024, 448 p.

Alekseev S. S. *Voskhozhdenie k pravu. Poiski i resheniya* [The Ascent to Law. Searches and Solutions], Moscow, Norma, 2001, 752 p.

Bakhtanovskii V. I., Sogomonov Yu. V. *Prikladnaya etika: ideya, osnovaniya, sposob sushchestvovaniya* [Applied Ethics: Idea, Foundations, Way of Existence], *Voprosy filosofii*, 2007, no. 9, pp. 39–49.

Burd'e P. *Sotsial'noe prostranstvo: polya i praktiki* [Social Space: Fields and Practices], Moscow, In-t eksperimental'noi sotsiologii, Saint Petersburg, Aleteiya, 2007, 576 p.

Kant I. *K vechnomu miru* [Towards Eternal Peace], Moscow, RIPOL klassik, 2019, 434 p.

Kant I. *Kritika prakticheskogo razuma* [Criticism of Practical Reason], Moscow, AST, 2021, 256 p.

Kant I. *Metafizika npravov* [Metaphysics of Morals], Moscow, Mir knigi, Literatura, 2007, 400 p.

Khezlit G. *Osnovaniya morali* [Foundations of Morality], Moscow, Mysl', 2019, 556 p.

Kholms L. *Korrupsiya: ochen' kratkoe vvedenie* [Corruption: A Very Brief Introduction], Moscow, Izdat. dom «Delo», 2021, 192 p.

Koni A. F. *Sobranie sochinenii* [Collected Works], in 8 vols., Moscow, Yurid. lit., 1967, vol. 4, 544 p.

Levanskii V. A., Sokolov N. Ya. *Tipologiya yuristov* [Typology of Lawyers], *Gosudarstvo i pravo*, 2010, no. 11, pp. 15–25.

Lioto S. *Sila etiki: Iskusstvo delat' pravil'nyi vybor v nashem slozhnom mire* [The Power of Ethics: The Art of Making the Right Choice in Our Complex World], Moscow, KoLibri, Azbuka-Attikus, 2023, 416 p.

Mikhailovskii I. V. *Ocherki filosofii prava* [Essays on the Philosophy of Law], Tomsk, Izd. kn. magazina V. M. Posokhina, 1914, vol. 1, 632 p.

Pokhorovskaya T. I. *Prikladnaya etika* [Applied Ethics], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 7. Filosofiya*, 2012, no. 3, pp. 79–92.

Raz Dzh. *Avtoritet prava. Esse o prave i morali* [The Authority of Law. Essays on Law and Morality], Moscow, Izd-vo In-ta Gaidara, 2021, 552 p.

Razin A. V. *Nravstvennyi mir cheloveka* [The Moral World of a Man], Moscow, Akad. proekt, 2003, 432 p.

Ryabtseva N. K. *Eticheskie znaniya i ikh «predmetnoe» voploshchenie* [Ethical Knowledge and Their «Objective» Embodiment], Arutyunov N. D., Yanko T. E., Ryabtseva N. K. (eds.) *Logicheskii analiz yazyka: Yazyki etiki* [Logical Analysis of Language: Languages of Ethics], Moscow, Yazyki russkoi kul'tury, 2000, pp. 178–183.

Shur M. *Mify ob ideal'nom cheloveke. Kaverznye dilemmy dlya samopoznaniya* [Myths about the Ideal Person. Tricky Dilemmas for Self-Knowledge], Moscow, Mann, Ivanov i Ferber, 2023, 336 p.

Soloviev V. S. *Opravdanie dobra: Nravstvennaya filosofiya* [Justification of Good: Moral Philosophy], Saint Petersburg, Tip. M. Stasyulevicha, 1897, 681 p.

Uryson E. V. *Golos razuma i golos sovesti* [The Voice of Reason and the Voice of Conscience], Arutyunov N. D., Yanko T. E., Ryabtseva N. K. (eds.) *Logicheskii analiz yazyka: Yazyki etiki* [Logical Analysis of Language: Languages of Ethics], Moscow, Yazyki russkoi kul'tury, 2000, pp. 184–189.

Valeriy Glazyrin – doctor of sociological sciences, professor of the Department of social and humanitarian disciplines, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: glazur@olympus.ru.

ORCID: 0000-0002-1414-1571

Дата поступления в редакцию / Received: 10.08.2024

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 09.09.2024

А. В. Блещик

Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

ПРИНЦИПЫ ПРАВОВОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НОРМАТИВНЫХ АКТОВ В СИСТЕМЕ ПРИНЦИПОВ НОРМОТВОРЧЕСТВА: КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОДХОД

Правовая экспертиза одновременно выступает в нескольких аспектах: и как элемент правотворческого процесса, и как специальная практика, направленная на конституционализацию национального законодательства. В юридической науке регулярно предпринимаются попытки определить принципы, на которых базируется юридическая экспертиза. При формулировании этих принципов автор пробует обратиться к неклассическим, непозитивистским подходам к правопониманию, например к коммуникативной теории права. Коммуникативная теория рассматривает право как коммуникативную систему и воспринимает правовую норму в рамках социального контекста, тесно связанного с коммуникативным содержанием отношений между юридическими лицами.

Коммуникативная теория права позволяет сформулировать следующие принципы юридической экспертизы: 1) принцип обеспечения эффективности правовой коммуникации, 2) принцип диалогизма, 3) принцип интерсубъектности эксперта, 4) принцип баланса между интересами субъектов нормотворчества, 5) принцип интегративности. Поскольку правовая экспертиза выступает элементом нормотворческого процесса, ее принципы (та их часть, которая направлена на обеспечение качества правовых актов) могут быть органично встроены в систему принципов правотворчества.

Ключевые слова: нормотворчество, принципы нормотворчества, конституционализация законодательства, правовая экспертиза нормативных актов, принципы правовой экспертизы, коммуникативная теория права

Для цитирования

Блещик А. В. Принципы правовой экспертизы нормативных актов в системе принципов нормотворчества: коммуникативный подход // Российское право: образование, практика, наука. 2024. № 4. С. 12–21. DOI: 10.34076/2410-2709-2024-142-4-12-21.

УДК 340.13

DOI: 10.34076/2410-2709-2024-142-4-12-21

Введение. Изучение вопросов правовой экспертизы и оценки регулирующего воздействия правовых актов, мониторинга законодательства и правоприменения составляет сегодня одно из наиболее динамично развивающихся направлений правовой науки, в том числе науки конституционного права. Под правовой экспертизой нормативных правовых актов (проектов правовых актов) традиционно понимают «правовую оценку формы правового акта (проекта правового акта), его

целей и задач, предмета правового регулирования, компетенции органа, принявшего правовой акт, содержащихся в нем норм, порядка принятия, обнародования (опубликования) на предмет соответствия требованиям Конституции РФ и федеральных законов...» [Нечкин 2020: 11–12].

Поскольку правовая экспертиза направлена, в частности, на установление соответствия правовых актов Конституции Российской Федерации, она призвана обеспечить

функционирование конституционных принципов и норм во всех элементах национальной правовой системы. Значит, ее можно наряду с конституционным контролем считать конституционализирующей практикой, или практикой, обеспечивающей конституционализацию законодательства.

Нормотворческая функция государства, несомненно, одна из наиболее важных функций социального управления [Писаревский 2013; Спиридонов 2021]. Именно по этой причине государство стремится обеспечить собственный монополизм в указанной сфере и гарантировать единство правового пространства¹. В государственно-правовой практике правовой плюрализм продолжает считаться нетипичным и нежелательным [Писаревский 2013].

Принципы нормотворчества. Чтобы повысить эффективность реализации нормотворческой функции государства, эту деятельность нужно выстраивать в соответствии с общими началами – принципами, которые на основе конституционного строя определяли бы правовую политику государства. Стоит сказать, что с точки зрения общей теории государства и права под принципами обычно понимаются «выраженные в праве исходные нормативно-руководящие начала, характеризующие его содержание, его основы, закрепленные в нем закономерности общественной жизни» [Алексеев 2010: 100].

Ввиду того что в Российской Федерации не принят так называемый федеральный закон о правовых актах, не установлен и перечень принципов нормотворчества. Недостатки федерального законодательства, как правило, вынуждена компенсировать юридическая доктрина. Формулированию принципов нормотворчества посвящено много исследований, вследствие чего науке известны самые разные варианты подобных перечней [Дерхо 2014; Ковачев 1980; Нерсисянц 2023].

Представляется, что наиболее взвешенным и полным является перечень таких принципов, предложенный Ю. Г. Арзамасовым. По его мнению, к принципам нормотворчества

относятся принципы законности, научности, технического совершенства, демократизма, гуманизма, профессионализма и гласности [Нормография: теория и технология нормотворчества 2020: 35]. Некоторые из них, как видно, касаются исключительно качества юридического материала, а некоторые как будто адресованы субъекту нормотворческой деятельности (личности нормотворца). Так, очевидно, что принципы законности, демократизма и гуманизма предъявляют требования к содержанию самого проекта правового акта, а вот принципы научности, технического совершенства и профессионализма требуют определенных навыков и умений от того, кто выступает его разработчиком.

Таким образом, система принципов нормотворчества внутренне неоднородна. Если некоторые общеправовые по своей сути принципы стабильны и не подвержены изменениям (как, например, принцип законности или гуманизма), то другие постоянно переосмысляются. В динамике всегда пребывают критерии технического совершенства нормотворческой деятельности: современные информационные технологии в нормотворчестве, связанные, в частности, с привлечением искусственного интеллекта, выводят эту деятельность на совершенно новый технический уровень. Столь же подвижен принцип гласности и в целом транспарентности нормотворческого процесса.

Разумеется, изменилось и представление о профессионализме (профессиональных компетенциях) лиц, занимающихся нормотворческой деятельностью. Сегодня профессионала отличают не только собственно юридические компетенции, но и владение информационными технологиями, знания в области ряда социально-гуманитарных наук, в том числе истории, политологии, социологии и экономики.

Исходя из такого расширенного понимания принципа профессионализма, к современным юристам, занимающимся нормотворчеством, обращается и С. А. Авакьян. Он формулирует принципы нормотворчества (вернее, законотворчества, поскольку речь идет преимущественно о подготовке проектов законов) в оригинальной манере. Примечательно, что ученый называет их не принципами, а «заповедями», и указывает следующее: 1) надо убедиться, что законодательное

¹ Понятие «единство правового пространства» введено в законодательство Указом Президента РФ от 10 августа 2000 г. № 1486 «О дополнительных мерах по обеспечению единства правового пространства Российской Федерации». При этом дефинитивных норм, а также положений, характеризующих признаки единства правового пространства, в данном Указе нет.

регулирование «ложится» на национальную почву; 2) если принятие закона предусмотрено, он должен быть принят; 3) следует определить место акта в системе законодательства; 4) начинать надо с определения цели и разработки концепции закона; 5) нужно определить назначение и стиль регулирования; 6) нужно определить возможность реализации акта; 7) при подготовке акта следует обязательно проанализировать вопросы его прямого и побочного действия в будущем; 8) необходимо думать о культуре акта; 9) необходима проверка будущей эффективности акта; 10) по каждому законопроекту надо проводить экспертизы [Авакьян 2010].

Не переходя к раскрытию этого «декалога» и пересказу статьи С. А. Авакьяна, отметим, что предложенные принципы-заповеди по содержанию очень отличаются друг от друга. Некоторые из них, как, например, обязательность разработки концепции или проведения экспертизы, носят технический и процедурный характер. Отдельные принципы акцентируют внимание на формально-юридическом анализе регулирования (определение места акта в системе законодательства, определение правотворческого полномочия). Иные – что более важно для нас в контексте развития рассматриваемой темы – требуют при подготовке проекта установить последствия принятия правового акта, оценить его востребованность, органичность для той социальной среды, в которой акт будет реализовываться. Сам С. А. Авакьян пишет об этом так: «Смысл этого условия... не готовить и, далее, не принимать акты, которые не корреспондируют национальной социально-экономической и политической системе, а также, что не менее важно, национальному менталитету» [Там же: 8].

Воздержимся от научной оценки понятия «национальный менталитет» и, в целом соглашаясь с приведенной позицией, скажем, что правовое регулирование должно осуществляться исходя из социокультурного контекста. Важно помнить это при формулировании основ, на которых должна строиться и правовая экспертиза как деятельность, которая призвана обеспечить высокое качество принимаемых правовых актов и проведение которой выступает, как указывалось выше, одним из важнейших условий качественного нормотворчества. Рассмотрим же существующие

подходы к формулированию принципов правовой экспертизы и методике ее проведения.

Общие подходы к определению принципов правовой экспертизы. Отметим для начала, что существующие методики проведения правовой экспертизы не провозглашают принципов, на основе которых она проводится. Вернее, если принципы и обозначаются, то относятся они скорее к организации экспертизы и применению ее результатов, нежели к методике ее проведения. Так, Федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» устанавливает перечень основных принципов этой деятельности и включает в него принцип обязательности антикоррупционной экспертизы, принцип оценки актов во взаимосвязи, принципы обоснованности, объективности и проверяемости результатов экспертизы, организационные принципы компетентности экспертов и взаимодействия их с институтами гражданского общества.

Попытки сформулировать специальные принципы проведения правовой экспертизы предпринимались и на уровне доктрины. В частности, Т. Н. Москалькова и В. В. Черников к принципам правовой экспертизы относят ее всеобщность, независимость, полноту, многоступенчатость, достаточность времени на проведение экспертизы, профессионализм экспертов, обязательность результатов правовой экспертизы [Москалькова, Черников 2015: 318–323].

Отсутствие нормативно установленных принципов правовой экспертизы приводит, во-первых, к абсолютной «творческой свободе» экспертов, при которой выбор средств и методов проведения правовой экспертизы никак не ограничен. Нельзя сказать, что эта свобода вредит экспертам и экспертизе, но, поскольку принципы способствуют формированию стандарта (в том числе правовой экспертизы), принципы необходимы для определения критериев качества работы эксперта. Во-вторых, и это тесно связано с первым соображением, часто отсутствие принципов приводит к формализации правовой экспертизы, когда факт ее проведения (соблюдение формальных процедурных требований) значит больше, чем ее результат. Особенно это актуально для внутренней правовой экспертизы, проводимой государ-

ственными органами в отношении собственных правовых актов.

Не стоит, однако, думать, что нормативное установление принципов правовой экспертизы (а уж тем более навязывание всем экспертам единой методики ее проведения) способно устранить все имеющиеся в этой сфере проблемы и автоматически повысить качество принимаемых правовых актов. Разумеется, куда большее значение имеют реализация установленных принципов и личное отношение экспертов к собственной работе. Очевидно также, что развитие экспертной деятельности в не меньшей степени зависит и от мировоззренческих ориентиров, положенных в ее основу.

Методологические подходы в правовой экспертизе. Формулирование перечня принципов и расстановка акцентов внутри него напрямую зависят от той методологической «платформы», которую изберет исследователь. Чтобы расширить возможности научного поиска, полезно сойти с популярной и общепринятой позитивистской «платформы» при исследовании проблем нормотворчества. В. Д. Перевалов относил к негативным моментам позитивистской теории права «вводимую искусственную отграниченность права как системы от фактических общественных отношений, отсутствие возможности нравственной оценки правовых явлений, отказ от исследований содержания права, его целей» [Перевалов 2022: 76]. В качестве альтернативы традиционному позитивистскому (нормативистско-позитивистскому) и юснатуралистскому подходам к правопониманию для исследований в области нормотворчества можно использовать коммуникативную концепцию права. М. В. Антонов, А. В. Поляков и И. Л. Честнов отмечают, что «коммуникативная концепция права – это новый, постклассический подход, позволяющий дать более полное представление о праве, обо всех правовых институтах, так как вводит правовую догматику в контекст социальной коммуникации» [Антонов, Поляков, Честнов 2013: 80].

Принципы правовой экспертизы: коммуникативный подход. С точки зрения коммуникативной концепции наиболее важная задача нормотворческой деятельности состоит в том, чтобы формулировать юридические нормы, которые, во-первых, недвусмысленно

определяли бы выбор участниками отношений текстуальных средств правовой коммуникации, а во-вторых, адекватно отражали бы характер правовой коммуникации в опосредуемой этими нормами сфере. Следовательно, основные задачи правовой экспертизы проекта правового акта состоят в том, чтобы оценить соответствие юридических норм (действующих или проектируемых) характеру и содержанию правовой коммуникации, установить, насколько эти нормы позволяют участникам общественных отношений удовлетворять свои потребности, и определить, насколько адекватно, полно и корректно нормы отражают правила поведения субъектов и передают правовое (коммуникативно-деятельностное) содержание. Можно, таким образом, сказать, что первичным с точки зрения рассматриваемой концепции принципом правовой экспертизы является *принцип обеспечения эффективности правовой коммуникации*.

Эффективность правовой коммуникации при этом нельзя смешивать с экономической эффективностью регулирования, степень которой, как правило, устанавливается в рамках оценки регулирующего воздействия правового акта. В экономическом смысле (в смысле задач оценки регулирующего воздействия) эффективным признается такое регулирование, которое позволяет его инициатору (нормирующей инстанции) достичь желаемого юридически и социально значимого результата с наименьшим объемом издержек, главным образом финансовых, временных и организационных. В свою очередь эффективность правовой коммуникации в нормотворчестве зависит от соотношения ожиданий нормирующей инстанции и социального результата, выражающегося в готовности адресатов юридических норм реализовывать их в общественных отношениях. Довольно точно это формулирует И. Л. Честнов, когда говорит: «Чтобы закон функционировал, он должен выражать хотя бы в минимальной степени экспектации населения и правоприменителей. Поэтому мониторинг социальной жизни – важнейшая предпосылка измерения эффективности права» [Эффективность правового регулирования 2022: 82].

Нарушение рассматриваемого принципа чаще всего проявляется в принятии правовых актов, впоследствии не востребованных

обществом. В частности, И. П. Кожокарь называет такие акты «символическими» и в качестве примера приводит Федеральный закон от 19 июля 1998 г. № 115-ФЗ «Об особенностях правового положения акционерных обществ работников (народных предприятий)», целью реализации которого «должно было стать повышение эффективности деятельности общества за счет преобладания работников-акционеров» [Кожокарь 2017: 86–87]. Фактически же указанный Федеральный закон почти не применяется, о чем косвенно может свидетельствовать тот факт, что за всю его 26-летнюю историю изменения в него вносились лишь дважды.

Только диалогический подход, позволяющий рассматривать нормотворчество с позиций всех участников этого процесса, дает возможность выявить потенциальное злоупотребление еще на стадии разработки проекта правового акта

Аналогично неэффективным оказался Федеральный закон от 27 мая 2014 г. № 136-ФЗ, которым были внесены изменения в Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», направленные на установление новых видов муниципальных образований – городских округов с внутригородским делением и внутригородских районов. Неэффективная правовая коммуникация между разными уровнями публичной власти и неспособность экспертов просчитать последствия принятия этого регулятивного решения привели к тому, что практика создания городских округов с внутригородским делением так и не сформировалась. В России сегодня по-прежнему существуют только три городских округа с внутригородским делением¹.

Еще одним принципом правовой экспертизы с точки зрения коммуникативного подхода к праву можно назвать *принцип диалогизма*. Важной исходной установкой при проведении правовой экспертизы должно быть по-

¹ Доклад о результатах ежегодного мониторинга организации и развития местного самоуправления в Российской Федерации за 2020 г. // URL: <https://minjust.gov.ru/uploaded/files/monitoring-msu-202115.docx> (дата обращения: 18.04.2024).

нимание того, что правовое взаимодействие в естественном виде носит характер диалога, в котором каждый участник имеет свои интересы и свою диалогическую позицию. Поскольку, по меткому выражению В. И. Крусса, «всякое злоупотребление правом базируется на решающем убеждении в „ценностном превосходстве“ своего права и своего интереса над правами и интересами контрагентов: конкретных лиц или всего общества» [Крусс 2007: 643], только диалогический подход, позволяющий рассматривать нормотворчество с позиций всех участников этого процесса, дает возможность выявить потенциальное злоупотребление еще на стадии разработки проекта правового акта.

Если мы хотим, чтобы диалог был результативным, необходимо добиться, чтобы стороны диалога были если не равны, то равнозначны, они должны знать, какова конечная цель диалога, и стремиться к ней, они должны стремиться понять друг друга и вместе с тем обеспечить понятность своих сообщений. Сторонам также важно иметь общую систему координат, состоящую из общих ценностей и этических установок, и соблюдать правила ведения диалога.

В современной российской нормотворческой практике обратную связь от потенциальных адресатов легче всего получить в рамках уже упоминавшейся процедуры оценки регулирующего воздействия, которая предполагает проведение обязательных публичных консультаций. Несмотря на то что оценка регулирующего воздействия отличается по своей природе и содержанию от правовой экспертизы, отдельные элементы этой процедуры могут и должны применяться в ходе правовой экспертизы. Речь, в частности, идет о проведении публичных консультаций, направленных на выявление мнения потенциальных адресатов правовых норм и правоприменителей.

Частыми нарушениями принципа диалогизма сопровождалось формирование «коронавирусного законодательства» во многих субъектах Российской Федерации, когда эксперты не рассматривали вводимые ограничительные меры с точки зрения их потенциальной реализации адресатами правового регулирования.

Например, в Свердловской области в указ губернатора от 18 марта 2020 г. № 100-УГ

«О введении на территории Свердловской области режима повышенной готовности и принятии дополнительных мер по защите населения от новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV)» были внесены изменения, согласно которым, для того чтобы обеспечить соблюдение гражданами социального дистанцирования, собственникам и иным законным владельцам помещений, предназначенных для предоставления услуг общественного питания, и организациям, оказывающим услуги по перевозке пассажиров и багажа легковым такси, предписывалось оказывать соответствующие услуги при условии оснащения рабочих и (или) посадочных мест защитными экранами или зонирующими перегородками. Данное требование спровоцировало волну недовольства главным образом среди предпринимателей, осуществлявших деятельность в сферах общественного питания и транспортных услуг, поскольку выполнить это предписание за несколько часов или даже дней было невозможно. Внесенные в указ от 18 марта 2020 г. № 100-УГ изменения от 20 ноября 2020 г. придали рассматриваемому требованию характер рекомендации.

С коммуникативных позиций для соблюдения принципа диалогизма при проведении правовой экспертизы, помимо прочего, эксперт должен отказаться от формальных оценок правового регулирования и обязательно воспринимать участников регулируемых общественных отношений в социальном контексте. Кроме того, от эксперта требуется сохранять отвлеченную позицию и, как следствие, не допускать поддержки чьих-либо частных интересов при оценке качества материала.

Разумеется, проблема роли эксперта в проведении правовой экспертизы заслуживает особого внимания. Традиционно эксперт – это лицо, которое имеет специальный правовой статус, обладает специальными познаниями в области права и осуществляет в закрепленном процессуальном порядке экспертное исследование [Миронов 2012: 34]. Конечные цели деятельности эксперта – сбор и обработка информации. В рамках же правовой экспертизы эксперту должна отводиться качественно иная роль, обусловленная его интерсубъективной позицией. Это значит, что эксперт не может наблюдать за общественными отношениями и их регулированием отвлеченно. Ему необходимо вовлекаться в регулирование,

моделируя возможное поведение участников и меняя при этом «наблюдательную позицию». Эксперту также надлежит минимизировать свой обусловленный личным опытом вклад в рассматриваемые общественные отношения. В этом состоит еще один принцип, на котором основана коммуникативно-правовая экспертиза, – *принцип интерсубъективности эксперта*.

Следование указанному принципу позволяет эксперту увидеть потенциальные дефекты в реализации предлагаемых норм. Особенно ярко это проявляется в социальном законодательстве, где вероятную проблему можно заметить только из позиции адресата правовой нормы. Находясь именно на этой позиции, эксперт может зафиксировать проявление юридического неравенства, социальной несправедливости по отношению к гражданам отдельных категорий, ухудшение их положения в связи с введением нового регулирования, установление избыточных и необоснованных требований для адресатов юридических норм.

Примером дефекта, возникшего по причине игнорирования интерсубъективного подхода в деятельности эксперта, может служить норма ч. 3.3 ст. 12.1 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». В одной из ее редакций предусматривалось, что по общему правилу депутаты законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации не вправе участвовать в управлении коммерческой или некоммерческой организацией. Это правило распространялось на всех без исключения депутатов, в том числе на тех, которые замещают соответствующие государственные должности без отрыва от основной деятельности (на непостоянной основе), что очевидно ограничивало их права. Впоследствии норма была уточнена, и ее действие стало распространяться только на депутатов, осуществляющих полномочия на профессиональной постоянной основе.

Принцип интерсубъективности эксперта должен применяться не только при проведении правовой экспертизы правовых актов, непосредственно затрагивающих права граждан. Эффективным он может оказаться и при изучении правовых актов, регулирующих так называемые внутриаппаратные от-

ношения, субъектами которых выступают органы государственной власти или органы местного самоуправления. Его применение могло бы позволить избежать ошибки, допущенной в первоначальной редакции ч. 4 ст. 20 Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», согласно которой наименование должности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации должно было включать в себя слово «глава». Это не учитывало практику большинства российских регионов, где высшее должностное лицо именуется губернатором. При последующих изменениях рассматриваемого Федерального закона (14 марта 2023 г.) законодатель исправил эту ошибку, уточнив, что в наименовании должности может использоваться и слово «губернатор».

Теснейшим образом с принципами диалогизма и интерсубъективности связан принцип обеспечения баланса между интересами. С точки зрения правовой экспертизы он означает поиск консенсуса при принятии регулятивных решений исходя из интересов всех взаимодействующих сторон, включая общество как собирательный субъект.

Формулируя основы методики правовой экспертизы, надо иметь в виду, что коммуникативная теория, будучи проявлением интегративного подхода к правопониманию, не отрицает иных походов и теорий, не борется с ними, но принимает их наработки, чтобы на новом уровне теоретического и философского обобщения применить их для изучения права и правовых явлений¹. Соответственно элементы позитивистско-нормативистских методик должны использоваться в экспертизе, основанной на коммуникативном подходе к

¹ Очень точно, на наш взгляд, такую позицию описал Г. Дж. Берман. Он указывал: «Нам необходимо преодолеть... заблуждение относительно исключительно политической и аналитической юриспруденции („позитивизм“), или исключительно философской и моральной юриспруденции („теория естественного права“), или исключительно исторической и социоэкономической юриспруденции („историческая школа“, „социальная теория права“). Нам нужна юриспруденция, которая интегрирует все три традиционные школы и выходит за их пределы» [Берман 1998: 16–17].

правопониманию. В связи с этим следует говорить о том, что правовая экспертиза также основывается на *принципе интегративности*. Представляется, что наработки, возникающие в связи с применением нового методологического инструментария, должны применяться в практической деятельности юристов-экспертов и самостоятельно, и как дополнение к уже существующим методикам правовой (юридической) экспертизы правовых актов.

Выводы. Таким образом, избранный методологический подход позволил нам выделить ряд принципов, на которых может быть построена методика проведения правовой экспертизы правовых актов (проектов правовых актов). К их числу относятся принцип обеспечения эффективности правовой коммуникации, принцип диалогизма, принцип интерсубъективности эксперта, принцип обеспечения баланса между интересами субъектов нормотворчества, а также принцип интегративности. Часть из этих принципов, основанных на постклассическом понимании права, выдвигает требования к экспертам, определяет стратегию их поведения и выбор средств при осуществлении правовой экспертизы, часть принципов непосредственно затрагивает методику проведения правовой экспертизы, они нацелены на обеспечение качества принимаемых правовых норм и улучшение их восприятия потенциальными адресатами.

Представляется также, что, поскольку правовая экспертиза выступает элементом нормотворческого процесса, ее принципы (те, которые направлены на обеспечение качества принимаемых правовых актов) могут быть органично встроены в систему принципов нормотворчества. Это, например, общекоммуникативный принцип диалогизма; принцип обеспечения эффективности правовой коммуникации, тесно связанный с принципами конституционности и социально-экономической обусловленности нормотворчества; принцип обеспечения баланса между интересами субъектов нормотворчества, в значительной степени пересекающийся с принципом защиты прав, свобод и законных интересов граждан, юридических лиц, интересов общества и государства.

Список литературы

- Авакьян С. А. Десять конституционно-правовых «заповедей» законотворчества // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2010. № 1. С. 6–28.
- Алексеев С. С. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Статут, 2010. Т. 3: Проблемы теории права: Курс лекций. 781 с.
- Антонов М. В., Поляков А. В., Честнов И. Л. Коммуникативный подход и российская теория права // Правоведение. 2013. № 6. С. 78–95.
- Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М.: Изд-во Москов. ун-та; Инфра-М; Норма, 1998. 634 с.
- Дерхо Д. С. Принципы конституционного правотворчества Российской Федерации: вопросы теории // Проблемы права. 2014. № 1. С. 34–40.
- Ковачев Д. А. Механизм правотворчества социалистического государства: вопросы теории: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1980. 27 с.
- Кожокаръ И. П. Аксиологические дефекты нормативной подсистемы механизма гражданско-правового регулирования // Власть Закона. 2017. № 3. С. 69–92.
- Крусс В. И. Теория конституционного правопользования. М.: Норма, 2007. 752 с.
- Миронов А. Н. Экспертиза проектов нормативных правовых актов федеральными органами исполнительной власти // Административное право и процесс. 2012. № 2. С. 32–38.
- Москалькова Т. Н., Черников В. В. Нормотворчество: науч.-практ. пособие. М.: Проспект, 2015. 446 с.
- Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства: учеб. для вузов. М.: Норма; Инфра-М, 2023. 560 с.
- Нечкин А. В. Правовая экспертиза нормативных актов: учеб. пособие для вузов. М.: Юрайт, 2020. 129 с.
- Нормография: теория и технология нормотворчества: учеб. для вузов / под ред. Ю. Г. Арзамасова. М.: Юрайт, 2020. 460 с.
- Перевалов В. Д. Правовая доктрина: проблемы формирования и реализации: моногр. М.: Норма; Инфра-М, 2022. 168 с.
- Писаревский Е. Л. Качество государственного управления: проблемы целеполагания // Административное право и процесс. 2013. № 10. С. 3–10.
- Спиридонов П. Е. Особенности системы публичного управления в Российской Федерации и ее влияние на развитие административного права // Административное право и процесс. 2021. № 8. С. 29–34.
- Эффективность правового регулирования: моногр. / под общ. ред. А. В. Полякова, В. В. Денисенко, М. А. Беляева. М.: Проспект. 2022. 240 с.

Александр Владимирович Блещик – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: bleszczyk@yandex.ru.

ORCID: 0000-0001-9166-4432

Principles of Legal Expertise of Normative Acts in the System of Legal Drafting Principles: A Communicative Approach

The normative acts legal expertise is an activity, which is on the one hand executed by a wide range of specialists towards normative legal acts of all kinds and on the other hand is almost not regulated by the national legislation. Legal expertise acts in several aspects: both as an element of the law-making process and as a special practice aimed at constitutionalisation of national legislation. The legal science regularly attempts to determine the principles of legal expertise. While formulating these principles for a more complete understanding of the legal expertise practice it seems necessary to turn to alternative (non-classical, non-positivist) paradigmatic approaches, for example, to the communicative theory of law.

The communicative theory considers law as a communicative system and perceives a legal norm within the framework of social context, closely connected with communicative content of relations between legal persons. The communicative theory of law allows formulating several principles of legal expertise: 1) the principle of ensuring the effectiveness of legal communication, 2) the principle of dialogism, 3) the principle of expert's intersubjectivity, 4) the principle of balancing the interests of rule-making subjects, and 5) the principle of integrativity. Since legal expertise is an element of the rule-making process, its principles (those aimed at ensuring the quality of legal acts) can be organically built into the system of legal drafting principles.

Keywords: law making, legal drafting principles, constitutionalisation of legislation, legal expertise of normative acts, principles of legal expertise, communicative theory of law

Recommended citation

Bleshchik A. V. Printsipy pravovoi ekspertizy normativnykh aktov v sisteme printsiptov normotvorchestva: kommunikativnyi podkhod [Principles of Legal Expertise of Normative Acts in the System of Legal Drafting Principles: A Communicative Approach], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2024, no. 4, pp. 12–21, DOI: 10.34076/2410-2709-2024-142-4-12-21.

References

Alekseev S. S. *Sobranie sochinenii* [Collected Works], in 10 vols., Moscow, Statut, 2010, vol. 3, 781 p.

Antonov M. V., Polyakov A. V., Chestnov I. L. Kommunikativnyi podkhod i rossiiskaya teoriya prava [Communicative Approach and Russian Theory of Law], *Pravovedenie*, 2013, no. 6, pp. 78–95.

Arzamasov Yu. G. *Normografiya: teoriya i tekhnologiya normotvorchestva* [Normography: Theory and Technology of Rulemaking], Moscow, Yurait, 2020, 460 p.

Avak'yan S. A. Desyat' konstitutsionno-pravovykh «zapovedei» zakonotvorchestva [Ten Constitutional and Legal «Commandments» of Lawmaking], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 11. Pravo*, 2010, no. 1, pp. 6–28.

Berman H. J. *Zapadnaya traditsiya prava: epokha formirovaniya* [Law and Revolution. The Formation of the Western Legal Tradition], Moscow, Infra-M, Norma, 1998, 634 p.

Derkho D. S. Printsipy konstitutsionnogo pravotvorchestva Rossiiskoi Federatsii: voprosy teorii [Principles of Constitutional Law-Making of the Russian Federation: Theoretical Issues], *Problemy prava*, 2014, no. 1, pp. 34–40.

Kovachev D. A. *Mekhanizm pravotvorchestva sotsialisticheskogo gosudarstva: voprosy teorii* [The Mechanism of Law-Making of a Socialist State: Theoretical Issues]: autoabstr. of doct. jur. sc. thesis, Moscow, 1980, 27 p.

Kozhokar' I. P. Aksiologicheskie defekty normativnoi podsystemy mekhanizma grazhdansko-pravovogo regulirovaniya [Axiological Defects of the Normative Subsystem of the Mechanism of Civil Regulation], *Vlast' Zakona*, 2017, no. 3, pp. 69–92.

Kruss V. I. *Teoriya konstitutsionnogo pravopol'zovaniya* [The Theory of Constitutional Right-Use], Moscow, Norma, 2007, 752 p.

Mironov A. N. Ehkspertiza proektov normativnykh pravovykh aktov federal'nymi organami ispolnitel'noi vlasti [Examination of Draft Regulatory Legal Acts by Federal Executive Authorities], *Administrativnoe pravo i protsess*, 2012, no. 2, pp. 32–38.

Moskal'kova T. N., Chernikov V. V. *Normotvorchestvo* [Rulemaking], Moscow, Prospekt, 2015, 446 p.

Nechkin A. V. *Pravovaya ehkspertiza normativnykh aktov* [Legal Expertise of Normative Acts], Moscow, Yurait, 2020, 129 p.

Nersesyants V. S. *Obshchaya teoriya prava i gosudarstva* [General Theory of Law and State], Moscow, Norma, Infra-M, 2023, 560 p.

Perevalov V. D. *Pravovaya doktrina: problemy formirovaniya i realizatsii* [Legal Doctrine: Problems of Formation and Implementation], Moscow, Norma, Infra-M, 2022, 168 p.

Pisarevskii E. L. Kachestvo gosudarstvennogo upravleniya: problemy tselepolaganiya [The Quality of Public Administration: Problems of Goal Setting], *Administrativnoe pravo i protsess*, 2013, no. 10, pp. 3–10.

Polyakov A. V., Denisenko V. V., Belyaev M. A. (eds.) *Ehffektivnost' pravovogo regulirovaniya* [Efficiency of Legal Regulation], Moscow, Prospekt, 2022, 240 p.

Spiridonov P. E. Osobennosti sistemy publichnogo upravleniya v Rossiiskoi Federatsii i ee vliyanie na razvitie administrativnogo prava [Features of the Public Administration System in the Russian Federation and Its Impact on the Development of Administrative Law], *Administrativnoe pravo i protsess*, 2021, no. 8, pp. 29–34.

Aleksandr Bleshchik – candidate of juridical sciences, associate professor of the Department of constitutional law, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: bleszczyk@yandex.ru.

ORCID: 0000-0001-9166-4432

Дата поступления в редакцию / Received: 19.04.2024

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 02.09.2024

М. А. Павлова

Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ В ПРАВОВЫХ АКТАХ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Категории «социальная справедливость» не всегда дается четкая трактовка, ввиду того что она употребляется зачастую лишь как устойчивое выражение с целью придания мысли выразительности. Это, по сути, лишает данную категорию смысла. Правовые акты в силу своего предназначения обеспечивают порядок в государстве и его устойчивость. Следовательно, один из путей решения проблем, связанных с социальной справедливостью, лежит в рассмотрении правовых актов субъектов Российской Федерации, в особенности смысла, вкладываемого законодателями в понятие социальной справедливости и ее критерии.

На основе анализа различных правовых актов субъектов Российской Федерации автор последовательно ставит как теоретические вопросы, так и вопросы правового регулирования. В первую очередь рассматриваются конституции и уставы субъектов Российской Федерации в контексте закрепления в них социальной справедливости. Выявляются проблемы номинального дублирования норм федерального законодательства и возможности соблюдать социальную справедливость. Изучается взаимосвязь категорий «социальная справедливость» и «социальная ориентированность», «адресность», «нуждаемость», которые фигурируют в правовых актах субъектов Российской Федерации. Высказываются предложения по поводу более детальной регламентации социальной справедливости в правовых актах, предложено ее общее определение.

Ключевые слова: социальная справедливость, правовые акты субъектов Российской Федерации, конституция (устав) субъекта Российской Федерации, понятие социальной справедливости, характеристика социальной справедливости, содержание социальной справедливости, критерии социальной справедливости

Для цитирования

Павлова М. А. Социальная справедливость в правовых актах субъектов Российской Федерации // Российское право: образование, практика, наука. 2024. № 4. С. 22–34. DOI: 10.34076/2410-2709-2024-142-4-22-34.

УДК 342.7

DOI: 10.34076/2410-2709-2024-142-4-22-34

Социальная справедливость часто упоминается в тех или иных текстах как нечто аморфное с целью придания им большей значимости. Принимая во внимание безукоризненность данного термина, имеющего глубокие исторические и философские корни, следует отметить, что единого его понимания нет, как нет и согласованности на пути к достижению этого понимания. Кроме того, данная категория уже давно закрепляется в правовых актах, а значит, требует точности и определенности, но легальное ее опреде-

ление отсутствует. И. А. Умнова-Конюхова подчеркивает, что, интегрируя в целом фундаментальные для России конституционные основы социального права, Конституция РФ нуждается в конкретизации такого базового принципа социального государства, как социальная справедливость [Умнова-Конюхова 2022: 3].

Главный вызов состоит в том, чтобы укоренить данную категорию в правовых актах. В той или иной степени вопрос о закреплении социальной справедливости на федеральном

уровне ранее исследовался В. Е. Чиркиным [Чиркин 2015], Т. Я. Хабриевой [Хабриева, Чиркин 2017], Н. Н. Киселевой [Киселева 2015] и др. В связи с этим большой интерес представляют вопросы употребления термина «социальная справедливость» на уровне субъектов Российской Федерации.

В Конституции Российской Федерации принцип социальной справедливости напрямую не закреплен, однако, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации (см., например: Определения Конституционного Суда РФ от 20 ноября 2014 г. № 2655-О, от 30 ноября 2021 г. № 2503-О; Постановление от 20 июля 2018 г. № 34-П), этот принцип вытекает из Конституции РФ. Ранее мы высказывали мысль о том, что социальная справедливость имплицитно выражается в Конституции России и проявляется в трех основных ипостасях. Во-первых, о справедливости говорится в преамбуле Конституции в контексте памяти предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость. Во-вторых, в ст. 7 Конституции Россия провозглашается социальным государством. В-третьих, содержание социальной справедливости выражено в соответствующих социальных правах и их гарантиях со стороны государства, к которым можно отнести право на социальное обеспечение; право на государственную поддержку и защиту семьи, материнства, отцовства и детства; право на государственную поддержку пожилых граждан, инвалидов; право на жилище; право на охрану здоровья и медицинскую помощь и др. [Павлова 2023: 44].

Учитывая ценность социальной справедливости для общества и государства, отметим, что прежде всего представляет интерес вопрос о закреплении социальной справедливости в конституциях (уставах) субъектов РФ. Ряд субъектов РФ придает социальной справедливости высокую значимость, так как этот принцип устанавливается главным образом в преамбуле, которая закладывает основополагающие идеи, цели и ценности всей конституции (всего устава). В Республиках Крым, Дагестан, в Хабаровском крае социальная справедливость в преамбуле названа «идеалом», что, на наш взгляд, на настоящем этапе является наиболее точной ее характеристикой. В преамбулах Конституции Республики Алтай и Устава Алтайского края

о социальной справедливости говорится как о принципе, что в целом соответствует и позиции, высказанной в Постановлении от 20 октября 2010 г. № 18-П Конституционного Суда РФ, который констатирует, что социальная справедливость – конституционный принцип.

В самих нормах конституций и уставов субъектов РФ также говорится о социальной справедливости в различных аспектах. Так, согласно ст. 3 Конституции Республики Саха (Якутия) одним из принципов, на основе которых государство осуществляет свою деятельность, является социальная справедливость. В ст. 14 Устава Брянской области закреплено, что на основе социальной справедливости строится политика в сферах воспитания, образования, науки и культуры. В ст. 9 Устава Алтайского края сказано, что осуществление прав и свобод человека и гражданина в Алтайском крае основано на уважении, соблюдении и защите социальной справедливости.

Следует подчеркнуть разнообразие и оригинальность в подходах субъектов РФ к фиксации социальной справедливости в их основных законах. Данное наблюдение приводит, с одной стороны, к гипотезе о том, что каждый субъект РФ при разработке законов ориентируется на свои особенности и потребности. С другой стороны, проведенное исследование законодательства субъектов РФ во многом свидетельствует об обратном, что мы проиллюстрируем далее.

В большинстве субъектов РФ дублируется предусмотренная Федеральными законами от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях», от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях», от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» норма о том, что не может рассматриваться как разжигание социальной розни агитация, направленная на защиту идей социальной справедливости. Такое положение включено, к примеру, в избирательные кодексы субъектов РФ (Белгородская и Владимирская области, Приморский край и др.), законы субъектов РФ о выборах депутатов, а также глав субъектов РФ (Московская, Калужская и Сахалинская области и др.), о муниципальных выборах (Пензенская область, Республики Саха (Якутия) и Карелия и др.),

о региональных и местных референдумах (Липецкая и Смоленская области, Республика Бурятия и др.).

Анализ федерального законодательства, а также касающихся данного положения комментариев к рассмотренным федеральным законам показал, что отсутствуют понимание и соответствующее раскрытие этих «идей». Вопрос о том, на какие парадигмы, философские течения, возможно, политические мысли или принципы, выраженные в законодательных актах, следует опираться, остается открытым и субъективно трактуется лицом, осуществляющим предвыборную агитацию. Разумеется, и в самих региональных законодательных актах, посвященных выборам и референдумам, ответа на данный вопрос тоже не найти. Следует предположить, что на практике, если встанет вопрос о нарушении предусмотренных законодательством о выборах и референдумах требований к проведению агитации, ввиду субъективизма крайне не просто будет отстоять те действия, которые были предприняты в защиту идей социальной справедливости.

Также в качестве еще одного примера можно привести Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации», где говорится, что бесплатная юридическая помощь основывается на принципе социальной справедливости. Субъекты РФ (например, Нижегородская область) дублируют эту норму в своих законах о бесплатной юридической помощи, не раскрывая содержания данного принципа.

Имеются и положительные примеры, когда субъекты РФ, перечисляя какие-либо принципы, все же раскрывают их содержание.

Так, в законе Республики Северная Осетия – Алания от 14 июля 2008 г. № 35-РЗ «О программе экономического и социального развития Республики Северная Осетия – Алания на 2008–2012 годы» перечисляются цели реформирования межбюджетных отношений. Одна из них – социальная справедливость, которая характеризуется как обеспечение равного доступа граждан к основным бюджетным услугам и социальным гарантиям вне зависимости от места их проживания.

В постановлении Законодательного собрания Нижегородской области от 30 января

1996 г. № 1 «Об основных направлениях экономической и бюджетной политики в Нижегородской области» при описании реформы жилищно-коммунального хозяйства сформулированы некоторые итоги, включая обеспечение социальной справедливости, и в скобках раскрывается, в чем оно будет проявляться: «Богатые платят за все, бедным помогает государство».

В распоряжении Администрации Кемеровской области от 9 июля 2002 г. № 480-р «Об утверждении Концепции ценовой (тарифной) политики Администрации Кемеровской области на 2002–2005 годы» сказано, что основная цель ценовой (тарифной) политики достигается путем установления и последовательной реализации, в частности, принципа социальной справедливости. Последний подразумевает оценку «суммарной нагрузки на потребителя по всей области регулирования, адекватное формирование тарифов на услуги, оказываемые населению, их реальной платежеспособности и возможности областного бюджета»; эффективную адресную социальную помощь гражданам незащищенных категорий.

Отсюда следует вывод о том, что, во-первых, сферы общественных отношений, при регулировании которых используется термин «социальная справедливость», разнородны. Во-вторых, социальную справедливость нельзя свести к единым принципам, задачам, содержанию... В каждой ситуации необходимо задавать свои параметры, чтобы затем ими руководствоваться и предъявлять соответствующие требования.

Можно обратить внимание на то, что большинство приведенных правовых актов являются достаточно старыми (конец 90-х гг. – начало 2000-х гг.). Актуальных правовых актов, в которых в той или иной мере раскрывается суть социальной справедливости, крайне мало, а в тот период внимания ей уделялось больше, очевидно, в силу уверенности в поставленных задачах и выстроенных положениях правовых актов. Сегодня мы видим довольно размытые и абстрактные формулировки, следовательно, возникают вопросы о реальности этой категории и о возможности обеспечить социальную справедливость. К сожалению, нельзя исключать и использования термина «социальная справедливость»

в правовых актах лишь из соображений «красноречия».

Проводя анализ законодательства субъектов РФ, нужно обратить внимание на следующие ключевые аспекты.

Во-первых, однозначного понимания социальной справедливости на уровне регионов нет.

Так, социальная справедливость закрепляется как *принцип* (Камчатский край¹, Новосибирская область², Кемеровская область³ и др.), *конституционный принцип* (Томская область⁴, Ненецкий автономный округ⁵ и др.), *цель* (Кабардино-Балкарская Республика⁶), *задача* (Магаданская область⁷, Приморский край⁸ и др.), *критерий* (Хабаровский край⁹, Республика Саха (Якутия)¹⁰ и др.), *идея* (Карачаево-Черкесская Республика¹¹), *идея социального государства* (Хабаровский край¹²), *цель и характеристика* (Республика Саха (Якутия)¹³), *фактор* (Новосибирская область¹⁴, Республика Дагестан¹⁵), *критерий и показатель* (Новосибирская область¹⁶, Яма-

ло-Ненецкий автономный округ¹⁷, Кабардино-Балкарская Республика¹⁸), *идеал* (преамбулы конституций (уставов) некоторых субъектов), *проблема* (Белгородская область¹⁹). Кроме того, ряд субъектов фиксируют *принципы* (Томская область²⁰, Республика Адыгея²¹, Липецкая область²²) и *критерии* (Ямало-Ненецкий автономный округ²³, Республика Саха (Якутия)²⁴ и др.) социальной справедливости.

В докладах Уполномоченных по правам человека и в решениях конституционных (уставных) судов субъектов РФ можно также видеть положения о критериях, требованиях и проблемах социальной справедливости. Приведенные характеристики социальной справедливости в правовых актах не являются исчерпывающими.

Исходя из сказанного, можно поставить вопрос о разграничении принципов, идей, ценностей, идеалов социальной справедливости в различных контекстах и вопрос о том, имеет ли это значение вообще или стоит говорить лишь о придании весомости какому-либо положению, в котором социальная справедливость упоминается. Полагаем, что раскрытие единых характеристик социальной справедливости во всех существующих нормах является в некоторой степени утопичным. Следует, руководствуясь общим понятием социальной справедливости, находить ее аспекты, критерии, показатели в зависимости от регулируемой сферы общественных отношений.

Во-вторых, возникает проблема отсутствия заданных параметров достижения социальной справедливости. В качестве примера можно привести закон Приморского края от 9 марта 2006 г. № 340-КЗ «О Территориальном фонде обязательного медицинского

¹ Распоряжение Правительства Камчатского края от 23 сентября 2010 г. № 456-РП.

² Постановление Правительства Новосибирской области от 25 марта 2014 г. № 118-п.

³ Распоряжение Администрации Кемеровской области от 9 июля 2002 г. № 480-р.

⁴ Распоряжение Департамента общего образования Томской области от 23 апреля 2013 г. № 282-р.

⁵ Постановление губернатора Ненецкого автономного округа от 10 февраля 2016 г. № 5-пг.

⁶ Закон Кабардино-Балкарской Республики от 29 декабря 2004 г. № 57-РЗ.

⁷ Закон Магаданской области от 19 марта 2003 г. № 323-ОЗ.

⁸ Закон Приморского края от 9 марта 2006 г. № 340-КЗ.

⁹ Постановление губернатора Хабаровского края от 17 июня 2002 г. № 297.

¹⁰ Постановление Правительства Республики Саха (Якутия) от 20 ноября 2003 г. № 718.

¹¹ Постановление Правительства Карачаево-Черкесской Республики от 28 декабря 2023 г. № 407.

¹² Доклад Уполномоченного по правам человека в Хабаровском крае от 5 марта 2013 г. «О соблюдении прав и свобод человека и гражданина на территории Хабаровского края и о деятельности Уполномоченного по правам человека в Хабаровском крае в 2012 году».

¹³ Постановление Правительства Республики Саха (Якутия) от 9 июня 2001 г. № 333.

¹⁴ Постановление Правительства Новосибирской области от 27 декабря 2016 г. № 450-п.

¹⁵ Закон Республики Дагестан от 12 октября 2022 г. № 70.

¹⁶ Постановление губернатора Новосибирской области от 24 июля 2014 г. № 119.

¹⁷ Постановление Администрации Ямало-Ненецкого автономного округа от 14 сентября 2006 г. № 421-А.

¹⁸ Постановление Правительства Кабардино-Балкарской Республики от 23 июля 2013 г. № 213-ПП.

¹⁹ Распоряжение губернатора Белгородской области от 3 мая 2011 г. № 305-р.

²⁰ Постановление Государственной думы Томской области от 28 февраля 2008 г. № 1008.

²¹ Постановление Кабинета Министров Республики Адыгея от 2 февраля 1998 г. № 31.

²² Постановление Администрации Липецкой области от 10 февраля 2010 г. № 24.

²³ Постановление Администрации Ямало-Ненецкого автономного округа от 14 сентября 2006 г. № 421-А.

²⁴ Постановление Правительства Республики Саха (Якутия) от 20 ноября 2003 г. № 718.

страхования Приморского края», в котором достижение социальной справедливости фигурирует как задача Территориального фонда обязательного медицинского страхования Приморского края без соответствующих ориентиров на пути такого достижения.

В распоряжении Администрации Воронежской области от 17 июня 1999 г. № 840-р «Об обогащении продуктов питания витаминами и микроэлементами» говорится о «поддержании социальной справедливости» в сфере охраны здоровья. Возникает вопрос: социальная справедливость в указанной сфере уже достигнута, и ее необходимо лишь поддерживать на том уровне, на каком она находится? Полагаем, что это весьма сомнительно. Аналогично в постановлении Правительства Новосибирской области от 27 декабря 2016 г. № 450-п «Об утверждении прогноза социально-экономического развития Новосибирской области на 2016–2030 годы» говорится об «укреплении социальной справедливости» и, видимо, тоже подразумевает ее поддержание на актуальных позициях.

Иногда заявлению о том, что была достигнута социальная справедливость, дается обоснование, но даже оно, по нашему мнению, неубедительно, поскольку в нем нет правовых отсылок. Главное – раскрыть в правовых актах понятие, критерии, показатели социальной справедливости, иначе получается, что слова «нарушается», «достигли», «восстановили», «обеспечили большую...», «укрепили...» применительно к социальной справедливости употребляются формально.

Следует отметить, что и в некоторых правовых актах говорится о потребности возвести социальную справедливость в правовую плоскость. Так, в постановлении Правительства Кабардино-Балкарской Республики от 19 мая 2015 г. № 97-ПП «О Стратегии устойчивого развития сельских территорий в Кабардино-Балкарской Республике на период до 2030 года» сказано, что назрела необходимость определить критерии экономической эффективности и социальной справедливости землепользования.

Из сказанного вытекает следующий вопрос: требование руководствоваться принципом социальной справедливости (соблюдать этот принцип) – фикция, или социальную справедливость все-таки можно обеспечить?

В некоторых правовых актах, посвященных этике и служебному поведению государственных гражданских служащих, муниципальных служащих, социальных работников, работников министерств, говорится о том, что данные субъекты обязаны соблюдать принцип социальной справедливости или руководствоваться им. В качестве примеров можно привести приказ Министерства социальной защиты Сахалинской области от 17 марта 2014 г. № 27-н «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения государственных гражданских служащих, работников, замещающих должности, не являющиеся должностями государственной гражданской службы Сахалинской области, министерства социальной защиты Сахалинской области и работников учреждений социального обслуживания и социальной поддержки Сахалинской области», распоряжение Правительства Тамбовской области от 2 ноября 2022 г. № 118-р «Об утверждении Кодекса этического поведения государственных гражданских служащих Правительства Тамбовской области и исполнительных органов Тамбовской области» и другие правовые акты субъектов РФ.

Непонятно, можно ли действительно выполнить данное требование, поскольку не прописаны условия его выполнения, критерии, а значит, нет и четкого понимания того, что такое социальная справедливость. Неясно также, на что следует ссылаться, например, государственному гражданскому служащему, чтобы утверждать, что он соблюдает принцип социальной справедливости. В данном случае он будет лишь субъективно толковать этот принцип, что может отличаться от мнения, например, тех, кто находится на вышестоящих должностях. Возникает и логичный вопрос о наличии в данном положении коррупционного фактора – юридико-лингвистической неопределенности, поскольку речь идет о термине, не имеющем четкого значения в соответствующих актах. Решить данную проблему можно, как указывалось ранее, если закрепить непосредственно в тексте правового акта понятие / критерии социальной справедливости применительно к сфере, к которой он относится.

В качестве положительных примеров регламентации параметров социальной справедливости нужно привести значимую,

с нашей точки зрения, норму из постановления Администрации Липецкой области от 10 февраля 2010 г. № 24 «Об утверждении государственных стандартов социального обслуживания населения Липецкой области», а также аналогичные нормы в других субъектах. В этих положениях сказано, что при предоставлении социальных услуг гражданам пожилого возраста (женщинам старше 55 лет, мужчинам старше 60 лет) и инвалидам (в том числе детям-инвалидам) следует соблюдать принципы социальной справедливости, и, что самое главное, перечислены эти принципы: соблюдение прав гражданина и человека; ориентация социального обслуживания на индивидуальные потребности граждан пожилого возраста и инвалидов; приоритет мер по социальной защите граждан пожилого возраста и инвалидов; обеспечение равных возможностей в получении социальных услуг и их доступности для всех граждан пожилого возраста и инвалидов; предоставление государственных гарантий в сфере социального обслуживания населения. Следует заметить, что данные принципы продублированы из Федерального закона от 2 августа 1995 г. № 122-ФЗ «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов», который уже утратил силу. В Законе были обозначены только сами принципы, а указание на социальную справедливость было добавлено уже самими субъектами РФ.

К сожалению, подобных примеров в законодательстве субъектов РФ очень мало. В большинстве случаев говорится об учете / обеспечении / соблюдении / восстановлении принципа социальной справедливости без конкретизации ее составляющих.

Нередко в правовых актах социальная справедливость упоминается вместе с такими принципами, как социальная ориентированность, адресность и нуждаемость. Обратимся к трактовке данных терминов с теоретической точки зрения.

По мнению Т. В. Дыльновой и И. А. Панкратова, «социальная справедливость выступает как категория, с помощью которой характеризуется объективно обусловленная уровнем материальной и духовной зрелости общества мера равенства и неравенства в жизненном положении различных социальных общностей и индивидов. Справедливость,

соотнося людей и их поступки, определяет, в чем и как люди непременно должны выступить как равные друг другу, в чем и каким образом – отличаться друг от друга» [Дыльнова, Панкратов 2012: 76].

С точки зрения С. А. Авакьяна, одна из идей социальной справедливости заключается в том, чтобы малообеспеченные люди, не имеющие по объективным причинам возможности заработать на достойную жизнь, получали бы поддержку со стороны государства [Авакьян 2011: 124–125].

Принцип адресности, с позиции И. С. Карпиковой, означает, что социальная помощь должна оказываться тем лицам, которые истинно нуждаются в ней [Карпикова 2007: 125].

Продолжением данного понятия является термин «нуждаемость». Л. В. Кольцова предлагает следующее определение нуждаемости: социальное длительное состояние (жизненная ситуация) лица, при котором это лицо в силу объективных причин не может самостоятельно удовлетворить свои элементарные потребности и которое выражается в отсутствии у лица средств к существованию, в том числе необходимых средств на оплату жилого помещения, питания, лечения и т. п. [Кольцова 2017: 149].

Социальная ориентированность нами понимается как направленность на решение социальных проблем в обществе, забота государства о своих гражданах и помощь им. В докладе Уполномоченного по правам человека Хабаровского края от 5 марта 2013 г. отмечается, что главной идеей социального государства является социальная справедливость. Интересна мысль А. Х. Абашидзе о том, что правильнее всего было бы употреблять не понятие «социальное государство», а понятие «социально-ориентированное государство», тем самым подчеркивая его динамичный характер и более объективно оценивая его содержание [Абашидзе 2022: 178].

Охарактеризуем сочетания рассматриваемых терминов в законодательстве субъектов РФ.

«Социальная справедливость» и «адресность». Согласно постановлению Правительства Республики Тыва от 24 декабря 2018 г. № 638 «О Стратегии социально-эконо-

мического развития Республики Тыва до 2030 года» «система социальной политики Республики Тыва ориентирована на социальную защиту отдельных категорий граждан, основанной на принципах социальной справедливости и адресности». В законе Тюменской области от 24 марта 2020 г. № 23 «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Тюменской области до 2030 года» сказано, что «развитие системы социальной защиты в отношении отдельных категорий граждан (пожилых, инвалидов и маломобильных групп населения, семей, имеющих детей, в том числе многодетных и других), которым по объективным причинам требуется забота общества, строится на принципах социальной справедливости и адресности (реальной нуждаемости)». Можно заметить, что, как и в предыдущем примере, социальная справедливость и адресность выступают самостоятельными принципами. При этом в определенных случаях законодатель приравнивает адресность и нуждаемость друг к другу. Аналогично и в постановлении Правительства Красноярского края от 30 октября 2018 г. № 647-п «Об утверждении стратегии социально-экономического развития Красноярского края до 2030 года» говорится, что «в предстоящие годы развитие системы социальной защиты в отношении тех, кому по объективным причинам требуется забота общества, будет строиться на принципах социальной справедливости и адресности. При этом адресность будет пониматься не как категория населения по возрастному или иному признаку, а будет учитывать реальную нуждаемость».

«Социальная справедливость» и «нуждаемость». В соответствии с постановлением Правительства Республики Северная Осетия – Алания от 19 июля 2016 г. № 251 «О Программе оздоровления государственных финансов Республики Северная Осетия – Алания на 2016–2024 годы» «применение принципа нуждаемости при предоставлении гражданам мер социальной помощи и поддержки в наибольшей степени соответствует принципу социальной справедливости». В данном случае можно предположить, что принцип нуждаемости выступает как некая составляющая социальной справедливости.

«Социальная справедливость» и «социальная ориентированность». В законе Нижегородской области от 2 ноября 2012 г. № 144-З «О бесплатной юридической помощи в Нижегородской области» социальная справедливость и социальная ориентированность охарактеризованы как принципы оказания бесплатной юридической помощи. Согласно приказу Агентства по делам юстиции и мировых судей Пермского края от 29 июня 2015 г. № СЭД-37-01-07-95 «Об утверждении Порядка оказания бесплатной юридической помощи ГКУ „Государственное юридическое бюро Пермского края“» «качество оказания бесплатной юридической помощи гарантируется и обеспечивается путем соблюдения сотрудниками Государственного юридического бюро следующих принципов ее оказания: социальная справедливость и социальная ориентированность...».

«Социальная справедливость», «адресность», «нуждаемость». В постановлении Правительства Республики Башкортостан от 28 сентября 2015 г. № 416 «Об итогах социально-экономического развития Республики Башкортостан в первом полугодии 2015 года» указано, что социальное обеспечение исходит «из принципов адресности и нуждаемости в целях обеспечения социальной справедливости». Здесь принципы выступают как руководящие идеи или средства на пути к обеспечению социальной справедливости.

Обращаясь к упомянутому примеру Липецкой области, где установлены принципы социальной справедливости, можно сказать, что в некотором смысле социальная справедливость по отношению к социальной ориентированности, адресности и нуждаемости выступает общим понятием. Думается, что данные термины используют в основном как фигуру речи, без намерения их разграничить. Складывается мнение о том, что рассматриваемые понятия не могут существовать по отдельности. Более логичными представляются варианты их употребления по аналогии с теми, что приняты, например, в Республике Башкортостан. Однако здесь опять встает вопрос о характеристике социальной справедливости как принципа, цели, идеала, показателя и т. д., и этот вопрос требует более детального и глубокого изучения.

Как отмечалось ранее, социальная справедливость подразумевает улучшение жизни граждан, достижение компромиссов в вопросах социального равенства, стремление к высокому уровню социальной защищенности, равномерному распределению социальных благ и т. д. Государство, ставя перед собой такие цели, принимает, в частности, программные, стратегические документы и проекты [Павлова 2024: 248]. Рассмотрим, как на уровне субъектов РФ в обозначенных документах раскрывается суть социальной справедливости и какое содержание ей придается.

В постановлении Правительства Калужской области от 26 апреля 1999 г. № 49 «Об областной целевой программе развития личных подсобных хозяйств Калужской области на 1999–2001 годы „Подворье“» сказано, что расширение сельскохозяйственной кооперации позволит увязать дифференциацию доходов людей с результатами их деятельности, а это подразумевает осуществление мер социальной справедливости, способствующих улучшению социального положения населения и ослаблению социальной напряженности. (Повторим, смысл социальной справедливости гораздо чаще раскрывался именно в «старых» правовых актах.)

В постановлении Администрации Смоленской области от 28 ноября 2013 г. № 974 «Об утверждении областной государственной программы „Социальная поддержка граждан, проживающих на территории Смоленской области“» закреплено, что меры социальной поддержки в категориальной форме дифференцированы с учетом заслуг граждан по защите Отечества, безупречной военной службы, продолжительного добросовестного труда. В наибольшем объеме льготы предоставляются ветеранам (в том числе ветеранам, принимавшим непосредственное участие в боевых действиях), труженикам тыла, реабилитированным лицам и лицам, признанным пострадавшими от политических репрессий. Необходимость дифференциации обусловлена потребностью в наиболее полной реализации принципа социальной справедливости.

В постановлении Курской областной Думы от 20 февраля 2014 г. № 979-V ОД «Об отчете о деятельности Контрольно-счетной палаты Курской области за 2013 год»

говорится, что необходимо сделать Комитету социального обеспечения Курской области, чтобы обеспечить социальную справедливость и уравнивать в правах граждан обеих категорий: ветеранов труда и ветеранов труда Курской области, а именно рассмотреть вопрос об увеличении ежемесячной денежной выплаты для категории «ветеран труда Курской области» до уровня выплат, установленных для категории «ветеран труда», путем внесения изменений в ст. 2 закона Курской области от 9 июня 2007 г. № 42-ЗКО «О звании „Ветеран труда Курской области“».

Хотя характер программ подразумевает наличие в них конкретных перечней мероприятий, сроков, целей, тем не менее не всегда можно понять, что имеется в виду, положения

Социальная справедливость подразумевает улучшение жизни граждан, достижение компромиссов в вопросах социального равенства, стремление к высокому уровню социальной защищенности, равномерному распределению социальных благ

звучат декларативно. Например, в постановлении главы Администрации Смоленской области от 22 марта 2000 г. № 152 «Об утверждении региональной целевой программы „Развитие земельной реформы в Смоленской области на 2000–2002 годы“» сказано, что перед Смоленской областью стоит задача «завершения реформирования земельных отношений и создания областной системы землепользования, которая позволила бы соединить свободу владения землей, ее эффективное использование и социальную справедливость при распределении земли». Неясно, чем руководствоваться при распределении земли: нужно ли распределять ее в зависимости от категории гражданина, от имущественного положения или от каких-то иных критериев? В постановлении Кабинета министров Республики Адыгея от 2 февраля 1998 г. № 31 «О мерах по реализации Адыгейской республиканской программы „Жилище“» учитывался именно имущественный критерий: при переходе к рыночным принципам оплаты жилья и коммунальных услуг размер социальной нормы площади жилья и нормы потребления

коммунальных услуг определялся с учетом принципов социальной справедливости, так как при этом «основная доля удорожания ложится на граждан с высоким уровнем доходов, имеющих, как правило, жилье площадью, превышающей социальную норму».

Можно привести еще множество примеров того, какие идеи о реализации социальной справедливости предлагают субъекты РФ.

В постановлении Правительства Республики Дагестан от 25 апреля 2007 г. № 111 «О республиканской целевой программе „Развитие системы сельскохозяйственной потребительской кооперации в Республике Дагестан на 2007–2009 годы“» говорится, что увязать дифференциацию доходов сельских тружеников с результатами их деятельности – означает осуществить меры, способствующие достижению социальной справедливости, улучшению социального положения сельского населения и ослаблению возросшей социальной напряженности.

В постановлении губернатора Ставропольского края от 30 декабря 2002 г. № 631 «О краевой целевой программе „Совершенствование управления финансово-бюджетным комплексом на основе автоматизации казначейской системы исполнения бюджета Ставропольского края на 2003–2005 годы“» сказано, что социальная справедливость обеспечивается через выравнивание доступа граждан к основным общественным услугам и социальным гарантиям.

Нередко в нормативных актах субъектов РФ встречается фраза о том, что возможность получить качественное профессиональное образование является основой / фактором социальной справедливости (см., например: постановление Правительства Ленинградской области от 30 ноября 2022 г. № 877 «Об утверждении региональной программы „Формирование системы комплексной реабилитации и абилитации инвалидов, в том числе детей-инвалидов, Ленинградской области на 2023–2026 годы“»). Такое положение было продублировано из распоряжения Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года», и оно повторяется во многих программных документах о социально-экономическом развитии субъектов РФ.

В вопросах обеспечения социальной справедливости на первый план выходят государственные программы в социальной сфере [Павлова 2024: 249]. Социальная справедливость красной нитью проходит через стратегии социально-экономического развития ряда субъектов РФ (Архангельская область¹; Калининградская область² и др.), однако в каких-то субъектах РФ о социальной справедливости говорится в общем, без каких-либо критериев ее достижения, а где-то ей придается конкретное содержание и устанавливаются соответствующие требования. Например, в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре³ социальная справедливость названа одним из сквозных принципов стратегического управления регионом и определена как «наличие равных возможностей и социальных привилегий, устранение препятствий для социальной мобильности, создание действенных программ социального обеспечения». В распоряжении Правительства Камчатского края от 23 сентября 2010 г. № 456-РП сказано, что реализация региональной политики в сфере социально-трудовых отношений и социальной защиты населения основывается, в частности, на принципе социальной справедливости; это значит, что государство должно гарантировать равенство прав и возможностей в социально-трудовой сфере.

К сожалению, все же в большинстве субъектов РФ социальной справедливости не придается конкретного содержания в той или иной стратегии (Ставропольский край⁴, Тюменская область⁵, Республика Тыва⁶, Республика Ингушетия⁷ и т. д.). Программные и стратегические документы в силу своего предназначения должны закреплять точные цели, которых следует достичь, и задачи, которые следует выполнить. Недостаточно

¹ Закон Архангельской области от 18 февраля 2019 г. № 57-5-ОЗ.

² Постановление Правительства Калининградской области от 2 августа 2012 г. № 583.

³ Распоряжение Правительства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 3 ноября 2022 г. № 679-рп.

⁴ Закон Ставропольского края от 27 декабря 2019 г. № 110-кз.

⁵ Закон Тюменской области от 24 марта 2020 г. № 23.

⁶ Постановление Правительства Республики Тыва от 24 декабря 2018 г. № 638.

⁷ Постановление Правительства Республики Ингушетия от 16 февраля 2009 г. № 49.

перечислить принципы или абстрактно констатировать продвижение / обеспечение социальной справедливости.

Как уже было отмечено, социальная справедливость, по нашему мнению, с точки зрения ее характеристики больше тяготеет именно к категории идеала. Она подразумевает обеспечение прав и свобод человека и гражданина, устранение неравенства, поддержку тех граждан, которые больше всего в этой поддержке нуждаются. Учитывая сказанное, определим социальную справедливость как общественный идеал, предполагающий равномерное распределение социальным государством материальных благ между членами общества на основе тех прав и гарантий, которые установлены в Конституции РФ и в последующем конкретизируются в текущем законодательстве. Законодатели могут руководствоваться этим определением при формулировании соответствующих критериев достижения социальной справедливости в разных сферах общественных отношений.

Следует подчеркнуть, что обозначенные нами проблемные аспекты социальной справедливости не являются исчерпывающими. Более детально нужно проанализировать роль докладов, которые составляют Уполномоченные по правам человека в Российской Федерации и в субъектах РФ и в которых нередко поднимается проблематика социальной справедливости. Уполномоченный по правам человека, который напрямую сталкивается с нарушением прав и свобод человека и гражданина, часто приводит убедительные и последовательные аргументы относительно достижения социальной справедливости, например по поводу обеспечения мерами социальной поддержки ветеранов военной службы. В заключениях подобных

докладов нередко предлагается внести изменения в действующее законодательство РФ и отдельных субъектов РФ.

Также следует выявить те сферы, в которых фигурирует социальная справедливость. Однозначно можно сказать, что данная категория не ограничивается социально-экономической сферой, а является всеобъемлющей, следовательно, встречается (как и категории, смежные с ней) в бюджетном, налоговом, экологическом, избирательном и ином законодательстве.

Ранее мы анализировали практику Конституционного Суда Российской Федерации, что привело к выводу о потребности в толковании социальной справедливости. Пусть не всегда, но хотя бы в определенных случаях при формулировании выводов, основанных на данном принципе, Суд мог бы продемонстрировать, для чего в том или ином случае он этот принцип применяет и как он реализуется или должен быть реализован [Павлова 2022: 152–153]. Кроме того, уместно было бы проанализировать судебную практику в субъектах РФ, главным образом, бывших конституционных и уставных судов, на предмет того, как они применяли данное понятие, вкладывали ли в него какое-то содержание, и если да – то какое. Возможно, интересной будет и практика созданных в некоторых субъектах РФ конституционных советов.

Думается, что необходимо и дальше анализировать и разрешать связанные с категорией социальной справедливости проблемы, которые возникают как в теории, так и на практике (в законодательной и судебной деятельности), поскольку формальное употребление этого термина, без определения его содержания и критериев, ведет к тому, что обесценивается его смысл.

Список литературы

Абашидзе А. Х. Взаимосвязь социально-ориентированного государства и обеспечения социальных прав человека: конституционное и международно-правовое измерения // Пробелы в российском законодательстве. 2022. Т. 15. № 2. С. 175–181.

Авакьян С. А. Конституционно-правовой статус политических партий в России: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений, обучающихся по направлению и специальности «Юриспруденция». М.: Норма, 2011. 319 с.

Дьячкова Т. В., Панкратов И. А. Социальная справедливость – важнейший принцип социальной политики государства // Информационная безопасность регионов. 2012. № 1. С. 75–79.

Карпикова И. С. Адресность социальной защиты населения: необходимость и проблемы ее внедрения // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2007. № 6. С. 125–127.

Киселева Н. Н. Конституция РФ и социальная справедливость: идеи и реальность // Социальная справедливость и гуманизм в современном государстве и праве: материалы Междунар. науч-практ. конф. (Москва, 18 февраля 2015 г.) / под общ. ред. Т. А. Сошниковой. М.: Москов. гуманитар. ун-т, 2015. С. 238–241.

Кольцова Л. В. Нуждаемость как условие алиментных обязательств // Вестник магистратуры. 2017. № 7. С. 148–150.

Павлова М. А. Реализация принципа социальной справедливости в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Актуальные вопросы публичного права: материалы XXI Всерос. науч. конф. молодых ученых и студентов (Екатеринбург, 17–18 ноября 2022 г.) / отв. за вып. К. Ю. Патрушев. Екатеринбург: Урал. гос. юрид. ун-т им. В. Ф. Яковлева, 2022. С. 145–154.

Павлова М. А. Эволюция конституционного регулирования принципа социальной справедливости в России в контексте федерализма и социальной дифференциации // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 4. С. 41–51. DOI: 10.34076/22196838_2023_4_41.

Павлова М. А. Государственные программы в России и Казахстане как вектор обеспечения социальной справедливости // Права человека и их защита: теория, реальность и тенденции развития: сб. материалов V Евразийского форума по правам человека (Астана, 1 декабря 2023 г.) / под ред. З. Х. Баймолдиной. Астана: Изд-во РГУ «Академия правосудия при Верховном Суде Республики Казахстан», 2024. С. 247–252.

Умнова-Конюхова И. А. Конституционные основы российского социального права: состояние и перспективы формирования // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 10. С. 3–10. DOI: 10.18572/1812-3767-2022-10-3-10.

Хабриева Т. Я., Чиркин В. Е. Социальная справедливость (некоторые конституционные вопросы) // Общественные науки и современность. 2017. № 3. С. 5–14.

Чиркин В. Е. Социальная справедливость и российская конституция // Социальная справедливость и гуманизм в современном государстве и праве: материалы Междунар. науч-практ. конф. (Москва, 18 февраля 2015 г.) / под общ. ред. Т. А. Сошниковой. М.: Москов. гуманитар. ун-т, 2015. С. 18–24.

Мария Андреевна Павлова – преподаватель кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: marakima@mail.ru.

ORCID: 0009-0001-3098-1669

Social Justice in the Legal Acts of the Subjects of the Russian Federation

The category of social justice is not always given a clear interpretation, because it is often used only as a set expression for the sake of eloquence. This, in fact, deprives this category of its meaning. Legal acts serve as instruments of order and stability of the state. Consequently, one of the ways to solve problems related to social justice lies in the consideration of legal acts of the constituent entities of the Russian Federation. In particular, the meaning which the legislators give to the concept of social justice should be studied as well as its criteria.

Having analyzed various legal acts of the constituent entities of the Russian Federation, the author consistently raises both theoretical questions and questions of legal regulation. First, the constitutions and charters of the constituent entities of the Russian Federation are considered in the context of enshrining social justice in them. The problems of nominal duplication of federal legislation and the possibility of observing social justice are identified. The relationship between the categories of social justice and social orientation, targeting,

need, which appear in the legal acts of the constituent entities of the Russian Federation, is studied. Proposals are made regarding more detailed regulation of social justice in legal acts, and its general definition is formulated.

Keywords: social justice, legal acts of the subjects of the Russian Federation, constitution (charter) of the subject of the Russian Federation, concept of social justice, characteristics of social justice, content of social justice, criteria of social justice

Recommended citation

Pavlova M. A. Sotsial'naya spravedlivost' v pravovykh aktakh sub'ektov Rossiiskoi Federatsii [Social Justice in the Legal Acts of the Subjects of the Russian Federation], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2024, no. 4, pp. 22–34, DOI: 10.34076/2410-2709-2024-142-4-22-34.

References

Abashidze A. Kh. Vzaimosvyaz' sotsial'no-orientirovannogo gosudarstva i obespecheniya sotsial'nykh prav cheloveka: konstitutsionnoe i mezhdunarodno-pravovoe izmereniya [The Relationship between a Socially Oriented State and Ensuring Social Human Rights: Constitutional and International Legal Dimensions], *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve*, 2022, vol. 15, no. 2, pp. 175–181.

Avak'yan S. A. *Konstitutsionno-pravovoi status politicheskikh partii v Rossii* [Constitutional and Legal Status of Political Parties in Russia], Moscow, Norma, 2011, 319 p.

Chirkin V. E. *Sotsial'naya spravedlivost' i rossiiskaya konstitutsiya* [Social Justice and the Russian Constitution], Soshnikova T. A. (ed.) *Sotsial'naya spravedlivost' i gumanizm v sovremennom gosudarstve i prave* [Social Justice and Humanism in the Modern State and Law]: conference papers, Moscow, Moskov. gumanitar. un-t, 2015, pp. 18–24.

Dyl'nova T. V., Pankratov I. A. Sotsial'naya spravedlivost' – vazhneishii printsip sotsial'noi politiki gosudarstva [Social Justice Is the Most Important Principle of Social Policy of the State], *Informatsionnaya bezopasnost' regionov*, 2012, no. 1, pp. 75–79.

Karpikova I. S. Adresnost' sotsial'noi zashchity naseleniya: neobkhodimost' i problemy ee vnedreniya [Targeting of Social Protection of the Population: The Need and Problems of Its Implementation], *Izvestiya Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii*, 2007, no. 6, pp. 125–127.

Khabrieva T. Ya., Chirkin V. E. Sotsial'naya spravedlivost' (nekotorye konstitutsionnye voprosy) [Social Justice (Some Constitutional Issues)], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2017, no. 3, pp. 5–14.

Kiseleva N. N. *Konstitutsiya RF i sotsial'naya spravedlivost': idei i real'nost'* [The Constitution of the Russian Federation and Social Justice: Ideas and Reality], Soshnikova T. A. (ed.) *Sotsial'naya spravedlivost' i gumanizm v sovremennom gosudarstve i prave* [Social Justice and Humanism in the Modern State and Law]: conference papers, Moscow, Moskov. gumanitar. un-t, 2015, pp. 238–241.

Kol'tsova L. V. Nuzhdaemost' kak uslovie alimentnykh obyazatel'stv [Neediness as a Condition of Alimony Obligations], *Vestnik magistratury*, 2017, no. 7, pp. 148–150.

Pavlova M. A. *Evolutsiya konstitutsionnogo regulirovaniya printsipa sotsial'noi spravedlivosti v Rossii v kontekste federalizma i sotsial'noi differentsiatsii* [Evolution of the Constitutional Regulation of the Principle of Social Justice in Russia in the Context of Federalism and Social Differentiation], *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, 2023, no. 4, pp. 41–51, DOI: 10.34076/22196838_2023_4_41.

Pavlova M. A. *Gosudarstvennye programmy v Rossii i Kazakhstane kak vektor obespecheniya sotsial'noi spravedlivosti* [State Programs in Russia and Kazakhstan as a Vector of Ensuring Social Justice], Baimoldinova Z. Kh. (ed.) *Prava cheloveka i ikh zashchita: teoriya, real'nost' i tendentsii razvitiya* [Human Rights and Their Protection: Theory, Reality and Development Trends]: conference papers, Astana, Izd-vo RGU «Akademiya pravosudiya pri Verkhovnom Sude Respubliki Kazakhstan», 2024, pp. 247–252.

Pavlova M. A. *Realizatsiya printsipa sotsial'noi spravedlivosti v resheniyakh Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii* [The Implementation of the Principle of Social Justice in the Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation], Patrushev K. Yu. (ed.) *Aktual'nye voprosy publichnogo prava* [Topical Issues of Public Law]: conferences papers, Ekaterinburg, Ural. gos. yurid. un-t im. V. F. Yakovleva, 2022, pp. 145–154.

Umnova-Konyukhova I. A. *Konstitutsionnye osnovy rossiiskogo sotsial'nogo prava: sostoyanie i perspektivy formirovaniya* [Constitutional Foundations of Russian Social Law: The State and Prospects of Formation], *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 2022, no. 10, pp. 3–10, DOI: 10.18572/1812-3767-2022-10-3-10.

Maria Pavlova – lecturer of the Department of constitutional law, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: mapakima@mail.ru.

ORCID: 0009-0001-3098-1669

Дата поступления в редакцию / Received: 31.07.2024

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 13.09.2024

Е. В. Михайлова
Институт государства и права
Российской академии наук
(Москва)

КОНВЕРГЕНЦИЯ ЧАСТНОГО И ПУБЛИЧНОГО В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

В статье исследуется проблема проявления и дифференциации частных и публичных начал в цивилистическом судопроизводстве. Автор отталкивается от прямой взаимосвязи между природой подлежащего защите нарушенного или оспоренного права или законного интереса и процессуальной формой его защиты. Показано, что гражданские правоотношения не всегда основаны на равенстве участвующих в них субъектов. Кроме того, участвующее в гражданском правоотношении государство преследует публичный интерес, вследствие чего предметом гражданского и арбитражного процесса в ряде случаев выступает не только частное, но и публичное право. Адекватные этому процессуальные правила рассмотрения указанных дел законодателем не сформулированы.

Предлагается включить в ГПК РФ и АПК РФ разделы, регулирующие процессуальные особенности рассмотрения дел с участием государства, либо закрепить в КАС РФ единый критерий для определения публично-правовых дел, подлежащих рассмотрению по правилам административного судопроизводства. Публичное начало цивилистического процесса также детерминировано публично-правовой функцией суда, осуществляющего правосудие. В силу этого суд не вправе изменять правовые нормы и по собственному усмотрению делать выводы об их юридической силе. Подвергается сомнению соответствие судебной примирительной процедуры общим началам судопроизводства как публично-правовой деятельности.

Ключевые слова: цивилистический процесс, процессуальная форма защиты, частное и публичное право, государство как субъект гражданского правоотношения, судебное усмотрение, доказывание, судебная примирительная процедура

Для цитирования

Михайлова Е. В. Конвергенция частного и публичного в цивилистическом процессе // Российское право: образование, практика, наука. 2024. № 4. С. 35–44. DOI: 10.34076/2410-2709-2024-142-4-35-44.

УДК 34 (075.8)

DOI: 10.34076/2410-2709-2024-142-4-35-44

Введение

В последнее десятилетие явно прослеживается тенденция к дифференциации процессуальных форм защиты частных и публичных прав, апофеозом которой стало принятие в 2015 г. КАС РФ. Тем не менее современный цивилистический процесс, под которым мы понимаем гражданское и арбитражное судопроизводство, по-прежнему представляет собой бессистемное соединение публичных и частноправовых начал. Подчас трудно определить не только природу подлежащего рассмотрению дела, но и сам алгоритм про-

цессуальной деятельности суда и участвующих в деле лиц.

Ответственность в этом вопросе лежит на законодателе, который не закрепил четкого критерия классификации гражданских дел на частноправовые и публично-правовые и не определил особенности рассмотрения и разрешения тех и других. Гражданско-процессуальные нормы предусматривают возможность рассмотрения частноправовых дел в рамках искового и особого производства. Дела, вытекающие из публичных правоотношений, ранее рассматривавшиеся по правилам специального раздела ГПК РФ, теперь

подлежат разрешению согласно нормам КАС РФ. Следовательно, все дела, возникающие из частноправовых отношений, должны рассматриваться судами общей юрисдикции по правилам гражданского судопроизводства.

Понятие и признаки частноправового отношения можно вывести из положений Гражданского кодекса РФ. Так, уже в ч. 1 ст. 1 ГК РФ закреплено, что гражданское законодательство основывается на признании равенства субъектов данных отношений¹. Физические и юридические лица осуществляют гражданские права своей волей и в своем интересе. В ст. 124 установлено, что публично-правовые образования² выступают в гражданских правоотношениях на равных началах с иными участниками этих отношений.

По-иному устроены публично-правовые отношения, что отражено в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ. В п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2016 г. № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» указывается, что «к административным делам, рассматриваемым по правилам КАС РФ, относятся дела, возникающие из правоотношений, не основанных на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности их участников, в рамках которых один из участников правоотношений реализует административные и иные публично-властные полномочия по исполнению и применению законов и подзаконных актов по отношению к другому участнику».

Таким образом, споры субъектов, находящихся в отношениях равенства, должны быть рассмотрены по правилам гражданского судопроизводства. Напротив, если участники спорного материального правоотношения на-

ходятся в отношениях власти и подчинения, дело должно быть рассмотрено по правилам административного судопроизводства. Однако правоотношения, урегулированные гражданским законодательством, далеко не однородны.

Например, все правоотношения, связанные с распоряжением недвижимым имуществом, предполагают государственную регистрацию перехода прав. Вопрос о природе этих отношений был в недавнем прошлом таким острым, что стал предметом рассмотрения Конституционным Судом Российской Федерации. Суд разъяснил: «Законодательное закрепление необходимости государственной регистрации права собственности на недвижимое имущество является, таким образом, признанием со стороны государства публично-правового интереса в установлении принадлежности недвижимого имущества конкретному лицу, чем обеспечивается защита прав других лиц, стабильность гражданского оборота и предсказуемость его развития... Подход, основанный на отождествлении публично-правовых споров и гражданско-правовых споров, решение по которым влечет за собой необходимость государственной регистрации прав на недвижимое имущество, не учитывает конституционно-правовую природу соответствующих правоотношений... Следовательно, отношения по поводу государственной регистрации нельзя считать содержательным элементом спорного правоотношения, суть которого остается частноправовой, а „публичный эффект“ появляется лишь после удостоверения государством результатов сделки или иного юридически значимого действия»³.

Вывод о частноправовой природе споров, способных повлечь государственную регистрацию перехода прав на недвижимость, тем не менее, представляется спорным. Право собственности на недвижимое имущество возникает именно с момента государствен-

¹ А. Я. Вышинский описывал тонкости понимания равенства в праве так: «По своей природе право может состоять лишь в применении равного мерила; но неравные индивиды могут быть измеряемы одним и тем же мерилем лишь постольку, поскольку их рассматривают под одним углом зрения, берут их с определенной стороны...» [Вышинский 1949: 12].

² Термин «публично-правовое образование» не закреплен законодательно, однако доктрина исходит из следующего его определения: «Целесообразно отнести к публично-правовым сообществам-образованиям следующие территориальные единицы: само государство в его границах, субъект федерации – государственное или государствовподобное образование, территориальную автономию, муниципальное образование» [Савенков, Чиркин 2018: 23].

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 26 мая 2011 г. № 10-П по делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 11 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 2 статьи 1 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», статьи 28 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», пункта 1 статьи 33 и статьи 51 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации.

ной регистрации, поэтому следует признать, что государство в лице соответствующего наделенного необходимыми полномочиями регистрационного органа выступает третьим участником правоотношения. Так же очевидно, что в данном правоотношении государство реализует функцию управления и находится с двумя другими, частноправовыми, участниками сделки в состоянии юридического неравенства, в отношениях власти и подчинения. В связи с этим позиция ВАС РФ, согласно которой правоотношения в сфере распоряжения недвижимостью являются публично-правовыми, заслуживает, на наш взгляд, большей поддержки.

Рассуждения эти не умозрительны. Их практическое значение заключается в том, что споры, возникающие из распоряжения недвижимым имуществом, сейчас рассматриваются и разрешаются в рамках гражданского процесса (искового производства). Это влечет для их участников все те правовые последствия, которые возникают при судебном разбирательстве частноправовых конфликтов: каждая сторона в соответствии с принципом состязательности должна самостоятельно доказать свои требования и возражения; суд является независимым арбитром и руководствуется принципом «формальной истины», не вмешиваясь в «состязание сторон» и не имея права выйти за пределы заявленных требований и приведенных доводов. Соответственно, орган государственной власти, зарегистрировавший переход права, привлекается к участию в деле в лучшем случае в качестве третьего лица и не обязан, как в административном судопроизводстве, доказать законность и обоснованность совершенных им действий.

Если бы указанные споры разрешались как публично-правовые конфликты, т. е. в порядке административного судопроизводства, то на регистрационный орган была бы возложена обязанность доказать, что он действовал строго в соответствии с законом, имел все основания совершить те или иные действия. Суд в административном судопроизводстве характеризуется высокой степенью процессуальной активности и вправе выходить как за пределы заявленных участниками дела доводов, так и за рамки их требований.

Таким образом, рассмотрение и разрешение споров о правах на недвижимое имуще-

ство в гражданском процессе лишает их стороны ряда «процессуальных льгот» и в итоге ослабляет и так чувствительную сферу жилья и иного недвижимого имущества.

В порядке гражданского судопроизводства разрешаются и другие дела, имеющие «вертикальный» характер: например, дела о лишении и ограничении дееспособности, родительских прав, о расторжении брака, споры, возникающие из пенсионных и иных отношений, связанных с социальным обеспечением граждан, и т. п.

Надо понимать, что одним из участников указанных спорных материальных правоотношений выступает государство. В соответствии с ч. 1 ст. 125 ГК РФ органы государственной власти в рамках их компетенции своими действиями приобретают и осуществляют от имени Российской Федерации и субъектов Российской Федерации имущественные и личные неимущественные права и обязанности, в том числе выступают в суде. Реализуемый ими публичный интерес определяет как природу спорного материального правоотношения с их участием, так и процессуальные особенности рассмотрения дела.

Помимо этого, публичное начало в гражданском процессе определяется и правовым статусом суда, рассматривающего дело. Даже если предметом судебной защиты является нарушенное или оспоренное частное право или интерес, само гражданское процессуальное и арбитражное процессуальное правоотношение – это публично-правовое отношение. Суд как орган государственной власти, отправляя правосудие по гражданскому делу, реализует публичные, властные полномочия. По этой причине любое судопроизводство есть правоотношение, предметом которого выступает реализация государственной функции.

Процессуальные особенности рассмотрения публично-правовых дел в гражданском процессе

После исключения из структуры ГПК РФ раздела, регулирующего порядок рассмотрения и разрешения публично-правовых дел, в ней сохранились лишь исковое, особое и иные неисковые производства, связанные с осуществлением ряда государственных функций, например оказанием содействия третейским судам (арбитражам). Спорным

является вопрос о характере приказного, заочного и упрощенного производств: некоторые авторы понимают их как самостоятельные виды гражданского (арбитражного) судопроизводства, другие – как «упрощенное» исковое производство. Но в данном случае значение имеет то, какие по природе дела рассматривает суд (арбитражный суд) по правилам любого производства.

Как было сказано выше, исковое производство онтологически предназначено для рассмотрения и разрешения частноправовых спорных дел, стороны которых юридически равны друг другу. В ряде же случаев по его правилам суды разрешают дела, стороны

Любой спор государства с частным лицом предполагает допроцессуальное неравенство, «вертикаль», которая в процессуальной сфере должна быть нивелирована, преобразована в «горизонталь»

которых находятся в отношениях власти и подчинения. Это происходит тогда, когда одной из сторон правового конфликта является государство в лице его компетентных органов или должностных лиц, осуществляющее в отношении другой стороны властные полномочия. Например, в делах об ограничении¹ и лишении² родительских прав участвуют представители публичной власти.

Очевидно, что в случае если заявление о возбуждении производства по делу о лишении или ограничении лица в родительских правах предъявлено указанными органами власти, организациями или прокурором, то истцом в деле является государство. Это

¹ В силу ч. 3 ст. 73 СК РФ «иск об ограничении родительских прав может быть предъявлен близкими родственниками ребенка, органами и организациями, на которые законом возложены обязанности по охране прав несовершеннолетних детей (пункт 1 статьи 70 настоящего Кодекса), дошкольными образовательными организациями, общеобразовательными организациями и другими организациями, а также прокурором».

² Согласно ч. 1 ст. 70 СК РФ «дела о лишении родительских прав рассматриваются по заявлению одного из родителей или лиц, их заменяющих, заявлению прокурора, а также по заявлениям органов или организаций, на которые возложены обязанности по охране прав несовершеннолетних детей (органов опеки и попечительства, комиссий по делам несовершеннолетних, организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и других)».

должно придать существенную специфику процессуальной форме рассмотрения дела.

Ученые отмечают наличие у указанных органов публичной власти заинтересованности в деле, правильно понимая ее как «государственную». Так, О. С. Батова пишет, что личная заинтересованность в делах об ограничении и лишении родительских прав присуща ребенку, его родителям или фактическим воспитателям, а государственная – прокурору, органам опеки и попечительства, уполномоченным на предъявление иска органам публичной власти и организациям [Батова 2006].

В Семейном кодексе нет норм процессуального характера, регулирующих доказывание по делам о лишении или ограничении родительских прав. Следовательно, оно осуществляется по общим правилам, закрепленным в ст. 56 ГПК РФ³. Одним из основополагающих правил, разграничивающих судебное рассмотрение частноправовых и публично-правовых дел, всегда было положение, согласно которому орган публичной власти, должностное лицо должны доказать законность своих актов, действий (бездействия), решений, которые являются предметом спора.

С одной стороны, в делах рассматриваемой категории (делах о лишении и ограничении родительских прав) нет актов, решений и действий публичной власти, с которыми не согласна «частноправовая сторона». С другой стороны, любой спор государства с частным лицом – не только связанный с оспариванием публично-правовых актов, действий, бездействия – предполагает допроцессуальное неравенство, «вертикаль», которая в процессуальной сфере должна быть нивелирована, преобразована в «горизонталь». Особенно ярко это проявляется как раз в делах об ограничении или лишении родительских прав, поскольку родитель, «обвиняемый» в недобросовестном выполнении своих родительских обязанностей, достаточно часто характеризуется низким общим уровнем социального развития и очевидно не в состоянии противостоять представителям власти.

³ Часть 1 ст. 56 ГПК РФ гласит: «Каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений, если иное не предусмотрено федеральным законом».

В порядке особого производства в гражданском процессе рассматриваются дела об ограничении дееспособности гражданина и о лишении его дееспособности.

Некоторые авторы считают, что ограничение дееспособности гражданина или лишение его дееспособности лежит вовсе не в плоскости публично-правовых отношений, а связано лишь с тем, что суд подтверждает наличие обстоятельств, не позволяющих гражданину в полной мере руководить своими действиями [Павлова 2022]. С этим подходом согласиться нельзя. Если бы решение суда служило лишь основанием для совершения другим органом власти действий по ограничению или лишению гражданина дееспособности, то можно было бы говорить о том, что суд лишь констатирует наличие обстоятельств для ограничения дееспособности гражданина или лишения его дееспособности. Но гражданин лишается дееспособности или ограничивается в ней именно по решению суда (ст. 285 ГПК РФ)¹.

Следовательно, помимо того что в этих делах очевидно присутствует спор о праве, он к тому же имеет публично-правовой характер, так как предполагает изменение правового статуса лица и лишение его ряда прав, предоставленных ему законодательством. Производится это изменение исключительно по решению суда, т. е. по решению органа государственной власти. В данном случае суд осуществляет не функцию отправления правосудия, под которой понимается государственная защита нарушенных или оспоренных прав, свобод и законных интересов, а иную государственную функцию, направленную на изменение правового статуса гражданина. Вероятно, именно поэтому дела о лишении гражданина дееспособности и ее ограничении отнесены к особому производству, наименование которого призвано подчеркнуть особенный (не связанный с правосудием) характер реализуемой судебной функции.

¹ Конституционный Суд Российской Федерации прямо указал, что «решение о признании гражданина недееспособным принимается судом по результатам рассмотрения соответствующего дела» (Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2012 г. № 15-П по делу о проверке конституционности пунктов 1 и 2 статьи 29, пункта 2 статьи 31 и статьи 32 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И. Б. Деловой).

Дела о лишении гражданина дееспособности и ее ограничении являются, таким образом, публично-правовыми и тоже должны рассматриваться с учетом этого обстоятельства, включая особый порядок доказывания, активную роль суда, принцип объективной истины и т. д.

Представляется, что в действующем гражданском процессуальном и арбитражном процессуальном законодательстве целесообразно сформировать разделы, содержащие специальные правила рассмотрения и разрешения судами общей юрисдикции и арбитражными судами дел с участием государства, т. е. публично-правовых дел. К числу таких процессуальных особенностей должны быть отнесены правило распределения обязанностей по доказыванию и принцип объективной истины и процессуальной активности суда, которому следует предоставить право при рассмотрении указанных дел выходить за пределы заявленных требований и доводов. Необходимо предусмотреть запрет на заключение в таких делах мировых соглашений, поскольку нельзя распоряжаться спорным публичным правом или интересом путем реализации отдельными субъектами уступок и компромиссов, которые предполагает любое примирение спорящих сторон. Не случайно в период действия ГПК РСФСР 1964 г. заключение мировых соглашений в делах, возникающих из административных соглашений, не допускалось [Научно-практический комментарий 1976: 302]. Не разрешались мировые сделки и в дореволюционный период, в так называемых делах казны [Васьковский 2003: 133–136].

Конечно, принятие этого предложения приведет к известной «конкуренции» ГПК РФ и КАС РФ. В связи с этим вторым вариантом решения проблемы могут быть закрепление в КАС РФ четких критериев для определения дел публично-правовой природы и отнесение их всех к административному судопроизводству.

Правовой статус суда и его влияние на цивилистический процесс

Суд – это орган государственной власти, а правосудие – разновидность государственной деятельности по защите нарушенных или оспоренных прав, свобод и законных интересов. Соответственно, правоотношения,

складывающиеся с участием суда в процессе отправления им правосудия, имеют публично-правовую природу¹.

В научной литературе периодически возобновляется дискуссия о правах и обязанностях суда в гражданском и арбитражном процессе. Некоторые ученые рассматривали права суда как одновременно его обязанностями [Елисейкин 1975: 70–71]. С этим мнением был категорически не согласен Р. Е. Гукасян, считавший, что обязанности суд несет, как и любой другой орган государственной власти, перед лицом самого государства [Гукасян 2008: 400].

Несомненно, в судопроизводстве суд осуществляет функцию государственного управления, поэтому реализуемое им право является публичным. В силу этого суд в своей деятельности связан положениями закона². Отсюда вытекает принцип законности судопроизводства. Выносимое по делу решение должно быть законным, т. е. должно соответствовать нормам материального и процессуального права³.

Будучи выразителем воли государства, суд не вправе творить законы, изменять их смысл и назначение, его деятельность имеет исключительно правоприменительный характер. Здесь есть несколько проблемных моментов.

Первый связан с судебным усмотрением. Необходимость его существования диктуется самой жизнью и абстрактным содержанием объективных правовых норм: закрепляя лишь общее для неограниченного круга субъектов правило поведения, закон предоставляет суду право самостоятельно применить его к спорным материальным правоотношениям, исходя из конкретных фактических и юридических обстоятельств дела. Нормативно судебное усмотрение закреплено в ч. 4 ст. 1 ГПК РФ, согласно которой «в случае отсутствия нормы процессуального

права, регулирующей отношения, возникшие в ходе гражданского судопроизводства, федеральные суды общей юрисдикции и мировые судьи... применяют норму, регулирующую сходные отношения (аналогия закона), а при отсутствии такой нормы действуют исходя из принципов осуществления правосудия в Российской Федерации (аналогия права)».

Однако любое усмотрение опасно близко к произволу, поэтому необходимы его «ограничители». Одним из таких ограничивающих механизмов выступают руководящие положения, закрепленные в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ. Они призваны обеспечивать единое понимание судами положений законодательства и способствуют единообразию судебной практики. Другим «ограничителем» судебного усмотрения выступает правило, в соответствии с которым при выявлении противоречия между положениями нормативных правовых актов суд применяет закон, имеющий большую юридическую силу, а при необходимости – напрямую Конституцию. Кроме того, суд вправе обратиться с запросом о проверке соответствия Конституции нормативного правового акта, в связи с чем он обязан приостановить производство по делу (ст. 215 ГПК РФ).

Надо подчеркнуть, что обращение в Конституционный Суд с запросом о проверке соответствия применяемого в деле закона Конституции РФ – право, а не обязанность суда. При этом право определения того, соответствует ли федеральный закон Конституции, – прерогатива Конституционного Суда, и суд, рассматривающий дело, может сделать неверные выводы по этому вопросу. Соответственно суд, применяя закон, имеющий большую юридическую силу, может неосновательно «игнорировать» нормативный акт, прямо регулирующей спорные правоотношения, и в итоге неправильно разрешить дело.

Между тем, учитывая публично-правовой характер функции, осуществляемой судом при отправлении правосудия, и недопустимость произвольного распоряжения публичным правом, распространяющуюся на все органы государственной власти, в том числе суд, следует закрепить обязанность суда, выявившего в ходе рассмотрения дела предполагаемое несоответствие нормативного правового акта Конституции, обратиться с соответствующим запросом в Конституционный Суд

¹ Так, Н. А. Чечина указывала: «Процессуальные правоотношения являются властеотношениями, так как их субъекты находятся в отношениях власти и подчинения» [Чечина 2004: 20].

² Например, А. С. Алексеев подчеркивал, что «законы обнимают как организацию административных учреждений, так и нормы их деятельности» [Алексеев 1897: 8].

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 (в ред. от 23 июня 2015 г.) «О судебном решении».

РФ. Также целесообразно закрепить правовые позиции Пленума Верховного Суда РФ в качестве источника процессуального права. В настоящее время их юридическая сила имеет неопределенный характер.

Другой проблемный момент, связанный с публично-правовой природой правосудия, заключается в активно внедряемом в систему защиты нарушенных и оспоренных гражданских прав, свобод и законных интересов институте судебного примирения.

Как известно, в 2019 г. в ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ были включены нормы, регулирующие судебную примирительную процедуру. Серьезные сомнения вызывает совместимость публично-правового статуса суда и посреднической деятельности, которую реализует судебный примиритель. Проблема отнюдь не решается тем, что судебным примирителем выступает не тот судья, который рассматривает дело, а судья в отставке, утвержденный в качестве судебного примирителя.

Суд – это орган государственной власти, и действует он в лице судей, но от имени суда действуют еще секретарь судебного заседания, помощник судьи. В широком смысле в категорию «суд» включается и организационно-технический персонал суда (например, канцелярия, принимающая и датирующая поступившее исковое заявление). К суду в широком смысле относятся участвующие в рассмотрении дела арбитражные заседатели. Поэтому думается, что судебный примиритель выступает не в собственном правовом статусе, а в статусе соответствующего суда, действует от его имени, тем более что судебная примирительная процедура регулируется нормами гражданского процессуального, арбитражного процессуального и административного процессуального законодательства и, следовательно, представляет собой процессуальную деятельность.

Осуществление любой примирительной процедуры, в том числе судебной, есть посредническая деятельность, разновидность гражданско-правовой деятельности. В связи с этим вызывает дискуссии вопрос о том, соответствует ли реализуемому судом при рассмотрении гражданского дела публичному интересу посредническая деятельность, осуществляемая судебным примирителем. Конвергенция частного и публичного в этом аспекте проявляется весьма неоднозначно.

Например, один из основополагающих принципов правосудия – принцип гласности. В соответствии с ним рассмотрение дел в судах производится в открытых судебных заседаниях (ст. 10 ГПК РФ, ст. 11 АПК РФ, ст. 11 КАС РФ). При этом в ст. 6 Регламента проведения судебного примирения закрепляется принцип конфиденциальности¹.

Конечно, непродуктивно проводить процедуру примирения публично, тем более что в ходе нее стороны правового конфликта могут делать признания, заявления, которые, если примирение не было достигнуто, не могут потом использоваться в судебном процессе в качестве доказательств. Однако принцип конфиденциальности судебной примирительной процедуры, подтверждающий ее частно-правовую сущность, приходит в явное противоречие с публично-правовой функцией суда как органа власти, осуществляющего функцию государственной защиты прав, свобод и законных интересов. Возможно, выходом из ситуации было бы сосредоточение примирительной функции в руках отдельного юрисдикционного, негосударственного органа. Больше всего для этого подходит нотариат.

Ситуация, при которой суд разъясняет сторонам их право на заключение мирового соглашения, и, если соответствующее волеизъявление выражено, откладывает судебное разбирательство, лучше всего соответствует его публично-правовой функции.

Выводы

Частное и публичное в праве, несмотря на давнюю традицию их противопоставления, неразделимы. Само публичное право – это властное полномочие, направленное на реализацию и защиту частных прав. В процессуальном праве, представляющем собой совокупность правовых норм, регулирующих отправление правосудия, конвергенция частного и публичного является следствием сочетания частных и публичных начал в спорных материальных правовых отношениях.

При этом следует констатировать, что в цивилистическом процессе России преобладают публично-правовые черты.

Это связано в первую очередь с тем, что в порядке гражданского и арбитражного су-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 2019 г. № 41 «Об утверждении Регламента проведения судебного примирения».

допроизводства рассматривается большое количество публично-правовых дел. Прежде всего арбитражные суды по-прежнему, несмотря на принятие КАС РФ, рассматривают и разрешают дела, возникающие из административных и иных публичных правоотношений. Кроме того, в цивилистическом процессе разрешаются иски с участием публично-правовых образований. Поскольку они реализуют публичный интерес, необходимо закрепить процессуальные особенности рассмотрения дел с участием публично-правовых образований. Процессуальная активность суда в указанных делах должна быть значительно выше, чем при рассмотрении правовых конфликтов с участием частноправовых субъектов. Суд должен руководствоваться принципом объективной истины, при необходимости по собственной инициативе истребовать доказательства, выходить за пределы заявленных сторонами требований и доводов.

Помимо этого, в гражданском и арбитражном процессе рассматриваются публично-правовые по своей сути дела, например дела о лишении или ограничении родительских прав, ряд пенсионных дел публично-правовой природы, дела о лишении гражданина дееспособности и ее ограничении.

В свете этого представляется правильным пойти по одному из двух путей: закрепить в КАС РФ единый критерий для определения публично-правовых дел и отнесения их

к административному судопроизводству либо включить в ГПК РФ и АПК РФ разделы, регулирующие процессуальные особенности рассмотрения и разрешения дел с участием государства.

Следует подчеркнуть, что сам цивилистический процесс, как и любое другое судопроизводство, закрепленное в ст. 118 Конституции РФ, имеет публично-правовую природу. Поскольку в рамках гражданских процессуальных и арбитражных процессуальных правоотношений суд реализует свои публичные полномочия, он не вправе по собственному усмотрению изменять смысл или назначение применяемого в деле законодательства.

Судебная примирительная процедура в настоящее время представляет собой элемент гражданской процессуальной, арбитражной процессуальной и административной процессуальной формы, включается в правосудие. При этом ее соответствие публично-правовой функции, реализуемой судом, вызывает сомнение.

В целом проблема конвергенции частного и публичного имеет наибольшее значение именно в процессуальной сфере. Порядок защиты нарушенного права должен отвечать природе правоотношения, из которого возник конфликт. В противном случае его сторонам не будут предоставлены конституционно гарантированные средства защиты, и сам результат судебной деятельности будет незаконным.

Список литературы

Алексеев А. С. Русское государственное право. Конспект лекций. 4-е изд. М.: Тип. О-ва распространения полезных книг, 1897. 582 с.

Батова О. С. Пути устранения противоречий гражданского процессуального и семейного законодательства при рассмотрении споров, связанных с воспитанием детей // Журнал российского права. 2006. № 6. С. 139–144.

Васьковский Е. В. Учебник гражданского процесса. М.: Зерцало, 2003. 464 с.

Вышинский А. Я. Вопросы теории государства и права. М.: Юрид. лит., 1949. 424 с.

Лукасян Р. Е. Избранные труды по гражданскому процессу. М.: Проспект, 2008. 480 с.

Елисейкин П. Ф. Гражданские процессуальные правоотношения. Ярославль: ЯГУ, 1975. 93 с.

Научно-практический комментарий к ГПК РСФСР / под ред. Р. Ф. Каллистратовой, Л. Ф. Лесницкой, В. К. Пучинского. М.: Юрид. лит., 1976. 600 с.

Павлова М. С. Дела о госпитализации гражданина в медицинскую организацию в недобровольном порядке и дела об ограничении дееспособности, признании гражданина недееспособным: некоторые вопросы теории и практики // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Право. 2022. № 3. С. 190–203.

Савенков А. Н., Чиркин В. Е. Конституционные основы социального и территориально-го единства и дифференциации публичной власти. О новом прочтении и 25-летнем опыте осуществления некоторых положений Конституции РФ 1993 г. // Государство и право. 2018. № 12. С. 18–29. DOI: 10.31857/S013207690002197-8.

Чечина Н. А. Избранные труды по гражданскому процессу. СПб.: Издат. дом С.-Петербур. гос. ун-та, 2004. 655 с.

Екатерина Владимировна Михайлова – доктор юридических наук, доцент, исполняющий обязанности заведующего сектором процессуального права Института государства и права РАН, главный научный сотрудник. 119019, Российская Федерация, Москва, ул. Знаменка, д. 10. E-mail: e.v.mihailova@bk.ru.

ORCID: 0000-0003-0313-3813

Convergence of Private and Public in the Civil Procedure

The paper examines the manifestation and differentiation of private and public principles in civil proceedings. The author starts from the direct relationship between the nature of the violated or disputed right or legitimate interest to be protected and the procedural form of its protection. It is shown that civil legal relations are not always based on the equality of the subjects participating in them. In addition, the state participating in a civil legal relationship pursues public interests, as a result of which the subject of civil and arbitration proceedings in a number of cases is not only private law, but also public law. The legislator has not formulated adequate procedural rules for considering these cases.

The author proposes to include in the Code of Civil Procedure of the Russian Federation and the Commercial Procedure Code of the Russian Federation sections regulating the procedural features of the consideration of cases with the participation of the state, or to consolidate in the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation a single criterion for determining public law cases subject to consideration according to the rules of administrative proceedings. The public ground of the civil procedure is also determined by the public legal function of the court administering justice. Because of this, the court does not have the right to change legal norms, nor, at its own discretion, make conclusions about their legal force. The compliance of the judicial conciliation procedure with the general principles of legal proceedings as a public legal activity is questioned.

Keywords: *civil procedure, procedural form of protection, private and public law, state as a subject of civil legal relations, judicial discretion, evidence, judicial conciliation procedure*

Recommended citation

Mikhailova E. V. Konvergentsiya chastnogo i publichnogo v tsivilisticheskom protsesse [Convergence of Private and Public in the Civil Procedure], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2024, no. 4, pp. 35–44, DOI: 10.34076/2410-2709-2024-142-4-35-44.

References

Alekseev A. S. *Russkoe gosudarstvennoe pravo. Konspekt lektsii* [Russian State Law. Lecture Notes], Moscow, Тип. О-ва rasprostraneniya poleznykh knig, 1897, 582 p.

Batova O. S. Puti ustraneniya protivorechii grazhdanskogo protsessual'nogo i semeinogo zakonodatel'stva pri rassmotrenii sporov, svyazannykh s vospitaniem detei [Ways to Eliminate Contradictions in Civil Procedural and Family Legislation when Considering Disputes Related to the Upbringing of Children], *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2006, no. 6, pp. 139–144.

Chechina N. A. *Izbrannye trudy po grazhdanskomu protsessu* [Selected Works on Civil Procedure], Saint Petersburg, Izdat. dom S.-Peterb. gos. un-та, 2004, 656 p.

Eliseikin P. F. *Grazhdanskie protsessual'nye pravootnosheniya* [Civil Procedural Legal Relations], Yaroslavl', 1975, 93 p.

Gukasyan R. E. *Izbrannye trudy po grazhdanskomu protsessu* [Selected Works on Civil Procedure], Moscow, Prospekt, 2008, 480 p.

Kallistratova R. F., Lesnitskaya L. F., Puchinskii V. K. (eds.) *Nauchno-prakticheskii kommentarii k GPK RSFSR* [Scientific and Practical Commentary to the Civil Procedure Code of the RSFSR], Moscow, Yurid. lit., 1976, 600 p.

Pavlova M. S. Dela o gospitalizatsii grazhdanina v meditsinskuyu organizatsiyu v nedobrovol'nom poryadke i dela ob ogranichenii deesposobnosti, priznanii grazhdanina nedeesposobnym: nekotorye voprosy teorii i praktiki [Cases of Involuntary Hospitalization of a Citizen to a Medical Organization and Cases of Restriction of Legal Capacity, Recognition of a Citizen as Incompetent: Some Issues of Theory and Practice], *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Pravo*, 2022, no. 3, pp. 190–203.

Savenkov A. N., Chirkin V. E. Konstitutsionnye osnovy sotsial'nogo i territorial'nogo edinstva i differentsiatsii publichnoi vlasti. O novom prochtenii i 25-letnem opyte osushchestvleniya nekotorykh polozhenii Konstitutsii RF 1993 g. [Constitutional Foundations of Social and Territorial Cohesion and the Differentiation of Public Power. The New Reading and 25 Years of Experience with the Implementation of Certain Provisions of the Constitution of the Russian Federation, 1993], *Gosudarstvo i pravo*, 2018, no. 12, pp. 18–29, DOI: 10.31857/S013207690002197-8.

Vas'kovskii E. V. *Uchebnik grazhdanskogo protsessa* [Textbook of Civil Procedure], Moscow, Zertsalo, 2003, 464 p.

Vyshinskii A. Ya. *Voprosy teorii gosudarstva i prava* [Questions of the Theory of State and Law], Moscow, Yurid. lit., 1949, 424 p.

Ekaterina Mikhailova – doctor of juridical sciences, associate professor, acting head of the Sector of procedural law, chief researcher, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 119019, Russian Federation, Moscow, Znamenka str., 10. E-mail: e.v.mikhailova@bk.ru.
ORCID: 0000-0003-0313-3813

Дата поступления в редакцию / Received: 02.08.2024

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 02.09.2024

В. Д. Туктамышев
Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

ЗАМЕТКИ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ТРЕТЕЙСКОГО СУДА И ПОДХОДАХ К ЕГО ОСМЫСЛЕНИЮ

Автор указывает, что, поскольку третейский суд наряду с деятельностью государственных органов судебной власти способствует преодолению правовой неопределенности, третейское разбирательство можно считать правосудием. Поскольку правоприменительный акт состава арбитража (арбитражное решение) носит властный характер, деятельность состава арбитров можно признавать юрисдикционной. Далее автор обращается к теориям, при помощи которых осмысливается третейское разбирательство. Дается критический анализ существующих теорий арбитража и указывается, что они имеют разный методологический статус. Отмечается, что эти теории являются разнопорядковыми: догматическими либо философско-правовыми, соответственно, с помощью теории того или иного вида нельзя объяснить все аспекты третейского разбирательства.

Заключается, что с помощью философско-правовых теорий можно установить место третейского разбирательства в системе форм преодоления правовой неопределенности, а при помощи догматических – процессуальные аспекты деятельности состава арбитров. При определении места арбитража предпочтительна автономная теория, а при регулировании процессуальных аспектов третейского разбирательства – юрисдикционная теория.

Ключевые слова: третейский суд, арбитраж, международный арбитраж, теории арбитража, правосудие, юрисдикция

Для цитирования

Туктамышев В. Д. Заметки о правовой природе третейского суда и подходах к его осмыслению // Российское право: образование, практика, наука. 2024. № 4. С. 45–56. DOI: 10.34076/2410-2709-2024-142-4-45-56.

УДК 347.918

DOI: 10.34076/2410-2709-2024-142-4-45-56

Постановка проблемы. Арбитраж (третейское разбирательство) представляет собой сложное правовое образование, что затрудняет определение характерных для него черт. Зачастую сложности в решении отдельных проблем третейского разбирательства в теории и на практике связаны с трудностями в понимании правовой природы третейского суда, а также с вопросом о том, с каких позиций следует осмысливать третейское разбирательство. Это подталкивает к необходимости, во-первых, определить место третейского разбирательства среди форм преодоления правовой неопределенности¹ и его правовую

природу, во-вторых, проанализировать гносеологическую установку, которая может применяться при исследовании третейского разбирательства.

Правовая природа третейского суда и третейского разбирательства. Третейский суд есть суд третьего лица, которое избрано сторонами для разрешения спора и власть которого основывается не на общем законе, а на договорном начале, на воле частных лиц [Энгельман 1912].

¹ Понятие «преодоление правовой неопределенности» по объему шире, чем понятия «разрешение споров», «урегулирование споров» и пр. Преодоление пра-

вовой неопределенности включает в себя преодоление неопределенности по вопросам факта и по вопросам права. Формы преодоления правовой неопределенности, в свою очередь, могут быть направлены на разрешение либо урегулирование правовой неопределенности.

Отвечая на вопрос о сущности третейского разбирательства, Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал, что третейский суд выступает в качестве института гражданского общества, наделенного публично значимыми функциями¹. В данной характеристике подчеркнут дуализм частных и публичных начал в функционировании третейских судов. Частные начала находят отражение в диспозитивности данной формы преодоления правовой неопределенности, а публичные – в реализации публично значимой функции по разрешению споров с последующей экзекватурой решения со стороны государственных судов.

Следует отметить, что формы преодоления правовой неопределенности не ограничиваются государственными; частноправовые формы являются не менее эффективным инструментом поддержания правопорядка и кристаллизации отношений, возникающих между участниками гражданского оборота.

Исторически основной формой преодоления правовой неопределенности было именно третейское разбирательство. Лишь в процессе развития государственных институтов, централизации власти государство начало присваивать себе изначально принадлежащие обществу функции осуществления правосудия. Между тем именно в частной системе разрешения споров происходило становление правовых механизмов, а государство в ограниченном объеме санкционировало либо не санкционировало избранные участниками гражданского оборота механизмы взаимодействия и удовлетворения взаимных интересов. Так, в римском легисакционном процессе роль государства заканчивалась на стадии *in jure* и связывалась лишь с *litis contestatio*, в то

время как деятельность на стадии *in judicium* длительное время осуществляли избранные сторонами лица (арбитры) [Салогубова 2018].

Частноправовая система преодоления правовой неопределенности выступает гарантом стабильности общества. Не вызывает сомнений отнесение третейских судов именно к данной системе, поскольку их установление основано на реализации воли сторон. В этой системе третейский суд занимает особое место, что связано как с процедурой третейского разбирательства, так и с ее результатом. Процедура рассмотрения споров в третейском суде, несмотря на диспозитивность в ее установлении и регулировании, должна обеспечивать минимальный набор процессуальных гарантий, которые позволят участнику гражданского оборота реализовать право на судебную защиту, а результат, в свою очередь, является не компромиссом сторон, а властным приказом избранного сторонами лица относительно спорного правоотношения.

Третейский суд, думается, отправляет правосудие. Институт третейского разбирательства был первой формой правосудия, к которой добровольно обращались индивиды в целях установления справедливости и мира [Волков 1913: 80; Вицын 1856: 2–4; Васильковский 2016: 35–36]. Дореволюционные ученые указывали, что правосудие зародилось в деятельности общества и в последующем было санкционировано государством². Исторически правосудие не ассоциировалось с реализацией государственной власти; оно было проявлением *res publicae* (власти общества). Думается, такой подход к правосудию следует актуализировать.

Правосудие всегда понималось в доктрине процессуального права по-разному [Авдюков 1959; Зейдер 1966; Семенов 1984; Чечина 2004; Чечот 2005]. Верный подход к пониманию правосудия предлагает С. К. Загайнова, делая акцент не на процессуальной форме, а на социально значимом результате

¹ Постановления Конституционного Суда РФ от 26 мая 2011 г. № 10-П по делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 11 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 2 статьи 1 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», статьи 28 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», пункта 1 статьи 33 и статьи 51 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, от 3 октября 2023 г. № 46-П по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 131 Гражданского кодекса Российской Федерации и пункта 5 части 2 статьи 14 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости» в связи с жалобой гражданки Т. В. Солодовниковой.

² Это подчеркивал и К. В. Арановский, указывая, что «представление о правосудии как об институте неизменно государственного происхождения, вовлеченном в государство как его собственное дело или как „отрасль“ государственной власти, не имеет ни исторического, ни актуального подтверждения» (Мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации К. В. Арановского к Постановлению Конституционного Суда Российской Федерации от 26 мая 2011 г. № 10-П).

деятельности данного вида [Загайнова 2007: 29–57]. Однако вряд ли можно согласиться с мнением о том, что пределы правосудия ограничиваются государственной системой преодоления правовой неопределенности.

Государство, выступая гарантом правопорядка в общественных отношениях на территории, на которую распространяется его суверенитет, заинтересовано в стабильности общественных отношений. Между тем такая стабильность достигается отнюдь не только механизмами государственного вмешательства, но и иными средствами. Субъекты гражданского оборота, которым стабильное функционирование общества столь же важно, вырабатывают иные формы преодоления правовой неопределенности в возникающих отношениях. Для правопорядка такие механизмы играют не меньшую роль в механизме его поддержания, следовательно, нет оснований ставить их в подчинение государственным формам либо устанавливать различия в последствиях обращения к той или иной форме. Поэтому не видится концептуальных препятствий в признании за частными формами того же правового эффекта, как и за государственными формами преодоления правовой неопределенности.

При ином подходе неясна роль негосударственных форм преодоления правовой неопределенности, коль скоро их деятельность по каким-то параметрам признается менее значимой и менее результативной. Однако же как государственное, так и частное правосудие преследует один социальный результат: преодоление правовой неопределенности. В связи с этим третейский суд, выступая органом, который разрешает споры и обеспечивает требуемый социальный результат – восстановление нормального хода общественных отношений, – несомненно осуществляет правосудие¹. При ином подходе отрицается социальная ценность данного инструмента².

¹ Такой подход позволяет в целом типологизировать правовое регулирование форм преодоления правовой неопределенности и использовать по отношению к ним конструкции, сформированные применительно к государственному правосудию (подведомственность, процессуальная форма, свойства правореализационных актов и т. д.).

² Аналогичные выводы можно сделать в отношении процедуры медиации, когда она оканчивается заключением медиативного соглашения. Нет разумных оснований отрицать в этом случае отдельные свойства законной силы у медиативного соглашения.

Безусловно, государство далеко не всегда всецело доверяло осуществление тех или иных функций обществу, что выражалось в запрете либо значительном ограничении работы третейских судов. Такие тенденции наблюдаются и в настоящее время. Однако допущение третейского разбирательства и одновременное отрицание правосудного характера деятельности арбитров представляются спорными, поскольку тем самым умалется авторитет третейского суда, создается примат решения государственного суда над решением состава арбитража. Третейское разбирательство дискредитируется в глазах общества³.

Далее следует ответить на вопрос о юрисдикционном характере деятельности третейского суда. Однозначного подхода здесь тоже нет. Так, В. Н. Ануров полагает, что в понятии юрисдикции акцент делается на деятельности государственных органов правосудия [Ануров 2021: 43]. Вместе с тем ряд авторов не отрицает того, что деятельность третейского суда носит юрисдикционный характер⁴.

Не вдаваясь в дискуссии о содержании понятия юрисдикции, стоит отметить следующее. Юрисдикция выражается в суждении субъекта, ее реализующего, о праве. Между тем такое суждение должно носить не сугубо консультационный, а окончательный⁵ характер. Судить о праве лица можно лишь в ходе правоприменительной деятельности, поскольку для установления права необходимо установить обстоятельства, входящие в гипотезу нормативного предписания. Правоприменительная деятельность, не имеющая властного характера, обесценивается. Соответственно, юрисдикционной деятельности присущ властный характер.

Поскольку деятельность третейского суда представляет собой властное разрешение спора, такая деятельность является юрисдикционной. Определяя деятельность третейского суда как неюрисдикционную, приходится от-

³ Аргумент может быть и следующего свойства. Если наличествует внебюджетный (частный) нотариат и в ряде правопорядков существуют частные приставы, то ничего не мешает именовать арбитраж частным (небюджетным) правосудием.

⁴ Среди последних работ можно выделить кандидатскую диссертацию В. Н. Косцова [Косцов 2024].

⁵ Если суждение о праве не окончательное, то любая юридическая консультация может быть признана юрисдикционной деятельностью.

казывать в доверии гражданскому обществу, а также показывать его несостоятельность в сфере разрешения споров и конфликтов. Отличие же от государственного правосудия заключается лишь в том, что наряду с *jurisdictio* государство обладает *imperium* (монополией на насилие, т. е. принудительное исполнение правореализационного акта). Исходя из этого, следует согласиться с характеристикой третейского суда как частного юрисдикционного органа, рассматривающего частнопроводные споры [Международный коммерческий арбитраж 2018].

Поскольку деятельность третейского суда представляет собой властное разрешение спора, такая деятельность является юрисдикционной

Теории арбитража: гносеологический аспект. Третейское разбирательство исследуется в отечественной и зарубежной доктрине давно, но единства взглядов на его правовую природу до сих пор нет. Достигнуть единства взглядов здесь действительно трудно, поскольку сколько людей – столько мнений. Однако следует заметить, что при определении правовой природы и, как следствие, основания для исследования третейского разбирательства и его отдельных элементов не учитывается разный познавательный статус существующих теорий.

Так, имеющиеся теории арбитража можно разделить на 1) догматические, в число которых входят договорная, юрисдикционная, смешанная и теории, их развивающие, и 2) философские, к которым относятся теория делегирования (концессуальная), автономная теория и т. д. Данное разделение обусловлено тем, что при помощи догматических теорий делается заключение о механизмах, которые используются для регулирования того или иного аспекта третейской процедуры. Философские теории, в свою очередь, выступают в качестве гносеологической установки, на основании которой определяются место арбитража и его назначение. Смешивать или же пытаться поставить данные теории в один ряд, думается, недопустимо с точки зрения методологии, поскольку догматические теории способны объяснить лишь механизм де-

ятельности третейского суда, в то время как философские призваны сформировать дискурс, в рамках которого допустимо исследование третейского разбирательства, его соотношение с государственными механизмами преодоления правовой неопределенности¹.

В связи с этим нельзя признать корректными суждения сторонников либерального взгляда на арбитраж (в частности, сторонников автономной теории), которые, противопоставляя себя «государственникам» (приверженцам теории делегирования), отрицают, например, использование механизма подведомственности для определения нормативного уровня компетенции третейского суда. Если не учитываются разные методологические статусы теорий арбитража, это может сбить исследователя с пути и привести к противоречивым выводам, а также к умножению сущностей без необходимости².

Следует, тем не менее, проанализировать существующие теории, чтобы оценить их познавательный потенциал для исследования третейского разбирательства. Начать стоит с теорий, которые формируют исследовательский дискурс при рассмотрении арбитража.

Первая – автономная теория, которая основана на признании независимости арбитража от иных форм разрешения споров и даже государства и определяет элементы арбитража, исходя из удобства разрешения возникшего спора [Rubellin-Devichi 1965: 18]. «Автономия сторон является высшей ценностью в третейских разбирательствах. Именно то, чего хотят пользователи этого механизма (а не суверенное государство), движет его развитием» [Каса 2019: 82].

Данная теория имеет большое значение, подчеркивая уникальность и вненациональность третейского разбирательства, определяет его либеральные и диспозитивные начала, ставя во главу угла волю сторон, а не государства. Нередко приходится слышать об ее «оторванности» от реальности, ее «идеально-

---

¹ С такой позиции философские теории могут служить основой для исследования юридических свойств правореализационных актов, определения модели экваторности актов состава арбитража, а юридические – для анализа арбитрабельности споров, процессуальной формы в третейском разбирательстве, арбитражного соглашения.

² На то, что умножать сущности без необходимости недопустимо, указывал еще в XIV в. Уильям Оккам.

сти», которая не может быть в полной мере воплощена на практике. Однако эта теория и не может решить все практические вопросы, поскольку призвана в первую очередь задавать дискурс, в котором происходит объяснение того или иного фрагмента третейского разбирательства. Вместе с тем автономная теория обладает практическими свойствами, выступая основой для признания решений третейских судов, которые были отменены в месте их вынесения либо в приведении и исполнении которых было отказано в каком-либо государстве. Нужно, впрочем, повторить, что данная теория не способна разрешить все вопросы, которые в силу своей специфики могут быть разрешены только через локализацию в конкретном правовом порядке.

Представляется, что абсолютная делокализация практически недостижима и арбитраж с применением *lex arbitri* всегда должен быть привязан к конкретному правовому порядку. Однако это лишь малое ограничение гносеологического потенциала описываемой теории.

Вторая – теория «делегирования» (концессии), по которой источником полномочий третейских судей (арбитров) выступает государственное право, согласно которому проводится арбитражное разбирательство, «делегированное» третейским судам [Ануфриева 2001: 141]. Арбитраж есть результат уступки со стороны государства. Эта уступка означает, что деятельность арбитража должна вестись «в строго очерченных рамках, заданных законодателем, исходя из соображений целесообразности допуска частных лиц в правоприменительную деятельность на определенном этапе развития гражданского оборота, в то время как судебные акты являются прямым проявлением государственной власти» [Чупахин 2015: 40].

Солидаризируясь с Г. В. Севастьяновым, подчеркнем, что в этом случае исключается «волевой» элемент (соглашение сторон о передаче спора в арбитраж), а это не соответствует природе арбитража. Данная теория также несовершенна, поскольку вместо объяснения редуцирует большинство проблем, что умаляет ее гносеологический потенциал.

Стоит добавить следующее. Основным постулатом рассматриваемой теории выступает делегирование государством принадлежащих ему полномочий, но следует различать деле-

гирование и санкционирование. Так, делегировать можно лишь принадлежащие субъекту изначально в силу особенностей правосубъектности полномочия; санкционирование же устанавливается в отношении не принадлежащих субъекту полномочий. Как было указано, правосудие есть атрибут общества и правомочие, входящее в структуру естественных субъективных прав человека, следовательно, государству оно принадлежать не может; обществу лишь передало данную функцию государству в целях поддержания правопорядка¹. Частное правосудие может только санкционироваться государством, когда это не нарушает правопорядок. В свете этого говорить о делегировании было бы неправильно.

С учетом изложенного наиболее верно рассматривать арбитраж через призму автономной теории. Однако, как упоминалось ранее, обладая познавательным характером, данная теория не способна объяснить содержание деятельности третейского суда, что предполагает необходимость обращения к догматическим теориям арбитража.

Исторически первой теорией арбитража является договорная (консенсуальная) теория, восходящая еще к римской юриспруденции. В Древнем Риме основанием для деятельности арбитров выступали частнопровольные соглашения (*compromissum*), предметом одного из которых было обязательство арбитров разрешить спор между сторонами, а предметом второго – обязательство сторон подчиниться решению арбитра как обязательному. Новый виток развития договорной теории в правовой мысли связывается с именем прокурора французского Кассационного суда Ф. Мерлена [Кейлин 1961: 50].

В рамках договорной теории сформировались два основных направления. К первому относятся те, кто полагает, что арбитражное решение суть мировое соглашение. Однако недостатки такого подхода обозначил еще А. Ф. Волков, писавший, что «у третейского договора отсутствует тот существенный для

¹ Несмотря на то что акты правосудия выносятся именем различных субъектов, например в нашей стране – именем Российской Федерации, во Франции – именем французского народа, сущностно ничего не меняется, так как изначально право на судебную защиту есть атрибут общества и его членов, а не государства. Дифференцированный подход отражает лишь признание отдельными государствами юснатуралистских истоков правосудия.

мировой сделки момент, что новое договорное постановление является следствием взаимных уступок» [Волков 1913: 89]. Авторы второго направления характеризуют арбитраж как особого рода гражданско-правовую сделку, влекущую, в частности, обязанность подчиниться решению, принятому арбитражем¹. С. Н. Лебедев отмечает, что арбитражное соглашение и арбитражное решение рассматриваются как две части единого договора – договора об арбитраже [Лебедев 2009: 62–63].

В свете данной теории следует говорить о том, что отношения между сторонами являются гражданско-правовыми, в рамках них стороны берут на себя обязательство передать юридическое дело в арбитраж в случае возникновения спора, а также обязательство исполнить решение арбитража². Единство статута арбитража обеспечивается тем, что все стадии арбитража, начиная с заключения третейского соглашения и заканчивая принятием арбитражного решения, служат звеньями единого процесса [Лунц, Марышева 1976: 217].

Договорная теория позволяет рассматривать арбитражное соглашение и арбитражное решение как сделку и, соответственно, применять к ним правила недействительности, установленные гражданским законодательством³. Также применительно к международному арбитражу она позволяет обосновать возможность коллизионной привязки к арбитражной процедуре [Международный коммерческий арбитраж 2018]. Между тем данная теория по своим ключевым положениям небезупречна.

Во-первых, гражданско-правовой договор (как разновидность гражданско-правовой сделки) есть соглашение сторон, направлен-

ное на возникновение, изменение и прекращение гражданских прав и обязанностей. Однако арбитражное соглашение направлено на создание процессуальных последствий в форме исключения рассмотрения конкретного спора из юрисдикции государственного суда [Международный коммерческий арбитраж 2018], следовательно, говорить о материально-правовой природе такого соглашения ошибочно.

Во-вторых, ключевая характеристика гражданско-правового договора – единство воли сторон в отношении правовых последствий, им порождаемых⁴. Между тем единство воли в арбитражном соглашении заканчивается на условии о передаче спора на разрешение в арбитраж. Следует согласиться с Л. А. Лунцем и Н. И. Марышевой в том, что в процедуре⁵ и арбитражном решении единства воли сторон уже нет [Лунц, Марышева 1976: 218], поскольку решение принимает назначенный арбитр без учета воли сторон и с опорой на исследованные обстоятельства дела и применимые нормы права⁶.

В-третьих, договорная теория не дает оснований для надления третейского решения свойствами, следующими из *jurisdiction*. Это ставит как третейское решение, так и реализованную волю сторон в полную зависимость от решения государственного суда, поскольку такое решение следует воспринимать как гражданско-правовую сделку.

Кроме того, как отмечает Г. В. Севастьянов, применение к третейскому соглашению режима гражданско-правового договора от-

¹ При этом отмечается, что арбитражное соглашение является договором особого рода и его отождествление с иными гражданско-правовыми договорами носит радикальный характер [Ануров 2009: 22].

² Между тем не решен вопрос о том, какого рода гражданские отношения положены в основу договора данного вида. Так, отношения между сторонами спора и арбитром рассматриваются в доктрине как агентские отношения [Комментарий к Федеральному закону 2015: 26–27], как мировое соглашение [Международный коммерческий арбитраж 2018; Волков 1913: 114–115], как отношения представительства [Ануров 2021: 23], как новация [Naeger 1910] и т. д.

³ Ранее в российской правоприменительной практике встречались такие решения. См., например: постановление ФАС Уральского округа от 6 июля 2009 г. № Ф09-10330/08-С5 по делу № А60-6771/2008-СР.

⁴ На необходимость совпадения воли с результатом процесса обращалось внимание в доктрине гражданского права [Егоров 2004: 53–58; Муртазалиева 2006].

⁵ Относительно процедуры данный вывод является дискуссионным, так как исключить основные процессуальные гарантии (минимальные стандарты правосудия) своим соглашением стороны не могут.

⁶ Решение на согласованных условиях не противоречит этому выводу ввиду следующего. Решением на согласованных условиях в силу ст. 33 Федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации», § 41 Регламента Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации выступает решение, которым стороны урегулируют спор до момента окончания рассмотрения дела в арбитраже. Исходя из наименования ст. 33 и характеристики такого решения следует заключить, что это решение фактически является мировым соглашением, в котором, в свою очередь, воля сторон играет ключевую роль (мировое соглашение есть гражданско-правовая сделка).

крывает возможности для обжалования его действительности в государственном суде, что фактически исключает действие принципа «компетенции – компетенции» [Севастьянов 2013: 56].

Не работает и аргумент о необходимости определения применимого права, поскольку в международном гражданском процессе также существуют коллизионные привязки, которые в силу характера процессуального правоотношения не относятся к материально-правовым.

В противовес договорной теории в доктрине арбитража сформировалась процессуальная (юрисдикционная) теория, основной постулат которой гласит, что арбитражное соглашение порождает единственный правовой эффект: исключение спора из компетенции государственного суда и его передачу в третейский суд. При этом деятельность третейского судьи по своей форме схожа с деятельностью государственного судьи [Международный коммерческий арбитраж 2018].

Оппоненты юрисдикционной теории третейского разбирательства отмечают несвойственное арбитражному договору публично-процессуальное содержание. *Compromissum* (третейское соглашение) не является ни публичным договором вообще, ни процессуальным договором в частности, поскольку не может породить публичное правоотношение и не направлен на процессуальные последствия (на замещение процессуального положения стороны и возбуждение третейского разбирательства) [Новиков 2002: 195].

Между тем на данные аргументы справедливо возражают, что арбитражное соглашение лишь предоставляет арбитрам полномочия; если же они предоставлены, влияние сторон ограничивается, а состав арбитража действует самостоятельно и независимо [Pillet 1924: 45].

Отличие юрисдикционной теории от договорной заключается в том, что в последней имеет место *compromissum sub poena*, а юрисдикционная теория рассматривает арбитражное решение как акт, не зависящий от усмотрения сторон¹ («акт юрисдикции») [Ануфриева 2001: 323], соответственно, во

¹ Арбитражное решение может быть пересмотрено, изменено апелляционным судом, что, по мнению сторонников данной теории, решительно подтверждает, что оно является судебным решением, а не договором [Курочкин 2013: 11].

главу угла ставятся процессуальные элементы. Верно замечание о том, что использование арбитражем и арбитражным законодательством терминов, выработанных процессуальным законодательством, не меняет правовую природу третейского суда [Гольский 2017: 19].

Представляется, что указанная теория позволяет наиболее полно объяснить деятельность состава арбитража при проведении третейского разбирательства. Правоприменительная деятельность третейского суда содержательно схожа с государственным правосудием², так что нет причин отрицать схожую природу соответствующих юрисдикционных органов. Это открывает позитивные направления в исследовании процессуальной формы третейского разбирательства и в правоприменении, например на основании доктрины синхронизированной компетенции, действие которой трудно представить в рамках иной теории.

Также аргументы противников могут быть смело отвергнуты при помощи тезиса о существовании процессуального договора. Процессуальный договор в арбитраже позволяет корректировать процессуальную форму. Общие положения теории договора предоставляют основания для установления его недействительности, разрешения вопросов применимого к соглашению права и т. д. Более того, само арбитражное соглашение тоже является процессуальным договором, поскольку порождает процессуально-правовые последствия пророгационного и дерогационного свойства.

Потенциал описываемой теории проявляется и в другом аспекте. Концептуальный переход к пониманию частного права как направленного на защиту частного интереса, при котором и цивилистический процесс можно воспринимать как отрасль частного права, может раскрыть новые грани данной теории, а общетеоретические исследования

² Кроме того, в целом следует говорить о значительной схожести процессуальных форм, поскольку императивные правила, заключающиеся в минимальных стандартах справедливого судебного разбирательства, должны выступать пределами контрактуализации процессуальных отношений и в государственном суде. Связано это с тем, что процессуальная форма в своем основании направлена на защиту интересов сторон от суда, а не наоборот, соответственно, защищая свое субъективное право, сторона может определить не только форму, но и содержание такой защиты.

договорных начал могут органически связать юрисдикционные процедуры и их договорное регулирование.

Своеобразным ответвлением юрисдикционной теории стала теория частного процессуального права, отвергающая характеристику третейского суда как органа, осуществляющего государственное правосудие, и при этом рассматривающая арбитражное соглашение как частно-процессуальный договор [Севастьянов 2013: 61].

Стоит отметить, что договорное начало *per se* не свидетельствует о частном характере складывающихся между субъектами такого соглашения отношений. Современные тенденции договорного регулирования, выражающиеся в конвергенции частного и публичного права, расширении сферы договорного правового регулирования, проникновении частноправовых инструментов в сферу публичного права, свидетельствуют о том, что договорное регулирование может быть и публично-правовым [Бакулина 2019: 30–31, 178].

Сам по себе договор о передаче спора в арбитраж – частно-публичный процессуальный договор. Н. Г. Елисеев писал, что процессуальный договор как акт, создающий посредством соглашения сторон особые процессуальные отношения или процессуальные правила, должен подчиняться и общим положениям договорного права, и основным принципам правового регулирования процессуальных отношений [Елисеев 2016: 11]. Суть в том, что к общей договорной теории обращаются при установлении оснований недействительности арбитражного соглашения. Вывод о связи «частно-процессуальный договор – частное процессуальное право» представляется логически неверным, иначе можно говорить и о формировании частного налогового права в случаях, когда законодатель допускает заключение тех или иных соглашений.

Хотя равенство сторон правового отношения широко присутствует в области частного права, сделать его критерием идентификации частного права практически невозможно, потому что договор и договорный метод являются достоянием правовой системы в целом,

а не отдельных ее сфер и отраслей [Мальцев 2003: 40].

Также отметим, что данная теория, по сути, создает «искусственную дихотомию»¹, что нельзя признать верным. Использование вида источника правовых норм в качестве критерия разделения отраслей на частные и публичные тоже вряд ли можно считать достаточным, потому как в некоторых нормативных актах устанавливаются нормы, относящиеся к публичному и частному праву одновременно.

Правоотношения, возникающие в рамках третейского разбирательства, а равно и характер складывающихся между сторонами третейского разбирательства отношений также не настолько специфичны, чтобы на основании этого формулировать выводы о самостоятельности отрасли частного процессуального права².

Исследуемая теория претендует на универсальность, но нет оснований для ее применения в странах общего права, а также в правовых порядках, где отсутствует классическое деление права на частное и публичное, а право рассматривается как единая система. Более того, характер складывающихся при осуществлении государственного правосудия отношений и специфика подлежащего судебной защите объекта дают не меньше оснований относить к частноправовым отраслям и национальный цивилистический процесс.

Компромиссом между договорной и юрисдикционной теориями выступила смешанная теория арбитража (*sui generis*), обоснование которой связывается с выступлением профессора Дж. Саиссэ-Холла на 44-й сессии

¹ Некорректно в поисках предпосылок классификации исходить исключительно из дихотомического деления. В противном случае все комплексные отношения следует структурировать, выделяя для них новую правовую нишу. Это повлечет создание таких отраслей права, как публичное гражданское право, частное административное право, частное налоговое право и т. д. (иными словами, умножение сущностей).

² Положения, разработанные Г. В. Севастьяновым, могут быть признаны применимыми к иным формам альтернативного разрешения споров. Однако в этом случае справедливее говорить о праве альтернативных способов разрешения споров, к предмету регулирования которого вопросы третейского разбирательства отнести излишне.

Института международного права в апреле 1952 г. [Лебедев 2009: 65]. Данная концепция сводится к тому, что часть элементов арбитража регулируется материальным правом, а часть – процессуальным правом, при этом прослеживается определенная последовательность элементов арбитража: сперва гражданско-правовых, т. е. материально-правовых, а на последующих стадиях арбитража – процессуально-правовых элементов [Ануфриева 2001: 146].

Г. В. Севастьянов отмечает, что, учитывая проблематичность договорного и публично-процессуального подходов в отдельности, трудно представить и их реальное совместное действие в правовом поле третейского процесса [Севастьянов 2013: 58]. С этим тезисом следует согласиться.

Представляется, что последователи указанной теории исходят из материально-правового характера договора, не допуская воз-

можности существования процессуальных договоров, что искусственно вынуждает использовать материально-правовые конструкции при наличии универсальных общеправовых инструментов.

Таким образом, из юридических теорий оптимальной для организации третейского разбирательства выступает юрисдикционная теория; иные же теории, думается, следует отвергнуть ввиду их несовершенства.

Заключение. Проведенное небольшое исследование позволило установить, что третейское разбирательство представляет собой осуществление правосудия. Также деятельность арбитров носит юрисдикционный характер. Теории арбитража были подразделены на философские и догматические по основанию разного познавательного статуса, показана возможность совместно использовать различные теории для регулирования и исследования третейского разбирательства.

Список литературы

- Haeger W.* Schiedsgerichte fur Rechtsstreitigkeiten der Handelswelt. Berlin: Struppe & Winckler, 1910. 465 p.
- Pillet A.* Traité pratique de droit international privé. Grenoble: J. Allier; Paris: Sirey, 1924. Т. II. 537 p.
- Rubellin-Devichi J.* L'arbitrage: nature juridique, droit interne et droit international privé. Paris: Librairie générale de droit et de jurisprudence, 1965. 420 p.
- Авдюков М. Г.* Судебное решение. М.: Госюриздат, 1959. 192 с.
- Ануров В. Н.* Третейское соглашение: моногр. М.: Проспект, 2009. 368 с.
- Ануров В. Н.* Компетенция третейского суда: в 3 т. М.: Проспект, 2021. Т. 1. 272 с.
- Ануфриева Л. П.* Международное частное право: учеб.: в 3 т. М.: БЕК, 2001. Т. 3: Трансграничные банкротства. 768 с.
- Бакулина Л. Т.* Общая теория договорного правового регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. 440 с.
- Васьковский Е. В.* Курс гражданского процесса: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. М.: Статут, 2016. 624 с.
- Вицын А. И.* Третейский суд по русскому праву: историко-догматическое рассуждение. М.: Тип. В. Готье, 1856. 112 с.
- Волков А. Ф.* Торговые третейские суды: Историко-догматическое исследование. СПб.: Тип. Редакции периодических изданий Мин-ва финансов, 1913. 302 с.
- Гольский Д. Г.* Признание и приведение в исполнение арбитражных решений, отмененных судом места их вынесения: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 184 с.
- Егоров Ю. П.* Воля и ее изъявление в сделках // Законодательство. 2004. № 10. С. 53–58.
- Елисеев Н. Г.* Договорное регулирование гражданских и арбитражных процессуальных отношений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. 42 с.
- Загайнова С. К.* Судебные акты в механизме реализации судебной власти в гражданском и арбитражном процессе. М.: Волтерс Клувер, 2007. 400 с.
- Зейдер Н. Б.* Судебное решение по гражданскому делу. М.: Юрид. лит, 1966. 192 с.
- Каса И.* Правовое регулирование деятельности третейского суда в Российской Федерации и Швейцарской Конфедерации: сравнительно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 210 с.

Кейлин А. Д. Судостроительство и гражданский процесс капиталистических государств: в 3 ч. М.: Внешторгиздат, 1961. Ч. 3: Арбитраж. 311 с.

Комментарий к Федеральному закону от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации». М.: Статут, 2015. 160 с.

Косцов В. Н. Немонетарные способы правовой защиты в международном арбитраже: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. 281 с.

Курочкин С. А. Международный коммерческий арбитраж и третейское разбирательство. М.: Инфотропик Медиа, 2013. 260 с.

Лебедев С. Н. Избранные труды по международному коммерческому арбитражу, праву международной торговли, международному частному праву, частному морскому праву. М.: Статут, 2009. 728 с.

Лунц Л. А., Марышева Н. И. Курс международного частного права: в 3 т. М.: Юрид. лит., 1976. Т. 3. 264 с.

Мальцев Г. В. Проблема частного и публичного права // Социология власти. 2003. № 3. С. 20–46.

Международный коммерческий арбитраж: учеб. / под ред. Т. А. Лунаевой. СПб.: Редакция журн. «Третейский суд»; М.: Статут, 2018. 965 с.

Муртазалиева С. М. Воля и волеизъявление как условия действительности сделок // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 3: Общественные науки. 2006. № 2. С. 84–85.

Новиков Е. Ю. Третейское разбирательство споров, подведомственных судам общей юрисдикции: проблемы нормативного регулирования // Актуальные проблемы гражданского процесса / под ред. В. А. Мусина. СПб.: С.-Петерб. ун-т, юрид. фак; Ин-т гос-ва и права РАН, 2002. С. 194–198.

Салозубова Е. В. Римский гражданский процесс. М.: Городец, 2018. 176 с.

Севастьянов Г. В. Правовая природа третейского разбирательства и компетенция третейского суда в сфере недвижимости: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 240 с.

Семенов В. М. Суд и правосудие в СССР: учеб. М.: Юрид. лит., 1984. 320 с.

Энгельман И. Е. Курс русского гражданского судопроизводства. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1912. 632 с.

Чечина Н. А. Избранные труды по гражданскому процессу. СПб.: Издат. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. 656 с.

Чечот Д. М. Избранные труды по гражданскому процессу. СПб.: Издат. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2005. 616 с.

Чупахин И. М. Решение третейского суда: теоретические и прикладные проблемы. М.: Инфотропик Медиа, 2015. 188 с.

Владислав Дмитриевич Туктамышев – преподаватель кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: tuktamyshev.vd@bk.ru.
ORCID: 0000-0001-8502-7584

Notes on the Legal Nature of Arbitration and Its Conceptualization

The author points out that since the arbitration court, along with the activities of state judicial authorities, helps to overcome legal uncertainty, arbitration proceedings can be considered as administration of justice. Since the law enforcement act of the arbitral tribunal (arbitral award) is of an authoritative nature, the activities of the arbitrators can be recognized as jurisdictional. Next, the author turns to the theories by which arbitration is studied. The paper provides a critical analysis of the theories of arbitration and indicates their different methodological status. The existing theories are of different orders: dogmatic or philosophical, respectively, with the help of a theory of one kind or another, it is impossible to explain all aspects of arbitration proceedings.

The author concludes that with the help of philosophical theories it is possible to establish the place of arbitration in the system of forms of overcoming legal uncertainty, while dogmatic

ones allow establishing the procedural aspects of the arbitral panel activity. In determining the place of arbitration, the autonomous theory would be preferable, and in regulating the procedural aspects of arbitration the jurisdictional theory is the most appropriate.

Keywords: arbitration, international arbitration, theories of arbitration, justice, jurisdiction

Recommended citation

Tuktamyshev V. D. Zametki o pravovoi prirode treteiskogo suda i podkhodakh k ego osmysleniyu [Notes on the Legal Nature of Arbitration and Its Conceptualization], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2024, no. 4, pp. 45–56, DOI: 10.34076/2410-2709-2024-142-4-45-56.

References

- Anurov V. N. *Treteiskoe soglasenie* [The Arbitration Agreement], Moscow, Prospekt, 2009, 368 p.
- Anurov V. N. *Kompetentsiya treteiskogo suda* [The Arbitration Competence], in 3 vols., Moscow, Prospekt, 2021, vol. 1, 272 p.
- Anufrieva L. P. *Mezhdunarodnoe chastnoe pravo* [Private International Law], in 3 vols., Moscow, BEK, 2001, vol. 3, 768 p.
- Avdyukov M. G. *Sudebnoe reshenie* [The Court Decision], Moscow, Gosyurizdat, 1959, 192 p.
- Bakulina L. T. *Obshchaya teoriya dogovornogo pravovogo regulirovaniya* [The General Theory of Contractual Legal Regulation]: doct. jur. sc. thesis, Moscow, 2019, 440 p.
- Chechina N. A. *Izbrannye trudy po grazhdanskomu protsessu* [Selected Works on Civil Procedure], Saint Petersburg, Izdat. dom S.-Peterb. gos. un-ta, 2004, 656 p.
- Chehot D. M. *Izbrannye trudy po grazhdanskomu protsessu* [Selected Works on Civil Procedure], Saint-Petersburgh, Izdat. dom S.-Peterb. gos. un-ta, 2005, 616 p.
- Chupakhin I. M. *Reshenie treteiskogo suda: teoreticheskie i prikladnye problemy* [An Arbitral Award: Theoretical and Practical Problems], Moscow, Infotropik Media, 2015, 188 p.
- Egorov Yu. P. *Volya i ee iz'yavlenie v sdelkakh* [The Will and Its Expression in Transactions], *Zakonodatel'stvo*, 2004, no. 10, pp. 53–58.
- Eliseev N. G. *Dogovornoe regulirovanie grazhdanskikh i arbitrazhnykh protsessual'nykh otnoshenii* [The Contractual Regulation of Civil and Arbitral Procedural Relations]: autoabstr. of doct. jur. sc. thesis, Moscow, 2016, 42 p.
- Engel'man I. E. *Kurs russkogo grazhdanskogo sudoproizvodstva* [The Course of Russian Civil Procedure], Yur'ev, Tip. K. Mattisena, 1912, 632 p.
- Gol'skii D. G. *Priznanie i privedenie v ispolnenie arbitrazhnykh reshenii, otmennyykh sudom mesta ikh vyneseniya* [The Recognition and Enforcement of Arbitral Awards, Cancelled by a Court at the Place of Their Issuance]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis, Moscow, 2017, 184 p.
- Haeger W. *Schiedsgerichte fur Rechtsstreitigkeiten der Handelswelt*, Berlin, Struppe & Winckler, 1910, 465 p.
- Kasa I. *Pravovoe regulirovanie deyatel'nosti treteiskogo suda v Rossiiskoi Federatsii i Shveitsarskoi Konfederatsii: sravnitel'no-pravovoe issledovanie* [The Legal Regulation of Arbitration in the Russian Federation and the Swiss Confederation: Comparative Research]: cand. jur. sc. thesis, Moscow, 2019, 210 p.
- Keilin A. D. *Sudoustroistvo i grazhdanskii protsess kapitalisticheskikh gosudarstv* [The Judicial System and the Civil Procedure of Capitalistic States], in 3 parts, Moscow, Vneshtorgizdat, 1961, pt. 3, 311 p.
- Kommentarii k Federal'nomu zakonu ot 24 iyulya 2002 g. № 102-FZ «O treteiskikh sudakh v Rossiiskoi Federatsii»* [The Commentary on the Federal Law «On Arbitration in Russian Federation»], Moscow, Statut, 2015, 160 p.
- Kostsov V. N. *Nemonetarnye sposoby pravovoi zashchity v mezhdunarodnom arbitrazhe* [Non-Monetary Relief in International Arbitration]: cand. jur. sc. thesis, Moscow, 2024, 281 p.
- Kurochkin S. A. *Mezhdunarodnyi kommercheskii arbitrazh i treteiskoe razbiratel'stvo* [The International Commercial Arbitration and Domestic Arbitration], Moscow, Infotropik Media, 2013, 260 p.

Lebedev S. N. *Izbrannye trudy po mezhdunarodnomu kommercheskomu arbitrazhu, pravu mezhdunarodnoi trgovli, mezhdunarodnomu chastnomu pravu, chastnomu morskomu pravu* [Selected Works on Commercial International Law, International Trade Law, Private International Law, Private Maritime Law], Moscow, Statut, 2009, 728 p.

Lunaeva T. A. (ed.) *Mezhdunarodnyi kommercheskii arbitrazh* [The International Commercial Arbitration], Saint Petersburg, Redaktsiya zhurn. «Treteiskii sud», Moscow, Statut, 2018, 965 p.

Lunts L. A., Marysheva N. I. *Kurs mezhdunarodnogo chastnogo prava* [The Course of the Private International Law], in 3 vols., Moscow, Yurid. lit., 1976, vol. 3, 264 p.

Mal'tsev G. V. *Problema chastnogo i publichnogo prava* [The Problem of Private and Public Law], *Sotsiologiya vlasti*, 2003, no. 3, pp. 20–46.

Murtazalieva S. M. *Volya i voleiz'yavlenie kak usloviya deistvitel'nosti sdelok* [The Will and Its Expression as a Condition of Validity of the Transaction], *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 3: Obshchestvennye nauki*, 2006, no. 2, pp. 84–85.

Novikov E. Yu. *Treteiskoe razbiratel'stvo sporov, podvedomstvennykh sudam obshchei yurisdiktsii: problemy normativnogo regulirovaniya* [Arbitration of Disputes under the Jurisdiction of Courts of General Jurisdiction: Problems of Regulation], Musin V. A. (ed.) *Aktual'nye problemy grazhdanskogo protsessa* [Current Problems of Civil Procedure], Saint Petersburg, S.-Peterb. un-t, yurid. fak., In-t gos-va i prava RAN, 2002, pp. 194–198.

Pillet A. *Traité pratique de droit international privé*, Grenoble, J. Allier, Paris, Sirey, 1924, t. II, 537 p.

Rubellin-Devichi J. *L'Arbitrage Nature Juridique*, Paris, Librairie générale de droit et de jurisprudence, 1965, 420 p.

Salogubova E. V. *Rimskii grazhdanskii protsess* [The Roman Civil Procedure], Moscow, Gorodets, 2018, 176 p.

Sevast'yanov G. V. *Pravovaya priroda treteiskogo razbiratel'stva i kompetentsiya treteiskogo suda v sfere nedvizhimosti* [The Legal Nature of Arbitration and Its Competence in the Sphere of Real Estate]: cand. jur. sc. thesis, Moscow, 2013, 240 p.

Semenov V. M. *Sud i pravosudie v SSSR* [The Court and Justice in the USSR], Moscow, Yurid. lit., 1984, 320 p.

Vas'kovskii E. V. *Kurs grazhdanskogo protsessa: Sub"ekty i ob"ekty protsessa, protsessual'nye otnosheniya i deistviya* [The Course of Civil Procedure. Subject and Objects of Procedure, Procedural Relations and Actions], Moscow, Statut, 2016, 624 p.

Vitsyn A. I. *Treteiskii sud po russkomu pravu: istoriko-dogmaticheskoe rassuzhdenie* [The Arbitration Court in Russian Law: Historical and Dogmatic Research], Moscow, Tip. V. Got'e, 1856, 112 p.

Volkov A. F. *Torgovye treteiskie sudy: Istoriko-dogmaticheskoe issledovanie* [Commercial Arbitration Courts: Historical and Dogmatic Research], Saint Petersburg, Tip. Redaktsii periodicheskikh izdaniy Min-va finansov, 1913, 302 p.

Zagainova S. K. *Sudebnye akty v mekhanizme realizatsii sudebnoi vlasti v grazhdanskom i arbitrazhnom protsesse* [Judicial Acts in the Mechanism of the Exercise of Judicial Power in Civil and Arbitral Proceedings], Moscow, Volters Kluver, 2007, 400 p.

Zeider N. B. *Sudebnoe reshenie po grazhdanskomu delu* [The Court Decision in Civil Case], Moscow, Yurid. lit., 1966, 192 p.

Vladislav Tuktamyshev – lecturer of the Department of civil procedure, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: tuktamyshev.vd@bk.ru.

ORCID: 0000-0001-8502-7584

Дата поступления в редакцию / Received: 31.07.2024

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 14.10.2024

Е. В. Шишкина

Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

СИТУАЦИОННЫЙ ПОДХОД В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

Разработчики теории следственных ситуаций по-разному трактовали их сущность и содержание основных факторов, их формирующих. Вместе с тем все они отмечали, что эта научная категория имеет практическое значение для раскрытия и расследования преступлений: позволяет определить основные направления расследования. На первоначальном этапе расследования преступлений, совершаемых несовершеннолетними, формируются несколько видов типичных следственных ситуаций, которые характеризуются разной степенью проблемности и требуют разрешения путем выдвижения типичных версий.

В статье рассмотрены основные типы следственных ситуаций, складывающихся по делам несовершеннолетних, проанализированы основные информационные трудности, которые их сопровождают. Отдельное внимание уделено ситуациям простого типа, в которых возникают неочевидные информационные барьеры, требующие распознавания и преодоления. Сделан вывод о том, что в простых ситуациях версии о невиновности несовершеннолетнего имеют особое значение, и приведены тактические правила их проверки. Изменения в динамике и структуре подростковой преступности в основном связаны с изменениями в типичных свойствах личности современного подростка, который стал более мобилен, технически грамотен, имеет обширные социальные связи. Анализируя исходные данные на первоначальном этапе расследования, следователь должен учитывать это при выдвижении версий о субъекте преступления, о действительных мотивах его поведения, о соучастниках и иных неизвестных обстоятельствах.

Ключевые слова: несовершеннолетний, ситуация, информационная неполноценность, версия, самооговор, проверка показаний

Для цитирования

Шишкина Е. В. Ситуационный подход в расследовании преступлений, совершаемых несовершеннолетними // Российское право: образование, практика, наука. 2024. № 4. С. 57–67. DOI: 10.34076/2410-2709-2024-142-4-57-67.

УДК 343.985.7

DOI: 10.34076/2410-2709-2024-142-4-57-67

Теория следственных ситуаций и вытекающий из ее основных положений ситуационный подход к расследованию преступлений не новы и на практике доказали свою значимость. Ситуационный подход применяется и в расследовании преступлений, совершаемых несовершеннолетними. Более того, его актуальность в этой сфере значительно возрастает.

Один из основоположников теории следственных ситуаций Л. Я. Драпкин, 100-летие

которого в этом году отмечает криминалистическое сообщество, под следственной ситуацией понимал «мысленную динамическую модель, отражающую информационно-логическое, тактико-психологическое и организационное состояние, сложившееся по уголовному делу и характеризующее благоприятный или неблагоприятный характер процесса расследования» [Драпкин 1987: 17]. Очевидно, что ученый был сторонником «информационной модели следственной ситуации», кото-

рая, по его мнению, формируется в сознании следователя на основании отражения реальных условий расследования [Там же: 13].

Противоположной позиции придерживался Р. С. Белкин, рассматривавший следственную ситуацию как совокупность реальных условий расследования, т. е. обстановку, в которой протекает процесс доказывания [Белкин 2001: 629–630].

Таким образом, в криминалистической науке сформировались два основных подхода к пониманию следственной ситуации. При этом многие ученые неоднократно подчеркивали их право на существование, поскольку оба они характеризуют расследование [Волчецкая 1997; Карагодин 2008].

На наш взгляд, особого внимания заслуживает позиция И. Ф. Герасимова, который, выступая с критикой мнения Р. С. Белкина о трактовке следственной ситуации как внешнего фактора расследования, значительно расширил ее содержание, включив в него не только информационные элементы, но и их оценку. Именно оценка внешних факторов расследования, с точки зрения ученого, позволяет сформировать представление о них и способствует принятию оптимальных решений. Под следственной ситуацией И. Ф. Герасимов понимал «сложившуюся на определенный момент расследования, внутренне необходимо склонную к изменению совокупность характеризующих расследование материальных, информационных и иных факторов и их оценку, которая обуславливает основные направления расследования, принятие решений и выбор способов действия» [Герасимов 1976: 173].

Ценность данного определения, на наш взгляд, состоит в том, что в нем содержатся указания на наиболее значимые признаки следственной ситуации. В числе первых – динамичность следственной ситуации, ее склонность к изменению, что является важнейшей характеристикой ее состояния. Это свойство отражает сущность ситуации, о чем неоднократно писал и Л. Я. Драпкин. В частности, ученый отмечал, что динамичность ситуации расследования прежде всего обусловлена воздействием, которое на носителей доказательственной информации оказывают субъекты расследования (следователи, работники органа дознания), проводящие процессуальные и иные действия [Драпкин 1987: 17–18]. Од-

нако на развитие ситуации влияют и объективные факторы, прежде всего временные. С течением времени меняется следовая информация, которая содержится на материальных носителях и в памяти людей. Крайне важно, чтобы следователь осознал динамичность как непрерывное свойство любой ситуации; это имеет особое практическое значение, поскольку заставляет следователя проявлять активность в поиске и фиксации информации, а также принимать верные тактические решения при ее оценке.

Не менее ценным в определении И. Ф. Герасимова является указание на практическую значимость следственной ситуации, которую он видит в определении направления расследования и принятии следователем решений, в частности тактического характера.

Позиция И. Ф. Герасимова, на наш взгляд, примиряет разные точки зрения по поводу сущности следственной ситуации, поскольку, включая в ее определение оценку формирующих ситуацию факторов, он, с одной стороны, признает существование внешней, реальной ситуации и, с другой стороны, заявляет, что субъекту расследования необходимо ее осмыслить (оценить), т. е. сформировать мысленную модель, для осуществления следственной деятельности.

Типичные следственные ситуации расследования совершенно справедливо принято считать обязательными элементами структуры частных методик расследования преступлений любой разновидности. Их типичный характер определяется частотой, с которой встречаются формирующие их данные, связанные с характерными для определенного вида или группы преступлений обстоятельствами расследуемых событий. Из этого вытекает очевидная связь понятий «типичная следственная ситуация» и «криминалистическая характеристика преступлений». В. Н. Карагодин отмечает, что эти научные категории отражают разные явления объективной действительности, однако не отрицает, что «при построении мысленной модели реальной ситуации субъекты уголовного судопроизводства могут использовать сведения из криминалистических характеристик расследуемого преступления» [Карагодин 2008: 91]. По мнению Т. С. Волчецкой, пересечение указанных понятий наблюдается в информационном компоненте следственной ситуации [Волчец-

кая 1997: 91–92]. Как нам представляется, в наибольшей степени эта связь проявляется в оценке сложившейся ситуации и формирующих ее факторов, прежде всего информационных. Данные криминалистической характеристики часто используются в качестве теоретической базы для версий, поэтому очевидно их значение для разрешения ситуаций любого типа.

Поскольку методика расследования преступлений, совершаемых несовершеннолетними, относится к категории групповых криминалистических методик, то вопрос о типичных ситуациях первоначального этапа их расследования решается своеобразно. Групповые методики, формируемые по признакам субъекта преступления, объединяют разные виды деяний, у каждого из которых есть типичные особенности. Соответственно классификация типичных следственных ситуаций здесь основана на характере (наличие и качество) информации о несовершеннолетнем субъекте преступления.

Первая группа типичных следственных ситуаций, возникающих при расследовании преступлений рассматриваемой нами категории, относительно проста, поскольку есть достаточные исходные сведения о событии, его участниках и иных значимых для расследования обстоятельствах. Такие ситуации принято называть благоприятными, простыми. По делам несовершеннолетних они складываются, когда заявитель прямо указывает на несовершеннолетнего как на лицо, совершившее преступление; когда несовершеннолетний явился с повинной; когда несовершеннолетнего задержали в момент совершения или непосредственно после совершения им преступления.

Л. Я. Драпкин называл основным методом расследования в условиях простых ситуаций «последовательное развертывание исходной информации и оптимальное использование сведений о разнообразных источниках доказательств» [Драпкин 2014: 24]. При этом важно, чтобы мысленная информационная модель ситуации максимально соответствовала реальной ситуации расследования, что даже в благоприятных условиях происходит далеко не всегда. К числу наиболее опасных несоответствий Л. Я. Драпкин относил случаи, когда сложная следственная ситуация неадекватно воспринимается как простая,

что создает трудности в ее разрешении, поскольку следователь ошибочно начинает применять неэффективные методы расследования [Там же: 24].

Чтобы распознать характер сложившейся ситуации расследования, следователь должен использовать уникальный метод, позволяющий не только строить прогнозы развития ситуации, но и разрешать ее. Такими свойствами наделен версионный метод расследования.

В числе наиболее значимых для благоприятных ситуаций следует назвать версии о невинности несовершеннолетнего. Информация о совершении преступления подростком, полученная из любого источника – от заявителя либо от самого подростка, должна быть подвергнута тщательной проверке. Недостоверность этой информации может быть обусловлена разными факторами: недобросовестностью или заблуждением заявителя, мотивами самоговора.

Зачастую заявителями о преступлениях несовершеннолетних выступают родители, педагоги, которые в свою очередь получают информацию о совершенном преступлении от несовершеннолетних жертв. Таким образом информация о событии, его мотивах, обстоятельствах произошедшего и личности виновного проходит несколько этапов, на каждом из которых может искажаться. Кроме того, несовершеннолетние потерпевшие могут по разным причинам утаивать от родителей (педагогов) правду о произошедшем, ошибаться в его оценке или указывать на невинное лицо, например, боясь назвать реального обидчика. Нельзя забывать, что большинство преступлений совершается несовершеннолетними в группе, и потому свидетелям или потерпевшим бывает трудно разграничить действия участников, особенно если преступление является сложным по механизму. Все это приводит к искажению первичной информации об участниках события и потому требует обязательной проверки.

Отдельно следует рассмотреть самоговор несовершеннолетних. Большинство причин самоговора кроется в свойствах подростковой психологии. Возможна неверная оценка ситуации подростком, когда он берет вину на себя, полагая, что последствия события связаны с его действиями. Его могут заставить или уговорить взять вину на себя те,

кого он боится, или те, кому доверяет. Самооговор может быть самостоятельным решением подростка, который по мотивам дружбы или родственной близости берет вину в содеянном на себя.

Самооговор несовершеннолетнего как форма дачи им ложных показаний представляет собой, как правило, не очень умело построенную, искаженную модель события. Недостаток криминального и жизненного опыта, элементарных знаний, отсутствие у подростка отдельных навыков приводят к тому, что эта модель оказывается плохо подготовленной и достаточно легко изобличается. Кроме того, зачастую для подготовки ложного заявления у подростка не хватает времени, если его задерживают непосредственно после совершения преступления. Все это создает неплохие условия для эффективного изобличения самооговора при проведении первоначальных следственных действий.

Некоторые авторы связывают ситуации самооговора с ошибками в действиях следователя. По мнению Е. Е. Центрова, «в основе самооговора нередко лежат определенные личностные особенности, а также нежелательные изменения, которые возникают в психике человека в результате ошибочного подозрения или обвинения его в совершении преступления» [Центров 2024: 459–460]. Таким образом, ученый предупреждает, что некоторые процессуальные нарушения и тактические просчеты следствия в работе с подозреваемыми тоже могут привести к самооговору. Несовершеннолетние подозреваемые находятся в еще более незащищенном состоянии на первоначальном этапе расследования, поскольку в силу возраста им трудно оценить ситуацию адекватно и полноценно.

И. А. Макаренко, анализируя ситуации допроса несовершеннолетних обвиняемых, отмечает, что их бесконфликтный характер не гарантирует правдивости показаний обвиняемого, поскольку несовершеннолетний «может добросовестно заблуждаться, ошибаться, неправильно понимать сущность тех или иных событий. Наконец, обвиняемый, чистосердечно признавая свою вину, может подсознательно стремиться к ее преуменьшению» [Макаренко 2012: 1117]. Ситуации самооговора автор также относит к мнимо бесконфликтным.

Версия о самооговоре, будучи типичной для преступлений несовершеннолетних,

должна быть тщательно проверена. При этом ее проверка должна быть одной из целей каждого следственного действия, проводимого на первоначальном этапе. Версия за счет выводимых из нее логических следствий определяет тактический рисунок следственного действия, помогает выбирать наиболее эффективные тактические приемы его проведения. При осмотре места происшествия важно искать следы пребывания подозреваемого на месте события и следы иных лиц, которых он может скрывать.

Важнейшее место в проверке этой версии занимает допрос несовершеннолетнего. Правильно подобранные тактические приемы детализации, постановки уточняющих, контрольных вопросов, предъявления доказательств могут помочь в изобличении лжи. Нужно оценивать поведение подростка, его реакции на поставленные вопросы, т. е. невербальные признаки передачи ложных сведений. В выборе тактики допроса важно руководствоваться также рекомендациями, в основе которых лежат психологические приемы взаимодействия с несовершеннолетними. Неверно выбранный тон разговора, неправомерные методы психологического воздействия могут привести к даче подростком ложных показаний, в том числе к самооговору. И. А. Макаренко предупреждает об опасности создания при допросе сильной психологической напряженности, которая возникает при применении таких приемов, как ведение допроса в форсированном или замедленном темпе, внезапность, разжигание конфликта, а также нарушение «персонального пространства» [Макаренко 2011: 127].

К числу наиболее эффективных следственных действий, направленных на проверку версии о самооговоре, относят проверку показаний на месте. Если получено согласие подростка на участие в проверке его показаний, то необходимо на подготовительном этапе, исходя из анализа данных им при допросе показаний, обозначить контрольные точки проверки. Они, как правило, связаны с наиболее важными обстоятельствами события (механизм нанесения ударов, их последовательность, сила и направление), а иногда и со спорными обстоятельствами, относительно которых у следствия имеются сомнения о причастности к ним подростка. Например, это может быть слишком сложный, требую-

ций определенных навыков способ проникновения в квартиру (помещение). Хорошо продуманная тактика проверки показаний на месте позволяет изобличить самооговор и продемонстрировать самому подростку недостоверность его заявлений. Специфика данного следственного действия состоит в том, что при его проведении показания подозреваемого (обвиняемого) подвергаются усиленной проверке за счет пересекающихся информационных потоков, отражаемых в сознании следователя. Уникальность проверки показаний на месте придает еще одно очень важное обстоятельство: сама обстановка места проверки выполняет роль мощного проверяющего фактора, имеющего объективную природу. Встроить ложь в реальную обстановку, в которой происходило проверяемое событие, крайне сложно, а порой невозможно. Подростку такая задача чаще всего не под силу.

Е. Е. Центров, справедливо считая проверку показаний на месте очень эффективным способом распознавания самоговора, в то же время предупреждает о том, «что проверка показаний на месте является обоюдоострым, правового характера инструментом. Она может быть использована не только для проверки самоговора, оговора, истинности данных на следствии показаний», но еще и (при ее применении недобросовестными следователями) как способ «своеобразного закрепления полученных незаконным путем признаний подозреваемого (обвиняемого) в совершенном преступлении» [Центров 2020: 40].

Полагаем, что опасения ученого вполне обоснованны, тем более когда речь идет о несовершеннолетних. Нельзя забывать об особом психологическом состоянии лица, вовлеченного в систему уголовного судопроизводства, которая для него нова. Подросток скорее, чем взрослый, может испытывать после задержания растерянность, безысходность в сложившейся ситуации, неверно оценивать ее характер, степень доказанности своей вины. Все это требует от следователя максимально тщательной и всесторонней проверки признательных показаний, даваемых подростком.

В силу зачастую группового характера совершаемых несовершеннолетними преступлений версия о причастности к расследуемому событию иных лиц, кроме несовершеннолетнего, также имеет основания для выдвижения и требует детальной про-

верки. Заявления подростка о том, что он совершил преступление в одиночку, могут вызывать подозрения при оценке исходных данных о событии. Это могут быть сведения о наличии множества следов на месте происшествия, о характере вреда, причиненного жертве, в целом о механизме события, реализация которого предполагает действия нескольких лиц. Соккрытие соучастников и объяснение того, каким образом несовершеннолетний мог один осуществить эти действия, требует от него немалых интеллектуальных усилий. Как было сказано выше, при умелой тактике допроса подросток может быть изобличен во лжи. Особенность подобной ситуации заключается в том, что если подросток не знает точно, как действовал его соучастник на месте преступления, то ему придется придумывать это на ходу.

Соккрытие соучастников и объяснение того, каким образом несовершеннолетний мог один осуществить эти действия, требует от него немалых интеллектуальных усилий

Как и в случае самоговора, в число наиболее эффективных способов изобличения лжи в показаниях подозреваемых может входить проверка показаний на месте. Демонстрировать действия другого лица, выдавая их за свои, крайне сложно. Иногда это невозможно, поскольку объективная обстановка места проверки и имеющиеся в распоряжении следователя данные об отдельных обстоятельствах события, которые с ней связаны, способны показать ложь.

В качестве яркого примера может быть приведен случай из практики автора. Подросток 16 лет подозревался в совершении ряда краж из частных домов. После задержания он заявил, что все кражи совершил в одиночку. Однако по ряду причин возникли подозрения в наличии соучастника. Прежде всего смущали большой объем похищенного и разнообразие способов проникновения в домовладения с использованием разных инструментов. Тем не менее подозреваемый продолжал настаивать на том, что все преступления он совершал один. Подозрения в наличии соучастника усилились после допроса: подросток давал неполные показа-

ния относительно отдельных обстоятельств краж, в частности не всегда мог пояснить местоположение похищенного. При проверке показаний на месте их неполнота и противоречивость стали еще более очевидными. На месте одной из краж подросток довольно полно описал и показал места, где лежали вещи, похищенные из гостиной, а про изъятые из другой комнаты и чердака полных показаний дать не смог, попытавшись сориентироваться на месте. Однако его показания при этом не соответствовали данным осмотра места происшествия и информации, полученной от потерпевшего. Не совпали его показания и демонстрационные действия и с реальным способом взлома запирающего устройства. Под давлением улик подросток признался в наличии соучастника, назвав его имя. Им оказался ранее судимый совершеннолетний гражданин. Он внушил подростку, что в случае, если того поймают, ему выгоднее брать всю вину на себя, потому что за соучастие дают больший срок.

По ряду преступлений (в основном корыстных и корыстно-насильственных) имеются веские основания для выдвижения версии о причастности несовершеннолетнего к иным преступлениям этого вида. Версия о неоднократном совершении подобных преступлений при ее полноценной проверке нередко дает положительные результаты. Продуктивность подобных версий обусловлена тем, что они позволяют в общем количестве совершенных на территории населенного пункта (района) преступлений определенного вида выявлять схожие по обстановке, способам совершения, характеру жертвы и иным признакам деяния и проверять задержанное лицо на причастность к их совершению.

Подростковая преступность часто отличается богатой следовой картиной, в которой могут проявляться и неоднократно повторяться одни и те же характерные признаки, что подтверждает перспективность данной версии. При этом нельзя забывать, что проверка версии о причастности к иным преступлениям должна быть проведена максимально тщательно и объективно во избежание необоснованного обвинения. В числе наиболее эффективных следственных действий, направленных на проверку этой версии, может быть назван обыск по месту жительства несовершеннолетнего. Следует обращать осо-

бое внимание на предметы, происхождение которых вызывает сомнения (не подходят обыскиваемому по размеру, фасону, либо он сам не может объяснить их происхождение и пр.). Эффективность обыска по делам несовершеннолетних во многом определяется характером поставленных целей, в числе которых обязательно должны быть обнаружение обстоятельств, свидетельствующих о причастности подростка к иным преступлениям, помимо расследуемого.

Анализ динамики и распространенности преступлений, совершаемых несовершеннолетними, а также существенных изменений в структуре подростковой преступности, в социальных, нравственно-психологических характеристиках субъекта дают все больше оснований считать ситуации первого типа простыми лишь условно. По делам отдельных категорий доля информационной неопределенности в их структуре очень велика и требует соответствующего версионного и организационно-тактического сопровождения.

В качестве примера могут быть приведены участвовавшие в последнее время случаи «скулшуттинга». Во всех известных на настоящий момент фактах нападения на образовательные учреждения виновные лица (чаще всего это несовершеннолетние или лица молодого возраста) либо были задержаны, либо покончили с собой, либо были ликвидированы. Их личности во всех случаях были установлены. Однако неопределенными на первоначальном этапе расследования остаются многие обстоятельства. Прежде всего это реальные мотивы нападавшего, которые зачастую не соответствуют первоначальным предположениям и имеют глубокие корни. Ф. С. Сафуанов и Е. В. Васкэ, исследуя мотивацию преступных действий несовершеннолетних, приходят к выводу о том, что «поведение несовершеннолетних носит, как правило, полимотивированный характер, обусловленный совокупностью как осознанных, так и неосознаваемых мотивов» [Сафуанов, Васкэ 2010: 125].

В установлении мотивов следствие может столкнуться с противодействием заинтересованных лиц. Противодействие в установлении мотивов могут оказывать педагоги, которые скрывают случаи «буллинга», не приняли должных мер профилактического характера; родители, скрывающие факты семейного не-

благополучия, в том числе физического или психического насилия; несовершеннолетние свидетели (одноклассники, друзья), которые также могут быть не заинтересованы в раскрытии истинных причин совершенного деяния, поскольку могут иметь к ним прямое отношение.

Не менее сложно при расследовании подобных фактов установить полный круг лиц, которые могли содействовать подростку в подготовке и реализации его замысла. В их числе могут оказаться не только прямые соучастники преступления, но и те, кто проявил преступную халатность, недобросовестно относился к своим служебным обязанностям, к обязанностям по воспитанию подростка. Версии об источниках получения подростком материальных средств и о каналах приобретения оружия, навыков стрельбы, получения информации о режиме работы учреждения и иных важных для реализации замысла сведений требуют тщательной проверки и, как правило, оперативного сопровождения.

Ситуации второго типа отличаются от первых недостаточной полнотой сведений о субъекте преступления. Информационная неполноценность может быть разной в зависимости от соотношения известных и неустановленных данных. В исходные данные могут включаться сведения о причастности к преступлению несовершеннолетних. Более того, в показаниях потерпевших и свидетелей, а также в иных источниках могут содержаться отдельные сведения о них (имена, клички, некоторые данные о месте учебы или проживания). В подобном случае необходимо принять меры по установлению личности этих подростков и проверить версию об их причастности к событию.

Иногда на допросе потерпевший или свидетели могут заявлять, что преступление, скорее всего, совершили подростки. Такое предположение может быть сделано на основании собственной оценки этими лицами обстоятельств события. Версию о совершении преступления несовершеннолетним(и) в указанной ситуации требуется поддержать дополнительными фактами. Это может быть более частное предположение о том, что преступление совершили подростки, которые не только проживают в данном районе (микрорайоне), но и, возможно, часто проводят время в месте, расположенном неподалеку

от места совершения преступления, учатся в ближайшей к нему школе.

Наибольшая нагрузка в проверке версии о причастности к преступлению несовершеннолетних приходится на допрос потерпевших (свидетелей). Если допрашиваемый заявляет, что субъект преступления не достиг совершеннолетия, необходимо установить основания для такой уверенности. Могут быть применены направленные на уточнение полученных данных и их проверку тактические приемы, которые традиционно используются в ситуациях допроса с нестрогим характером конфликта [Баев 1992: 114–120]. Эти ситуации складываются, когда у следователя есть основания полагать, что допрашиваемый может заблуждаться в оценке события и его обстоятельств.

Основаниями для сомнений в достоверности информации о возрасте преступника могут быть неблагоприятные условия наблюдения (освещенность, расстояние, помехи) или состояние наблюдавшего (опьянение, стресс, испуг). Кроме того, нельзя забывать, что о возрасте очень часто формируются искаженные суждения.

А. Р. Ратинов, исследуя психологию допроса потерпевших и свидетелей, предупреждал еще об одной опасности. По его мнению, «стремясь к образованию логически цельной картины происшедшего, свидетель, если часть ее не была им воспринята, заполняет имеющиеся пробелы данными, почерпнутыми из своего опыта, и расценивает их как естественные, обязательные и для этого случая» [Ратинов 2001: 213]. В самом деле, некоторые действия и особенности поведения участников события в сознании свидетеля или потерпевшего могут ассоциироваться с поступками, характерными для подростков, что может ввести его в заблуждение. Проверка таких утверждений должна быть тщательной и последовательной. В некоторых случаях необходимо разъяснить допрашиваемому важность передаваемой им информации для розыска преступника, мотивируя его критически оценивать собственные показания.

Особенно важно подключать тактические приемы контроля и проверки информации, передаваемой несовершеннолетними потерпевшими и свидетелями. Их способность определять возраст других людей значительно ниже, чем у взрослых [Катунова 2020:

64]. В уточнении сведений о внешности преступников здесь могут помочь приемы моделирования, аналогии, ассоциации.

В других ситуациях потерпевший или свидетель могут не сообщать сведений о возрасте нападавших, в то время как у следователя есть основания полагать, что это могли быть подростки. При выяснении этих обстоятельств следует быть предельно осторожным. Об опасности внушения и самовнушения предупреждают многие исследователи психологии допроса. А. Р. Ратинов связывает степень опасности внушения с неполнотой запомнившейся информации и индивидуальными особенностями личности допрашиваемого, считая наиболее опасными «прямые утверждения допрашивающего, сопровождаемые требованием или увещанием подтвердить или опровергнуть тот или иной факт» [Ратинов 2001: 222]. Ученый относил несовершеннолетних к числу наиболее подверженных внушению лиц [Там же: 225–226].

Версия о несовершеннолетних участниках расследуемого события проверяется не только при допросе потерпевших и свидетелей. Полученные исходные данные должны быть проверены при осмотре места происшествия, при проведении подворно-поквартирных обходов и иных оперативно-розыскных мероприятий, при назначении экспертиз по итогам первоначальных следственных действий. В любом случае наличие версии о субъекте преступления, в которой содержатся данные, позволяющие значительно сузить круг его поиска, способствует активизации расследования на его первоначальном этапе.

Если установлены сведения, подтверждающие версию о совершении преступления подростками, ее проверка, как правило, идет по пути выявления лиц несовершеннолетнего возраста, которые проживают в районе совершения преступления и уже совершали правонарушения, т. е. состоят на профилактическом учете в подразделениях по делам несовершеннолетних местного отдела внутренних дел. Это направление поиска является вполне разумным, поскольку, согласно данным криминалистических характеристик несовершеннолетних, они действительно чаще всего совершают преступления в благоприятной, знакомой для них обстановке. Тем не менее

современные реалии требуют не заикливаться на подобных предположениях и проверять на причастность подростков и из других районов. Современные подростки стали более мобильными, в основном за счет имеющихся у них материальных возможностей для этого. Ряд исследователей полагает, что есть основание говорить о формировании феномена «выхода молодых людей на рынок труда и обретения первичного трудового опыта еще во время учебы, гораздо раньше по возрасту, чем это было в 1980-е гг.» [Милюкова, Хохлов 2013: 74]. Это приводит к существенным изменениям в структуре преступности несовершеннолетних и значительно меняет типичные представления о личности такого преступника.

Третья разновидность типичных ситуаций характеризуется отсутствием в исходных данных сведений о субъекте преступления. Частные методики расследования преступлений отдельных видов содержат рекомендации по выдвижению типичных версий, в том числе и о субъекте преступления. Типичные версии о несовершеннолетних сопровождают первоначальный этап расследования многих преступлений: хулиганства, грабежей, вандализма, угона транспорта, краж и др. Дополнительными аргументами в пользу версии о несовершеннолетнем субъекте служат установленные в ходе первоначальных следственных действий обстоятельства – признаки, указывающие на групповой характер преступления, данные об обстановке, способе совершения, следовая картина, характер похищенного имущества.

Значение версии о несовершеннолетнем субъекте преступления сложно переоценить. Ее перспективность определяется выбором оптимальных и зачастую более очевидных направлений проверки. Несмотря на то что современный подросток, в отличие от своего ровесника, жившего несколько десятилетий назад, более мобилен, обладает навыками использования современных технологий, в частности для преступных целей, имеет широкие социальные связи, в выборе и реализации целей своей деятельности он остается еще незрелой личностью, что находит отражение в следовой картине события, участником которого он был.

Список литературы

- Баев О. Я. Тактика следственных действий. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1992. 208 с.
- Белкин Р. С. Курс криминалистики. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. 837 с.
- Волчецкая Т. С. Криминалистическая ситуалогия: моногр. Калининград: КГУ, 1997. 248 с.
- Герасимов И. Ф. Некоторые проблемы раскрытия преступлений. Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во, 1976. 184 с.
- Драпкин Л. Я. Криминалистические и оперативно-розыскные аспекты раскрытия и расследования преступлений. Екатеринбург: Издат. дом Урал. гос. юрид. ун-та, 2014. 196 с.
- Драпкин Л. Я. Основы теории следственных ситуаций. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987. 168 с.
- Карагодин В. Н. Общетеоретические положения криминалистики: учеб. пособие. Екатеринбург: Урал. акад. гос. службы, 2008. 164 с.
- Катунова И. Д. Особенности визуального определения возраста человека // PSY-Вышка: сб. материалов Междунар. науч. конф. (31 октября – 2 ноября 2019 г.) / отв. ред. Е. С. Горбунова. М.: Рос. нов. ун-т, 2020. С. 63–65.
- Макаренко И. А. Классификация следственных ситуаций, возникающих при производстве вербальных следственных действий с участием несовершеннолетнего обвиняемого // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17. № 2. С. 1115–1119.
- Макаренко И. А. Проблемы допустимости психологического воздействия на несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства // Вестник Удмуртского университета. Сер. Экономика и право. 2011. № 2. С. 125–128.
- Милюкова И. А., Хохлов Э. В. Трудовая занятость подростков как фактор социальной безопасности: опыт социологического исследования // Studia Humanitatis Borealis. 2013. № 1. С. 73–83.
- Рашинов А. Р. Судебная психология для следователей. М.: Юрлитинформ, 2001. 352 с.
- Сафуанов Ф. С., Васкэ Е. В. Психологический анализ мотивации преступных действий несовершеннолетних правонарушителей при совершении групповых и индивидуальных делитов // Прикладная юридическая психология. 2010. № 2. С. 123–135.
- Центров Е. Е. Оценка достоверности признания лицом своей вины в целях его отграничения от самоговора и оговора // Вестник Московского университета. Сер. 11: Право. 2020. № 1. С. 21–42.
- Центров Е. Е. Руководство по следственной тактике: моногр. М.: Норма; Инфра-М, 2024. 576 с. DOI: 10.12737/2090010.

Елена Викторовна Шишкина – почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: evsh18@mail.ru.

ORCID: 0000-0003-4152-3396

Situational Approach in the Investigation of Crimes Committed by Juveniles

Developers of the theory of investigative situations interpreted their essence and the content of the main factors, which form these situations, differently. However, all of them noted that this category is of practical importance for detection and investigation of crimes, for it allows determining the main directions of investigation. At the initial stage of investigation of crimes committed by minors, investigative situations of several types are formed, which should be resolved by putting forward typical versions.

The paper considers the main types of investigative situations arising in juvenile cases, analyzes the main information difficulties that accompany them. Special attention is paid to simple situations, which include non-obvious information barriers that require recognition and overcoming.

The author concludes that the version of a minor's innocence is of special importance in such situations, and reveals tactical rules of its verification. Changes in the dynamics and structure of juvenile delinquency are mainly associated with changes in the typical personality traits of a modern teenager, who has become more mobile, technically literate, and has extensive social ties. Analyzing the initial data at the initial stage of investigation, the investigator must take this into account when making versions about the subject of the crime, versions about the actual motives of his behavior, and versions about accomplices and other unknown circumstances.

Keywords: juvenile, situation, information disability, version, self-incrimination, testimony verification

Recommended citation

Shishkina E. V. Situatsionnyi podkhod v rassledovanii prestuplenii, sovershaemykh nesovershennoletnimi [Situational Approach in the Investigation of Crimes Committed by Juveniles], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2024, no. 4, pp. 57–67, DOI: 10.34076/2410-2709-2024-142-4-57-67.

References

Baev O. Ya. *Taktika sledstvennykh deistvii* [Investigative Tactics], Voronezh, Izd-vo VGU, 1992, 208 p.

Belkin R. S. *Kurs kriminalistiki* [Forensics Course], Moscow, YuNITI-DANA, 2001, 837 p.

Drapkin L. Ya. *Kriminalisticheskie i operativno-rozysknye aspekty raskrytiya i rassledovaniya prestuplenii* [Criminalistic and Operational and Investigative Aspects of Crime Detection and Investigation], Ekaterinburg, Izdat. dom Ural. gos. yurid. un-ta, 2014, 196 p.

Drapkin L. Ya. *Osnovy teorii sledstvennykh situatsii* [Fundamentals of the Theory of Investigative Situations], Sverdlovsk, Izd-vo Ural. un-ta, 1987, 168 p.

Gerasimov I. F. *Nekotorye problemy raskrytiya prestuplenii* [Some Problems of Crime Detection], Sverdlovsk, Sredne-Ural. kn. izd-vo, 1976, 184 p.

Karagodin V. N. *Obshcheteoreticheskie polozheniya kriminalistiki* [General Theoretical Provisions of Forensics], Ekaterinburg, Ural. akad. gos. sluzhby, 2008, 164 p.

Katunova I. D. *Osobennosti vizual'nogo opredeleniya vozrasta cheloveka* [Features of Visual Determination of a Person's Age], Gorbunova E. S. (ed.) *PSY-Vyshka* [PSY-The Higher Ed]: conference papers, Moscow, Ros. nov. un-t, 2020, pp. 63–65.

Makarenko I. A. *Klassifikatsiya sledstvennykh situatsii, vznikayushchikh pri proizvodstve verbal'nykh sledstvennykh deistvii s uchastiem nesovershennoletnego obvinyaemogo* [Classification of Investigative Situations Arising under Verbal Investigative Actions with a Juvenile Defendant], *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 2012, vol. 17, no. 2, pp. 1115–1119.

Makarenko I. A. *Problemy dopustimosti psikhologicheskogo vozdeistviya na nesovershennoletnikh uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva* [Issues of Admissibility of a Psychological Impact on Minor Participants of Punitive Proceedings], *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser. Ekonomika i pravo*, 2011, no. 2, pp. 125–128.

Milyukova I. A., Khokhlov E. V. *Trudovaya zanyatost' podrostkov kak faktor sotsial'noi bezopasnosti: opyt sotsiologicheskogo issledovaniya* [Teenagers Employment as a Factor of Societal Security: An Analysis of Results of Sociological Research], *Studia Humanitatis Borealis*, 2013, no. 1, pp. 73–83.

Ratinov A. R. *Sudebnaya psikhologiya dlya sledovatelei* [Forensic Psychology for Investigators], Moscow, Yurlitinform, 2001, 352 p.

Safuanov F. S., Vaske E. V. *Psikhologicheskii analiz motivatsii prestupnykh deistvii nesovershennoletnikh pravonarushitelei pri sovershenii gruppykh i individual'nykh deliktov* [Psychological Analysis of the Motivation of Criminal Actions of Juvenile Offenders in the Commission of Group and Individual Torts], *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya*, 2010, no. 2, pp. 123–135.

Tsentrov E. E. *Otsenka dostovernosti priznaniya litsom svoei viny v tselyakh ego otgranicheniya ot samoogovora i ogovora* [Assessing the Reliability of a Person's Confession of Guilt in

Order to Distinguish It from Self-Incrimination and Stigmatization], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 11: Pravo*, 2020, no. 1, pp. 21–42.

Tsentrov E. E. *Rukovodstvo po sledstvennoi taktike* [Investigative Tactics Manual], Moscow, Norma, Infra-M, 2024, 576 p., DOI: 10.12737/2090010.

Volchetskaya T. S. *Kriminalisticheskaya situologiya* [Forensic Situology], Kaliningrad, KGU, 1997, 248 p.

Elena Shishkina – honorary worker of higher professional education of the Russian Federation, candidate of juridical sciences, associate professor, associate professor of the Department of criminalistics, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: evsh18@mail.ru.

ORCID: 0000-0003-4152-3396

Дата поступления в редакцию / Received: 08.10.2024

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 21.10.2024

В. Ф. Васюков

Московский государственный университет
международных отношений МИД России (МГИМО)
(Москва)

А. Н. Старжинская

Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)
(Москва)

ОБ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ И СЛЕДСТВЕННЫХ МЕРАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПНЫХ ДОХОДОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КРИПТОВАЛЮТ

Авторы поднимают вопросы о роли криптовалют в отмывании денежных средств, приводят данные о резком увеличении незаконного оборота криптовалюты. Приводится перечень сведений, которые могут быть получены уполномоченными сотрудниками при проведении оперативно-розыскных мероприятий и при взаимодействии с правоохранительными органами зарубежных стран. Акцентируется внимание на информации, которая может быть особенно значима для раскрытия преступлений, связанных с легализацией преступных доходов. Уделяется внимание проведению различных мероприятий при установлении контроля за банкоматами, с помощью которых лица, причастные к преступной деятельности, обналичивают незаконные доходы. Также приводятся примеры раскрытия рассматриваемых преступлений в отдельных юрисдикциях.

Анализируются средства и методы, способствующие раскрытию преступления, связанного с легализацией преступных доходов. Отмечается важность анализа блокчейна с использованием аппаратно-программных комплексов и ресурсов сети Интернет. Изучается возможность применить методы OSINT для аккумуляции и изучения информации, содержащейся в открытых источниках. Делается акцент на том, что благодаря именно этим методам оперативный сотрудник может получить информацию о незарегистрированных криптобиржах. Раскрывается специфика расследования рассматриваемых преступлений в Российской Федерации. Формулируются выводы о том, что использование криптовалют в легализации преступных доходов требует от правоохранительных органов периодически всесторонне оценивать риски и совершенствовать методику раскрытия и расследования преступлений, связанных с цифровыми финансовыми активами этой категории.

Ключевые слова: раскрытие преступления, выявление преступления, оперативно-розыскная деятельность, криптовалюта, криптопреступление, легализация преступных доходов, блокчейн

Для цитирования

Васюков В. Ф., Старжинская А. Н. Об оперативно-розыскных и следственных мерах противодействия легализации преступных доходов с использованием криптовалют // Российское право: образование, практика, наука. 2024. № 4. С. 68–78. DOI: 10.34076/2410-2709-2024-142-4-68-78.

УДК 343.1

DOI: 10.34076/2410-2709-2024-142-4-68-78

Введение

В современном мире сложно представить финансирование преступной деятельности вне цифровой плоскости. Механизмы оборота криптовалюты становятся все более привлекательными для организованных преступных формирований, сообществ и синдикатов. Будучи децентрализованным финансовым институтом, криптовалюта стала и новым удобным средством легализации преступных доходов по всему миру.

Преступники в целях анонимизации используют различные методы сокрытия своих деяний, что на практике затрудняет, а то и делает технически невозможным отслеживание маршрута, по которому прошли деньги. Часто используется искусственное усложнение транзакций с целью затруднить отслеживание денег. Одно из системных отличий цифровых транзакций от фиатных заключается в том, что первые могут проводиться очень быстро, в большом количестве и на очень маленькие суммы. Это усложняет отслеживание и позволяет обойти любые ограничения на подачу отчетности по подозрительным операциям, связанным с легализацией преступных доходов.

Также следует упомянуть о том, что с переходом человеческой деятельности из физического мира в виртуальный появились виртуальные активы, понимаемые согласно определению Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) как цифровое представление стоимости, которое может быть обменено или передано в цифровой форме и использовано в качестве формы платежа или инвестиционного инструмента¹.

Появление криптовалют, основанных на технологии распределенного реестра (DLT), придало новый вектор развитию финансовой системы государств. Однако, как и многие другие инновации, криптовалюты стали успешно использоваться международными преступными синдикатами в сфере незаконного оборота наркотиков, оружия, финансирования терроризма и т. д. Т. В. Пинкевич

справедливо отмечает, что преступления, совершенные в отношении криптовалюты либо с ее использованием, характеризуются высокой степенью общественной опасности, которая определяется ущербом, причиненным личности, обществу и государству, наличием особого субъекта, в качестве которого зачастую выступают представители транснациональной организованной преступности, особенностями предмета и средств совершения таких преступлений, социальными последствиями, высоким уровнем латентности [Пинкевич 2021: 83].

Принято выделять основные факторы, повышающие риск использования криптовалют в преступных целях:

- а) анонимность создания виртуальных активов;
- б) возможность контроля одним и тем же лицом нескольких десятков (сотен) виртуальных кошельков;
- в) децентрализованный характер большинства криптовалют (отсутствие централизованного контролирующего органа);
- г) трансграничный диапазон осуществления бесконтрольных транзакций [Пушкарев, Токолов 2023: 88; Зайцев, Сулаева 2021: 28; Самойло 2023: 32].

Проблемы, возникающие в результате расхождений в регулировании, усиливаются из-за обилия криптобирж и их работы сразу в нескольких юрисдикциях. Это существенно увеличивает риски использования виртуальных активов в целях сокрытия противоправной деятельности. Кроме того, в последнее десятилетие международные организации выражали обеспокоенность по поводу возможного использования криптовалют для содействия финансированию терроризма, особенно в качестве средства для анонимного направления пожертвований или взносов в террористические организации.

Тот факт, что операции с криптовалютами происходят в киберпространстве, определяет необходимость изменить оперативную и следственную тактику, значительно усовершенствовать методы и инструменты раскрытия и расследования криптопреступлений. Это, в частности, обосновывается тем, что как таковое место совершения преступления в данном случае определяется множеством критериев и факторов (расположение сервера, адрес криптобиржи, тип кошелька и т. д.).

¹ Guide on Relevant Aspects and Appropriate Steps for the Investigation, Identification, Seizure, and Confiscation of Virtual Assets. 2021 // URL: <https://biblioteca.gafilat.org/wp-content/uploads/2024/04/Guide-on-relevant-aspects-and-appropriate-steps-for-the-investigation-identification-seizure-and-confiscation-of-virtual-assets.pdf> (дата обращения: 05.10.2024).

В отдельных случаях определить место преступления невозможно в силу технологических особенностей функционирования сети.

Таким образом, эффективность раскрытия и расследования преступлений, связанных с криптовалютами, во многом зависит от того, насколько уполномоченные субъекты смогли адаптироваться к новой технологической реальности, в которой им приходится работать.

Роль криптовалют в легализации преступных доходов

По данным аналитической группы *Chainalysis*, только в 2023 г. 109 адресов обмена депозитов получили незаконной криптовалютой на сумму более 10 млн долл. каждый, а в совокупности они получили 3,4 млрд долл. незаконной криптовалюты¹.

Виртуальные активы стали использоваться для легализации преступных доходов в связи с появлением онлайн-рынков нелегальных товаров и услуг (наркотики, оружие, компьютерные вирусы, хакерские услуги и т. д.) в «Темной сети», или Даркнете. Доступ к Даркнету возможен только с помощью технологических инструментов, обеспечивающих анонимный поиск. Выпуск в 2009 г. биткоина сделал возможным функционирование «темных рынков», основанных на циркуляции платежных средств децентрализованного характера [Сильченко, Васильев 2023: 169].

Появление первого из таких рынков («Шелковый путь») на заре 2011 г. ознаменовало начало новой эры в торговле запрещенными товарами и услугами. Несмотря на то что указанная торговая площадка была заблокирована, на смену ей сразу же пришли другие площадки. Сегодня множество «темных рынков» в Даркнете выступают источником значительной доли незаконных средств, перекачиваемых через виртуальные валюты и связанные с ними сервисы. В исследовании ФАТФ, посвященном анализу криптовалютных транзакций, был сделан вывод о том, что почти все биткоины незаконного происхождения, «отмытые» через платформы обмена криптовалют, поступили с «темных рынков»².

¹ Money Laundering Activity Spread Across More Service Deposit Addresses in 2023, Plus New Tactics from Lazarus Group. 2024 // URL: <https://www.chainalysis.com/blog/2024-crypto-money-laundering> (дата обращения: 05.10.2024).

² Virtual Assets and Virtual Assets Service Providers. Guidance for a Risk-Based Approach. 2021 // URL: <https://www.fatf-gafi.org/content/dam/fatf-gafi/guidance/Updated-Guidance-VA-VASP.pdf> (дата обращения: 05.10.2024).

Криптовалюты также используются для легитимации средств, полученных от мошенничества, финансовых пирамид, взяточничества, рейдерства, контрабанды товаров, незаконного оборота наркотиков и пр. Например, китайская финансовая пирамида *PlusToken* принесла ее организаторам более 3 млрд долл. незаконной прибыли, большая часть которой была успешно выведена через сервисы конвертации криптовалют. По мнению отдельных специалистов, такая масштабная конвертация криптовалюты в фиатную валюту стала причиной резкого падения стоимости биткоина в августе 2019 г. [Dupuis, Gleason 2020].

Процесс легализации преступных доходов с помощью криптовалюты включает те же три этапа, что и традиционный процесс: «размещение», «наслоение» и «интеграцию». Специфика алгоритмов, применяемых на каждом этапе, обусловлена технологическими особенностями задействованных виртуальных активов.

Так, необходимость этапа «размещения» зависит от того, получены ли незаконные средства в фиатной валюте или непосредственно в криптовалютах. В первом случае необходимо провести конвертацию из одной валюты в другую, а во втором – нет. На этапе «размещения» фигуранты обычно используют платформы обмена криптовалют – для конвертации фиатной валюты в биткоины или другие аналогичные виртуальные активы.

Стадия «наслоения» сводится к «смешиванию» виртуальных активов посредством использования специализированных сервисов – «миксеров», объединяющих поступающие от разных пользователей средства. Пройдя через «миксер», криминальные криптовалюты перемешиваются с легальными, и в итоге обнаружение цифровой цепочки транзакции значительно осложняется.

Основная концепция деятельности «миксеров» напоминает инвестиционные фонды, в которых несколько человек аккумулируют свои средства для получения коллективной выгоды. Разница заключается в том, что «миксеры» используются для осуществления множества криптовалютных транзакций, а выгода состоит в достижении большей анонимности за счет отсутствия «привязки»

www.fatf-gafi.org/content/dam/fatf-gafi/guidance/Updated-Guidance-VA-VASP.pdf (дата обращения: 05.10.2024).

переводов к конкретным криптовалютным адресам. Владельцы «миксеров», как правило, берут плату за свои услуги, при этом маскируют свою инфраструктуру, работая как «скрытые сервисы» системы TOR (*The Onion Router*).

У различных типов «миксеров» есть общая особенность: смешивание и разделение криптовалют перестает работать, если отдельные пользователи вносят очень крупные суммы, поскольку большая часть этих сумм возвращается к ним. Соответственно перед тем, как пропустить криптовалюту через «миксер», блокчейн дробится на несколько сотен адресов криптокошельков.

На этапе «интеграции» фигуранты переводят криптоактивы (полученные в результате «наслоения») в централизованные и легальные финансовые системы, чтобы узаконить денежные потоки. Через биржи криптовалюты могут быть конвертированы в фиатную валюту как законные средства, которые затем свободно используются для покупки недвижимости, предметов роскоши и иных ценностей. Для «интеграции» все чаще стало использоваться программное и аппаратное обеспечение для майнинга, позволяющее злоумышленникам самостоятельно создавать новые криптомонеты.

Особенности выявления и раскрытия легализации преступных доходов с использованием криптовалют

При выявлении преступлений, связанных с криптовалютами, в распоряжении правоохранительных органов может находиться различная информация, полученная при проведении оперативно-розыскных мероприятий, в результате обмена с другими национальными правоохранительными органами или в результате сотрудничества с коммерческими организациями. Особую значимость для раскрытия рассматриваемых преступлений представляют следующие сведения:

идентификационные данные (псевдонимы / никнеймы), адреса сообщников, электронные адреса социальных сетей, номера телефонов, адреса электронной почты, которые они могли использовать;

записи подозрительных транзакций, осуществляемых через криптобиржи, а также любая другая деятельность с активами;

сводные отчеты по запросу из банковских организаций, налоговых органов, а также органов регулирования ценных бумаг или страхования;

данные из открытых источников, в частности стоимость различных криптовалют, контактная информация, адреса криптобирж, кошельков, ссылки на сайты с рекламой и т. д.;

данные, имеющиеся у оперативных подразделений, специализирующихся на кибербезопасности (отчеты об инцидентах, связанных с финансовым сектором; сведения о вредоносных программах, направленных на хищение личных данных или несанкционированный сбор конфиденциальной и / или финансовой информации).

Сообщения о подозрительных операциях, предоставляемые операторами криптовалют, очень полезны для расследований, поскольку они содержат информацию о транзакциях (клиент-эмитент, бенефициар, адреса кошельков клиентов, баланс в кошельках, дата и время транзакций, тип переданных виртуальных активов, место перевода, отмененные транзакции, зарегистрированные или проверенные банковские счета, тип используемых устройств) и о клиенте (имя, идентификатор пользователя, IP-адрес, физический платежный адрес, адрес электронной почты, дата рождения, национальность, гражданство, экономический профиль и коммерческая деятельность).

Обмен криптовалютой на фиатную валюту может также осуществляться через обменные платформы P2P, которые не подпадают под регулирование ПОД / ФТ (противодействие отмыванию доходов и финансированию терроризма) в соответствии с Рекомендацией 15 ФАТФ. Несмотря на то что в настоящее время такие платформы обрабатывают низкий процент операций, через них могут осуществляться транзакции, затрудняющие отслеживание криптовалют и маскирующие их происхождение (например, *chain hopping*, *coinjoin*). Между тем организации, владеющие криптовалютами киосками или «биткоин-банкоматами», для конвертации криптовалюты в фиатную валюту в соответствии с рекомендациями ФАТФ обязаны получать информацию о своих клиентах и сообщать об операциях, которые считаются подозрительными.

Местонахождение банкоматов, предположительно используемых лицами, представляющими оперативный интерес, может стать отправной точкой для наблюдения за ними либо их возможными сообщниками (как физически, так и с помощью электронных средств) [Каширгов, Семенов 2021: 310]. Если наблюдение за банкоматом позволяет определить точную дату и время обменной операции, осуществленной фигурантом, эти данные (в том числе сведения о сумме, виде криптовалюты и виртуальных адресах участников транзакции) могут быть запрошены у компании, ответственной за эту операцию. На основе указанных данных можно восстановить происхождение и назначение задействованных криптовалют.

Так, в Испании была выявлена и ликвидирована преступная организация, оказывающая услуги по легализации преступных доходов. Фигуранты реализовали схему, включающую конвертацию фиатной валюты в виртуальные активы с использованием криптобанкоматов и «смурфинга» – разделения незаконных доходов на более мелкие суммы и их размещения в многочисленных банковских счетах, чтобы избежать активации сигнала системы выявления подозрительных транзакций. В результате межведомственной операции «Гватузо» было «заморожено» четыре «холодных» кошелька и 20 «горячих» кошельков, на которых находилось 9 млн евро¹.

Одной из ключевых особенностей схемы, которая привлекла внимание испанских оперативных служб, стала активность, проявляемая лицами определенного контингента в районе расположения двух криптобанкоматов. Оперативно-розыскные мероприятия позволили установить, что денежные средства, полученные от наркоторговли, вносились в специальные банкоматы с помощью «денежных мулов», после чего конвертировались в криптовалюту и отправлялись на криптобиржи, зарегистрированные в других государствах. «Денежные мулы» (или просто «мулы») – физические лица, которые получают наличные деньги от членов организованных сообществ, кладут их на свой

банковский счет, затем переводят их на счет другому «мулу», образуя «караван». В другой ситуации, не менее распространенной, деньги «мулами» обналичиваются в кассе банка (банкомате) и перевозятся (переправляются) по спланированному маршруту для передачи фигурантам [Клевцов 2023: 55].

Подбор «мулов» осуществляется посредством онлайн-форумов вакансий, электронных писем, социальных сетей через замаскированные объявления о поиске «менеджеров по переводу денег». Чаще всего такими «менеджерами» становятся безработные, студенты и должники по микрозаймам.

В объявлениях о найме «мулов» нет конкретных должностных обязанностей, требований к образованию и опыту работы соискателя, но есть указание на быстрый заработок с минимальными усилиями. Возможность легко заработать деньги преподносится как отсутствие рисков, используются выражения «законные деньги», «100 %-ая гарантия», «наличные в тот же день» и т. п. При согласии кандидат должен заполнить форму, в которой указывает личные данные и контактную информацию (телефон и адрес электронной почты) и к которой прилагает копии документов, удостоверяющих личность, документ, выданный банком (банковский идентификационный номер), а также документ, подтверждающий адрес (копия счета коммунальной компании). Контакты с предполагаемым работодателем всегда поддерживаются по электронной почте или по телефону из-за срочности переводов².

Главная цель фигурантов – установить контроль за банковской картой «мула» для регулярной легализации преступных доходов. После каждой транзакции «мулу» остается определенный процент от суммы (0,5–1 %), которая им передается по «каравану» (обналичивается). В отдельных случаях производится фиксированная оплата в зависимости от выполняемой работы.

Так, полиция Индии инициировала расследование крупномасштабного хищения с использованием мобильного приложения, созданного как инвестиционная платформа для майнинга криптовалюты³. Приложение

¹ Cryptocurrency Laundering as a Service: Members of a Criminal Organisation Arrested in Spain // URL: <https://www.europol.europa.eu/media-press/newsroom/news/cryptocurrency-laundering-service-members-of-criminal-organisation-arrested-in-spain> (дата обращения: 05.10.2024).

² European Money Mule Action // URL: <https://ind.millenniumbcp.pt/en/Particulares/seguranca/Pages/Money-Mule.aspx> (дата обращения: 05.10.2024).

³ Indian Police Nabbed Four for \$14 Million Crypto Scam // URL: <https://www.financemagnates.com/crypto->

обещало долю в прибыли, полученной от таких инвестиций. В один момент оно перестало работать, а его операторы перестали отвечать на запросы инвесторов. Следовательно запросили информацию у Подразделения финансовой разведки Индии, которым были выявлены две организации, управляющие приложением в *Google Play Store*, и 34 организации, с ними связанные. Таким образом, в ходе расследования была обнаружена сеть подставных организаций, занимающихся обманом граждан. Незаконные денежные средства, собранные с жертв, легализовались с помощью банковских счетов «мулов», а часть преступных доходов в итоге конвертировалась в виртуальные активы. Преступные доходы в виде остатков на банковских счетах различных подставных лиц на сумму 865 млн индийских рупий (9,9 млн евро) были обнаружены и заморожены.

Важным источником информации, который помогает отслеживать происхождение и назначение криптовалют, предположительно связанных с незаконной деятельностью, выступает блокчейн. Это источник одновременно актуальный и относительно надежный, поскольку децентрализованная структура криптовалют не позволяет изменять записи в нем [Клевцов, Квык 2020: 60].

Из данных, записанных в блокчейне, оперативные подразделения могут узнать полную историю транзакций адреса цифрового финансового актива, включая адреса всех пользователей, с которыми пользователь проводил транзакции, а также дату, время и точную сумму перевода (что может быть полезно в качестве критерия поиска при анализе многих транзакций одновременно), полную цепочку транзакций, совершенных каждым криптоаккаунтом с момента его создания. Анализ всех этих сведений и их перекрестная проверка с информацией, полученной из других источников (особенно если она осуществляется с помощью аппаратно-программных комплексов), может иметь решающее значение для выявления преступной деятельности с использованием криптовалют, для установления личности преступников и получения обличающих доказательств.

Чтобы идентифицировать лиц, подозреваемых в незаконной деятельности с исполь-

зованием криптовалют, важно классифицировать все адреса платформ обмена криптовалюты, «миксеров», онлайн-букмекеров и незаконных рынков в Даркнете.

Для идентификации виртуальных активов и связанных с ними операций могут быть использованы следующие инструменты или методы:

1. **Анализ блокчейна**, который проводится с использованием соответствующих технологических инструментов. Одним из инструментов, который можно найти в свободно распространяемых в Интернете версиях программного обеспечения с открытым исходным кодом, являются сетевые приложения (например, *blockchain explorers*), которые работают как поисковые системы в экосистеме криптовалют, позволяя находить адреса, транзакции и другие связанные с ними данные. Существуют и более сложные компьютерные ресурсы, которые специально разработаны для нужд правоохранительных органов и находятся в распоряжении коммерческих организаций, специализирующихся на анализе блокчейна [Морозова 2022: 245].

Чтобы идентифицировать лиц, подозреваемых в незаконной деятельности с использованием криптовалют, важно классифицировать все адреса платформ обмена криптовалюты, «миксеров», онлайн-букмекеров и незаконных рынков в Даркнете

---

2. Методы «разведки из открытых источников» (*Open Source Intelligence, OSINT*), которые могут дополнить информацию, полученную в результате анализа блокчейна, и предполагают систематический сбор, обработку и анализ сведений, доступных широкой общественности без ограничений. Например, никнейм пользователя можно найти благодаря поисковым системам сети Интернет, поскольку довольно часто лица, занимающиеся незаконной онлайн-торговлей, размещают свой адрес (связывая его со своим онлайн-профилем и псевдонимом) на форумах (*Reddit, 4Chan* и *8Chan*) или в разделах комментариев на специализированных криптовалютных сайтах. Кроме того, можно обратиться к сайтам, специально предназначенным для идентификации пользователей виртуальных акти-

---

currency/news/indian-police-nabbed-four-for-14-million-crypto-scam/ (дата обращения: 05.10.2024).

вов и связанных с ними адресов (например, *walletexplorer.com*) [Колычева 2022: 173].

Тот же прием можно использовать для получения информации в Даркнете, где существует множество форумов (*Dread, Darknet Avengers, The Hub, Exploit.in*), на которых, пользуясь обеспечиваемой TOR-браузером анонимностью, люди свободно делятся информацией о скрытых сервисах, включая их адреса, предлагаемые ими товары и услуги, комментарии о качестве сервиса, никнеймах наиболее (или наименее) успешных трейдеров и т. д. [Wang, Hsieh 2024: 40]. Методы OSINT могут быть эффективны и для получения информации о незарегистрированных криптобиржах, которые предоставляют услуги лицам, занимающимся незаконной деятельностью с криптовалютами, включая «миксеры» или платформы обмена криптовалюты P2P, поскольку они работают на основе той же системы репутации, что и незаконные онлайн-рынки. Наконец, информация из открытых источников может быть полезна, чтобы лучше понять, каков образ жизни подозреваемого, где он проживает и осуществляет свою коммерческую и (или) социальную деятельность.

Чтобы повысить эффективность раскрытия преступлений, связанных с криптоактивами, рекомендуется сочетать изложенные методы и традиционные оперативно-розыскные мероприятия (опрос, наведение справок, наблюдение, отождествление личности и т. д.).

Специфика расследования преступлений, совершаемых с использованием криптовалют

Появление виртуальной реальности, в которой «локализуются» отдельные элементы объективной стороны преступления, требует кардинально изменить подход к сбору и фиксации доказательств.

Так, по ряду уголовных дел, которые расследованы следователями Следственного комитета Российской Федерации и по которым вынесены обвинительные приговоры, установлено множество фактов, когда преступники получили криптовалюту в качестве вознаграждения за сбыт наркотических средств. В последующем фигуранты совершали финансовые операции путем обмена (продажи) криптовалюты (биткоинов, латкоинов) на национальную валюту с использованием интер-

нет-сервисов *Bit-Pay*, «Моментальный обмен 24-7», «Круглосуточный Моментальный Обмен», *4ange.me, next24.net, Trust, Exodus, Bit-Bits.net, e-obmen.cc, Coin-bank.co, bestchange.ru, P2P, Bitpapa*, а также криптобирж *Binance* и *Bitzlato*.

Например, в ходе расследования установлено, что с 20 марта по 24 июня 2023 г. Н., совершая преступления в сфере незаконного оборота наркотиков и выполняя функции «закладчика», получал вознаграждения в криптовалюте «биткоин», которые перечислялись на открытый им неперсонифицированный электронный кошелек. В дальнейшем Н. конвертировал полученную криптовалюту в рубли на общую сумму более 128 тыс. руб. По результатам рассмотрения уголовного дела в суде в отношении Н. вынесен обвинительный приговор.

Несложный алгоритм конвертации криптовалюты и доступность программного обеспечения для использования криптокошельков позволяют применять такие инструменты в преступных целях и несовершеннолетним. Были выявлены факты легализации ими криптовалюты, полученной в результате совершения преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков.

Следует отметить, что отсутствие у криптовалют процессуального статуса порождает проблемы в правоприменении, однако в силу необходимости наложить арест на виртуальные активы при расследовании преступлений должны использоваться наиболее эффективные механизмы, обеспечивающие сохранность арестованных активов.

Так, в 2023 г. в СК РФ расследовано и направлено в суд уголовное дело в отношении лица, совершившего преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 273, п. «б» ч. 4 ст. 174.1 УК РФ. Установлено, что с 1 сентября по 26 декабря 2020 г. фигурант, используя компьютерные программы, предназначенные для вмешательства в функционирование средств хранения компьютерной информации, а также «фишинговый» сайт *www.blochchian.ru*, оформленный не осведомленным о его преступных намерениях М., похитил криптовалюту в количестве 8,9999346 биткоинов, принадлежащую Б., который ошибочно перешел по ссылке «фишингового» сайта. В последующем злоумышленник легализовал похищенные им биткоины, конверти-

ровав их в фиатную валюту на сумму более 16 млн руб. и приобрел на вырученные деньги объекты недвижимости в Московской области. В ходе расследования на имущество обвиняемого – криптовалюту «биткойн» в количестве 22,83913281 единиц, эквивалентном 641 328 долл. США, – наложен арест.

Если ключи доступа к криптокошельку находятся в руках их владельцев, «заморозка» средств нецелесообразна, так как распоряжаться активами могут и лица, имеющие копию ключа. Иначе говоря, подельники фигуранта, имея ключ доступа, могут оперативно перевести криптовалюту на кошелек, который ранее использован не был. В этом случае единственный способ сохранить все имеющиеся активы – перевести криптовалюту на контролируемый правоохранительными органами кошелек. Соответственно, в этих целях заблаговременно создается кошелек при проведении следственного действия, о чем составляется протокол.

Факты легализации преступных доходов с использованием криптовалюты подтверждались проведенными в ходе предварительного расследования допросами обвиняемых, специалистов, осмотрами предметов (смартфонов, в которых установлены специальные программы кошельков для выполнения операций с криптовалютой в сети Интернет), документов (выписок по банковским счетам и др.), осмотром переписки обвиняемых в мессенджере «Телеграм» и личной почты фигурантов, полученными от операторов криптовалютных платформ сведениями.

Приведем в пример расследованное уголовное дело по факту организации сбыта

наркотических средств жителями Мурманской области. В ходе осмотра персонального компьютера участницы преступной группы техническое средство было переведено в режим, защищающий доступ к сети сотового оператора мобильной связи и к иным беспроводным интерфейсам, служащим для приема и передачи информации в локальную и глобальную сеть. После этого удалось установить не только непосредственно переписку участницы с организатором преступной деятельности в приложении «Телеграм», но и криптокошелек, с использованием которого осуществлялись финансовые операции с денежными средствами с помощью пиринговой платежной системы *Bitcoin*.

Заключение

Повторим, что стремительная эволюция цифрового пространства постоянно приводит к появлению новых инструментов проведения финансовых операций. Использование криптовалют в преступной деятельности в силу присущей им псевдоанонимности представляет собой серьезную проблему для правоохранительных органов, что требует периодически всесторонне оценивать риски использования виртуальных активов, а также совершенствовать методику раскрытия и расследования преступлений рассматриваемой группы. Нужно выработать новые методы выявления и мониторинга транзакций, изобличения анонимизированных аккаунтов, используемых фигурантами. Этому, в частности, можно способствовать, если расширить практику взаимодействия подразделений финансовой разведки и правоохранительных органов.

Список литературы

Dupuis D., Gleason K. Money Laundering with Cryptocurrency: Open Doors and the Regulatory Dialectic // *Journal of Financial Crime*. 2020. Vol. 28. № 1. P. 60–74.

Wang H. M., Hsieh M. L. Cryptocurrency Is New Vogue: A Reflection on Money Laundering Prevention // *Security Journal*. 2024. № 37. P. 25–46.

Зайцев А. А., Сулаева Д. С. Криптовалюта как элемент криминалистической характеристики преступлений // *Проблемы правовой и технической защиты информации*. 2021. № 9. С. 28–32.

Каширгов А. Х., Семенов Е. А. Некоторые вопросы противодействия преступлениям, совершенным с использованием IT-технологий // *Евразийский юридический журнал*. 2021. № 9. С. 309–310.

Клевцов К. К. Особенности взаимодействия правоохранительных органов с зарубежными поставщиками услуг виртуальных валют (на примере localbitcoins) // *Вестник Московского университета МВД России*. 2023. № 1. С. 139–145.

Клевцов К. К., Кзык А. В. Изъятие и осмотр информации, находящейся в электронной памяти абонентских устройств // Законность. 2020. № 12. С. 56–60.

Кольчева А. Н. Перспективы внедрения искусственного интеллекта в раскрытие и расследование преступлений // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2022. № 3. С. 172–179.

Морозова Н. В. Некоторые особенности расследования компьютерных преступлений // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сб. материалов Междунар. науч-практ. конф., посвященной 100-летию принятия УПК РСФСР 1922 г., 20-летию действия УПК РФ: в 2 ч. Орел: ОрЮИ МВД России им. В. В. Лукьянова, 2022. Ч. 1. С. 240–245.

Пинкевич Т. В. Предупреждение преступлений, совершаемых в сфере оборота цифровой валюты (криптовалюты) // Правовое государство: теория и практика. 2021. № 4. С. 82–96.

Пушкарев В. В., Токолов А. В. Основы организации противодействия преступлениям, совершаемым с использованием криптовалют // Вестник экономической безопасности. 2023. № 4. С. 88–92.

Самойло В. А. Характерные особенности преступлений, связанных с использованием криптовалют // Преступность в СНГ: проблемы предупреждения и раскрытия преступлений: сб. материалов конф.: в 3 ч. Воронеж, 2023. Ч. 1. С. 337–338.

Сильченко Е. В., Васильев А. М. Криптовалюта как средство обезличивания при совершенном или совершающемся преступлении // International Law Journal. 2023. Т. 6. № 3. С. 168–172.

Виталий Федорович Васюков – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Московского государственного университета международных отношений МИД России (МГИМО). 119454, Российская Федерация, Москва, проспект Вернадского, д. 76. E-mail: vvf0109@yandex.ru.

ORCID: 0000-0003-0743-5616

Анна Николаевна Старжинская – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России). 117638, Российская Федерация, Москва, ул. Азовская, д. 2. E-mail: starzhinskaya1983@mail.ru.

ORCID: 0009-0008-0435-1023

On the Operational and Investigative Measures to Counter Money Legalization Using Cryptocurrencies

The paper raises the questions about the role of cryptocurrencies in money laundering, and provides data on a sharp increase in illegal turnover. The authors present a list of information that can be obtained by authorized employees during operational activities, as well as when interacting with foreign law enforcement agencies. Emphasis is laid on information that may be particularly important for solving crimes related to the legalization of criminal proceeds. Attention is also paid to conducting various measures to establish control over ATMs, through which persons involved in criminal activity cash out illegal proceeds. Examples of solving the crimes in question in several jurisdictions are also given.

The authors analyze the means and methods that contribute to the disclosure of a crime related to the legalization of criminal proceeds. The importance of analyzing the blockchain using various hardware and software systems, as well as Internet resources is determined. The possibility of using the OSINT methods for accumulating and studying information in open sources is considered. It is emphasized that thanks to these methods, an operative officer can obtain information about unregistered crypto exchanges. The authors reveal the specifics of investigating the crimes in question in the Russian Federation. Conclusions are made that the use of cryptocurrencies in the legalization of criminal proceeds requires law enforcement agencies to periodically conduct

a comprehensive risk assessment, as well as to improve the methodology for solving and investigating crimes related to cryptocurrencies.

Keywords: crime detection, operational investigative activities, cryptocurrency, cryptocrime, legalization of criminal proceeds, blockchain

Recommended citation

Vasyukov V. F., Starzhinskaya A. N. Ob operativno-rozysknykh i sledstvennykh merakh protivodeistviya legalizatsii prestupnykh dokhodov s ispol'zovaniem kriptovalyut [On the Operational and Investigative Measures to Counter Money Legalization Using Cryptocurrencies], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2024, no. 4, pp. 68–78, DOI: 10.34076/2410-2709-2024-142-4-68-78.

References

Dupuis D., Gleason K. Money Laundering with Cryptocurrency: Open Doors and the Regulatory Dialectic, *Journal of Financial Crime*, 2020, vol. 28, no. 1, pp. 60–74.

Kashirgov A. Kh., Semenov E. A. Nekotorye voprosy protivodeistviya prestupleniyam, sovershennym s ispol'zovaniem IT-tehnologii [Some Issues of Countering Crimes Committed Using IT Technologies], *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal*, 2021, no. 9, pp. 309–310.

Klevtsov K. K., Kvyk A. V. Iz'yatie i osmotr informatsii, nakhodyashcheysya v elektronnoi pamyati abonentskikh ustroystv [Seizure and Inspection of Information Stored in the Electronic Memory of Subscriber Devices], *Zakonnost'*, 2020, no. 12, pp. 56–60.

Klevtsov K. K. Osobennosti vzaimodeistviya pravookhranitel'nykh organov s zarubezhnymi postavshchikami uslug virtual'nykh valyut (na primere localbitcoins) [Features of Interaction of Law Enforcement Agencies with Foreign Providers of Virtual Currency Services (Using Localbitcoins as an Example)], *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2023, no. 1, pp. 139–145.

Kolycheva A. N. Perspektivy vnedreniya iskusstvennogo intellekta v raskrytie i rassledovanie prestuplenii [Prospects for the Introduction of Artificial Intelligence in the Detection and Investigation of Crimes], *Nauchnyi vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk'yanova*, 2022, no. 3, pp. 172–179.

Morozova N. V. Nekotorye osobennosti rassledovaniya komp'yuternykh prestuplenii [Some Features of the Investigation of Computer Crimes], *Sovremennoe ugolovno-protsessual'noe pravo – uroki istorii i problemy dal'neishego reformirovaniya* [Modern Criminal Procedure Law – Lessons of History and Problems of Further Reform]: conference papers, in 2 parts, Orel, ORYuI MVD Rossii im. V. V. Luk'yanova, 2022, pt. 1, pp. 240–245.

Pinkevich T. V. Preduprezhdenie prestuplenii, sovershaemykh v sfere oborota tsifrovoi valyuty (kriptovalyuty) [Prevention of Crimes Committed in the Sphere of Turnover of Digital Currency (Cryptocurrencies)], *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2021, no. 4, pp. 82–96.

Pushkarev V. V., Tokolov A. V. Osnovy organizatsii protivodeistviya prestupleniyam, sovershaemym s ispol'zovaniem kriptovalyut [Fundamentals of the Organization of Countering Crimes Committed Using Cryptocurrencies], *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti*, 2023, no. 4, pp. 88–92.

Samoilo V. A. Kharakternye osobennosti prestuplenii, svyazannykh s ispol'zovaniem kriptovalyut [Characteristic Features of Crimes Related to the Use of Cryptocurrencies], *Prestupnost' v SNG: problemy preduprezhdeniya i raskrytiya prestuplenii* [Crime in the CIS: Problems of Crime Prevention and Disclosure]: conference papers, in 3 parts, Voronezh, 2023, pt. 1, pp. 337–338.

Sil'chenko E. V., Vasil'ev A. M. Kriptovalyuta kak sredstvo obezlichivaniya pri sovershennom ili sovershayushchemsya prestuplenii [Cryptocurrency as a Means of Depersonalization in a Committed or Ongoing Crime], *International Law Journal*, 2023, vol. 6, no. 3, pp. 168–172.

Wang H. M., Hsieh M. L. Cryptocurrency Is New Vogue: A Reflection on Money Laundering Prevention, *Security Journal*, 2024, no. 37, pp. 25–46.

Zaitsev A. A., Sulaeva D. S. Kriptovalyuta kak element kriminalisticheskoi kharakteristiki prestuplenii [Cryptocurrency as an Element of Criminalistic Characteristics of Crimes], *Problemy pravovoi i tekhnicheskoi zashchity informatsii*, 2021, no. 9, pp. 28–32.

Vitaly Vasyukov – doctor of juridical sciences, professor of the Department of criminal law, criminal procedure and criminalistics, Moscow State University of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (MGIMO). 119454, Russian Federation, Moscow, Vernadsky ave., 76. E-mail: vvf0109@yandex.ru.

ORCID: 0000-0003-0743-5616

Anna Starzhinskaya – candidate of juridical sciences, associate professor of the Department of criminal procedure and criminology, All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia). 117638, Russian Federation, Moscow, Azovskaya str., 2. E-mail: starzhinskaya1983@mail.ru.

ORCID: 0009-0008-0435-1023

Дата поступления в редакцию / Received: 01.10.2024

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 21.10.2024

Д. С. Стенькин, М. В. Сенгаева
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
(Саранск)

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВНЕДРЕНИЯ КАДРОВОГО ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТООБОРОТА В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ

Авторы приводят научные определения понятия «электронный документооборот» (ЭДО), позволяющие выявить его основные черты, а также исследуют развитие правовой регламентации ЭДО в России и его влияние на локальные организационные процессы управления. Наличие правового вакуума, неопределенности и недостаточно высокий уровень цифровой грамотности государственных служащих подчеркивают важность внедрения ЭДО в государственных органах, обуславливают новизну и актуальность научных исследований в данной области.

Описываются результаты федерального эксперимента по внедрению ЭДО в кадровую деятельность организаций-работодателей без учета участия государственных служащих, а также уделяется внимание второму федеральному эксперименту, касающемуся кадрового ЭДО в деятельности органов исполнительной власти. Приводится информация о законопроектах в указанной сфере. Перечисляются положительные результаты, к которым ведет внедрение ЭДО в работу органов исполнительной власти.

Ключевые слова: законопроект, органы исполнительной власти, цифровизация, эксперимент, электронный документооборот

Для цитирования

Стенькин Д. С., Сенгаева М. В. Отдельные аспекты внедрения кадрового электронного документооборота в деятельность органов исполнительной власти // Российское право: образование, практика, наука. 2024. № 4. С. 79–86. DOI: 10.34076/2410-2709-2024-142-4-79-86.

УДК 342.6

DOI: 10.34076/2410-2709-2024-142-4-79-86

Развитие процессов цифровизации и расширение новых информационно-коммуникационных технологий вносит существенные коррективы в правовые институты общества и в то же время создает новые правовые явления и категории в области их использования. Открывшиеся возможности меняют механизмы участия граждан в общественных отношениях, в том числе в сфере государственного управления.

Влияние цифровизации на деятельность органов исполнительной власти заключается в автоматизации и упрощении взаимоотношений между субъектами управления путем использования электронных средств взаимодействия. Актуальность рассмотрения кадрового электронного документооборота (далее – кадровый ЭДО, ЭДО) обусловлена его

прямой взаимосвязью с конституционными, трудовыми и смежными правами: правом на труд, правом на информацию и другими. Особое внимание уделить необходимо ст. 24 Конституции Российской Федерации, ст. 22.1, 68, 84.1, 86, 312.3 ТК РФ. В этих нормах устанавливается, в частности, обязанность работодателя ознакомить работника с документами под роспись при заключении и расторжении трудового договора, раскрываются особенности использования кадрового ЭДО.

Рассмотрим мнения авторов, дающих определение понятию «электронный документооборот». Л. И. Ефремова и А. О. Колкина электронный документооборот характеризуют как механизм ведения документов в электронном виде в целях исполнения кон-

цепции «безбумажного делопроизводства» [Ефремова, Колекина 2019: 25]. А. А. Жарков понимает ЭДО как систему по ведению документов с помощью информационных и коммуникационных технологий [Жарков 2014: 66]. С точки зрения А. П. Столбова, электронный документооборот – это «совокупность нормативно-методических документов, стандартов и технологий подготовки, хранения, поиска и обработки ЭД (электронных документов. – Д. С., М. С.), а также их передачи на физических носителях и по каналам связи, обеспечивающая конфиденциальность содержащихся в них сведений и их юридическую значимость» [Столбов 2007: 34].

На наш взгляд, в данных определениях выделяются схожие признаки, которые являются основой для понимания сущности ЭДО. Это электронная форма документа и использование цифровых технологий. В связи с этим нет необходимости представлять иное определение, мы будем руководствоваться приведенными выше.

Рассмотрим нововведения, которые касаются кадрового документооборота в деятельности органов исполнительной власти и наиболее значимы для применения в связи с изменениями в правовой, социальной, кадровой и экономической политике государства. Отмечается преимущественное развитие кадрового ЭДО в следующих направлениях:

переход на электронные трудовые книжки (ст. 66.1 ТК РФ говорит о формировании «трудовой» информации о работнике в электронном варианте);

использование электронной подписи (например, графики отпусков сотрудников органов государственной власти руководители подписывают электронной подписью);

разработка бланковых электронных форм документов кадрового учета (бланковые формы документов были предусмотрены в органах исполнительной власти всегда с учетом особенностей делопроизводства того или иного органа. В настоящее время формы дорабатываются с учетом новых требований. Например, бланк-форма сопроводительного письма от Министерства образования Российской Федерации, которая включает в себя основные реквизиты органа власти, теперь позволяет в онлайн-формате вносить в шаблон документа необходимую информацию);

внедрение практики ведения (заключения, изменения и расторжения) трудовых договоров путем использования электронной формы (в данном случае совмещается применение бланковых форм электронного документа и электронной подписи для подписания таких документов, однако пока преимущественно используются их бумажные варианты) [Боровских, Кипервар 2020].

Представленный перечень направлений не исчерпывающий, однако, на наш взгляд, он отражает ключевые аспекты внедрения кадрового электронного документооборота в деятельность органов исполнительной власти.

Обратимся к правовому регулированию рассматриваемой сферы.

Правительством РФ были приняты постановление от 15 июня 2009 г. № 477 «Об утверждении Правил делопроизводства в федеральных органах исполнительной власти», закрепляющее понятие «электронный документооборот», и постановление от 22 сентября 2009 г. № 754 «Об утверждении Положения о системе межведомственного электронного документооборота», указывающее на необходимость перехода к электронному взаимодействию между органами исполнительной власти в различных направлениях деятельности. Однако активного перехода к использованию цифровых форм работы после принятия упомянутых и сопутствующих актов не последовало, хотя они стали одним из шагов на пути к внедрению ЭДО в органах исполнительной власти.

Понятие электронной подписи и условия ее применения закреплены в Федеральном законе от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи». Документ, подписанный электронной подписью соответствующего вида, становится равнозначен бумажному документу с собственноручной подписью. Электронная подпись – одна из главных составляющих цифровизации и ЭДО, без ее применения невозможен полный переход в электронную среду. Ее активное использование подтверждают данные, приведенные в 2021 г. Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации: отмечается использование порядка 15 млн квалифицированных сертификатов, преимущественно в юридических лицах, при этом органы исполнительной власти не являются исключением. Большинство руководи-

телей органов исполнительной власти обладают электронной подписью и, следовательно, подписывают официальные заявления и письма преимущественно с ее помощью [Кийков 2020].

В последующем необходимость использования электронной подписи возникла у большего количества рядовых государственных служащих. Например, юристы в составе органов исполнительной власти теперь могут подавать документы в судебные органы путем использования онлайн-сервисов с подписанием заявлений электронной подписью.

Основные идеи в области регулирования способов и условий применения цифровых технологий в правоотношениях отражены в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы (утв. Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203), в программе «Цифровая экономика Российской Федерации» и проекте «Нормативное регулирование цифровой среды», что повлекло за собой оптимизирование и цифровизацию работы в органах власти [Букреева, Ивановский 2019]. Правовое регулирование кадрового ЭДО отражает его непосредственную взаимосвязь с конституционным, административным и трудовым правом: все программы, проекты и постановления отражают выполнение государством его основных функций (обеспечение условий жизни человека и гражданина и т. п.), следование вектору развития международного права (выделение отрасли права – цифрового права). Для развития и воплощения в жизнь идей цифровизации принято немало федеральных законов.

В 2021 г. определение ЭДО закрепили в ТК РФ, а также ввели в него иные статьи, регулирующие отдельные аспекты ЭДО (ст. 22.1–22.3). Вместе с тем законодатель не учел специфику кадровых отношений в органах исполнительной власти, чем создал пробел в законодательстве. Это повлекло некое «ущемление» цифровых прав гражданских служащих по сравнению с правами иных субъектов трудовых отношений.

У органов исполнительной власти есть свои структура, компетенция, территориальный масштаб деятельности [Виноградова, Данилевская, Патюлин 2021]. В государственных органах, а также на уровне местного самоуправления трудится большой штат работ-

ников, однако их деятельность отличается от работы в частных организациях: в государственных органах преобладает контрактный тип организации трудовых отношений и применяется иной вид регулирования труда (вместе с тем труд работников указанных органов регулируется и общими положениями трудового права).

Весной 2020 г. стартовал эксперимент по внедрению в деятельность отдельных работодателей и работников кадрового ЭДО с целью выявления положительных и отрицательных его черт, а также для исполнения государственных программ. Эксперимент продлился до осени 2021 г. с учетом его правового регулирования, отраженного в Федеральном законе от 24 апреля 2020 г. № 122-ФЗ «О проведении эксперимента по использованию электронных документов, связанных с работой», приказе Министерства труда и социальной защиты РФ от 14 мая 2020 г. № 240н «Об утверждении Положения о порядке проведения эксперимента по использованию электронных документов, связанных с работой» и т. д. В ходе эксперимента кадровые работники предприятий оформляли документы (например, приказы об отпуске, командировке) в электронном виде, путем использования систем электронного документооборота подписывали их электронными подписями и обменивались ими внутри организации [Головина, Зайцева 2022].

В результате проведения эксперимента было выявлено, что ЭДО в рамках кадровой работы ускоряет и упрощает многие процессы, способствует защите документов и их сохранности, экономит денежные затраты работодателя. Завершение эксперимента ознаменовалось принятием Федерального закона от 22 ноября 2021 г. № 377-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации», внесшего изменения в трудовое законодательство в сфере применения ЭДО.

Стоит отметить, что при проведении эксперимента использовалась разработанная Рострудом единая цифровая платформа «Работа в России». Она позволяет работодателям попробовать осуществить переход к ЭДО посредством регистрации и аутентификации с помощью Единой системы идентификации и авторизации (ЕСИА) и использования системы межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ) по защищенным каналам связи.

Постановлением Правительства РФ от 13 мая 2022 г. № 867 определены правовой статус платформы «Работа в России», а также ее функционал и порядок работы с ней. Обеспечивает работу рассматриваемой платформы Федеральная служба по труду и занятости населения. Согласно Положению о данной платформе ее участниками могут быть федеральные органы власти (в том числе исполнительные), образовательные организации

Суть второго эксперимента заключается в «перевode» кадровых документов в электронный формат, а также в обмене этими документами, их хранении и осуществлении иных процессов с ними без дублирования на бумажном носителе

и т. д. «Работа в России» обеспечивает предоставление услуг в области содействия занятости населения в электронном формате, позволяет сторонам трудовых отношений создавать, использовать и хранить электронные документы.

После получения положительных результатов первого эксперимента по переходу к ЭДО было принято решение провести второй эксперимент – по использованию электронных документов в кадровой работе отдельных федеральных органов исполнительной власти. Инициатором эксперимента стало Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. Проведение эксперимента регламентируется Указом Президента РФ от 31 августа 2020 г. № 536 «Об утверждении Положения о порядке организации экспериментов, направленных на развитие федеральной государственной гражданской службы» и постановлением Правительства РФ от 18 марта 2023 г. № 413 «О проведении эксперимента по использованию электронных документов в кадровой работе отдельных федеральных органов исполнительной власти».

В число первоначальных участников эксперимента вошли Минцифры РФ, Федеральное казначейство, Федеральная налоговая служба Российской Федерации. Выбор участников видится целесообразным, поскольку, во-первых, в указанных ведомствах насчитывается большое количество государственных

гражданских служащих, а также подведомственных подразделений и территориальных органов; во-вторых, именно в компетенцию перечисленных органов входят вопросы, связанные с налогами, финансами, внедрением и развитием новых государственных информационных систем и цифровых сервисов; в-третьих, уровень цифровой грамотности сотрудников этих органов достаточно высок.

При проведении эксперимента используется Единая информационная система управления кадровым составом государственной гражданской службы Российской Федерации. Ее правовой статус закрепляется постановлением Правительства РФ от 3 марта 2017 г. № 256 и множеством сопутствующих правовых актов, так или иначе обеспечивающих работу внутри данной системы или с ее использованием. Система создана на основе Федерального портала управленческих кадров, который использовался до нее.

Суть эксперимента заключается в «перевode» кадровых документов в электронный формат, в обмене этими документами, их хранении и осуществлении иных процессов с ними без дублирования на бумажном носителе. Эксперимент позволит опробовать обмен данными и информацией между нанимателем и гражданином, а также хранение таких документов с использованием федеральной информационной системы. Ответственность по окончании эксперимента должна быть представлена курирующим министерством – Минцифры РФ.

В связи с проведением эксперимента Минцифры РФ подготовило законопроект от 22 июня 2023 г. № 01/05/06-23/00139395, которым предлагается внести в отдельные законодательные акты Российской Федерации изменения по вопросам, связанным с внедрением электронного кадрового документооборота на государственной гражданской службе. Актуальность его рассмотрения и принятия заключается в необходимости закрепить схожие с трудовыми нормами положения о кадровом документообороте в законе, регулирующем прохождение гражданской службы. Законопроект предлагает, с одной стороны, расширить регламентацию ЭДО, увеличить степень интеграции с государственными информационными системами, с другой – внести изменения и дополнения в соответствующие положения Трудового кодекса РФ. Можно сказать, что речь идет

о постепенном внедрении единой информационной системы ЭДО, в том числе в сфере государственной службы.

Отдельно стоит отметить, что кадровый ЭДО в настоящий момент не применяется по вопросам, которые не затронуты проводимым экспериментом: например, в случае выдачи трудовой книжки на физическом носителе, в случаях получения травм и микро-травм на производстве, при составлении акта о несчастном случае, документов, связанных с освобождением гражданского служащего от замещаемой должности, документов, подтверждающих прохождение инструктажей по охране труда, пожарной безопасности и электробезопасности и т. д.

Затронутые примеры позволяют увидеть прямую взаимосвязь внедрения ЭДО со сферой охраны труда. В Государственную Думу Российской Федерации был внесен проект федерального закона № 270457-8, предлагающий исключить из ТК РФ положения, ограничивающие применение ЭДО в отношении инструктажей по охране труда, которые должны лично подписываться работниками. Принято решение снять законопроект с рассмотрения из-за того, что он не соответствует изменениям в действующем законодательстве. Однако, на наш взгляд, в будущем, вероятно, будет проводиться доработка акта в связи с его актуальностью и ростом цифровой экономики Российской Федерации.

Вернемся к описанному ранее эксперименту. Постановлением Правительства РФ от 24 мая 2024 г. № 667 срок его проведения продлен до июня 2025 г., добавлены новые участники, в том числе Министерство финансов Российской Федерации, Министерство экономического развития Российской Федерации, дополнены условия выдачи сертификатов ключей проверки электронных подписей, планируется внедрить дополнительные трудовые электронные процессы в деятельность органов исполнительной власти.

В рамках эксперимента особую важность представляют информирование граждан о возможности подачи документов при поступлении на государственную гражданскую службу путем кадрового ЭДО (через личные кабинеты), разъяснение преимуществ использования электронной системы, а также обратная связь между гражданами-участниками

и участниками-органами власти для выявления возможных организационных и технических ошибок.

Внедрение ЭДО ведет к необходимости повышать цифровую грамотность сотрудников кадровых служб органов власти. Решением этой задачи может стать разработка соответствующих дополнительных образовательных программ повышения квалификации.

У перехода к ЭДО в органах исполнительной власти есть ряд положительных моментов:

сокращение времени на обработку информации и времени, которое занимают иные сопутствующие процессы передвижения документов;

повышение цифровой грамотности сотрудников и модернизация взаимодействия между ними, в частности посредством удаленной коммуникации;

снижение неэффективных расходов (например, на использование канцелярских принадлежностей и почтовые отправления);

защита и шифрование информации с помощью СМЭВ;

использование облачных решений и др. [Перова 2022].

В связи с изложенным, на наш взгляд, необходимо усовершенствовать законодательство, регулирующее деятельность государственных служащих, в частности путем внесения изменений в Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации», но с учетом результатов, которые будут получены после проведения второго эксперимента. Стоит отметить, что само проведение экспериментов в рамках внедрения ЭДО позитивно влияет на возможность пользоваться цифровыми технологиями: потенциальным работникам нет необходимости тратить финансы и силы (например, перемещаться между муниципальными районами для передачи кадровых документов и т. д.); граждане, рассматривающие возможность трудоустройства в органах исполнительной власти, со временем, вероятно, смогут с минимальными финансовыми затратами дистанционно подать документы для трудоустройства, а впоследствии – принять участие в кадровом конкурсе. Это станет дополнительной гарантией конституционного права на равный доступ к государственной службе.

Список литературы

Боровских Н. В., Кипервар Е. А. Электронный кадровый документооборот предприятия: проблемы внедрения и перспективы развития // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2020. № 3. С. 55–60.

Букреева О. Н., Ивановский Н. И. Функциональные возможности СЭД федеральных органов исполнительной власти (по результатам обследования организации документооборота в федеральных органах исполнительной власти в 2018 г.) // Управление документами в цифровой экономике: проблемы взаимодействия: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 6 ноября 2019 г.) / под общ. ред. А. Б. Безбородова. М.: РГГУ, 2019. С. 111–122.

Виноградова Е. В., Данилевская И. Л., Патюлин Г. С. Исполнительная власть в конституционно-правовом дизайне современной России. Правительство: статус, полномочия, функции // Труды Института государства и права РАН. 2021. № 5. С. 25–53. DOI: 10.35427/2073-4522-2021-16-5-vinogradova-danilevskaya-patiulin.

Головина С. Ю., Зайцева Л. В. Электронный кадровый документооборот: от правового эксперимента к практике // Правоприменение. 2022. № 2. С. 241–256. DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(2).241-256.

Ефремова Л. И., Колекина А. О. Выбор системы электронного документооборота для предприятия // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2019. № 1. С. 23–31.

Жарков А. А. Система электронного документооборота // Наука, техника и образование. 2014. № 3. С. 65–71.

Кийков Д. О. Совершенствование организации электронного документооборота в органах государственной власти и местного самоуправления // Государство, общество, бизнес в условиях цифровизации: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (13 февраля 2020 года) / отв. ред. О. Ю. Абакумов. Саратов: Поволжский ин-т управления им. П. А. Столыпина – фил. РАНХиГС, 2020. С. 147–150.

Перова М. В. Использование систем ЭДО при взаимодействии органов власти и бизнеса // Современные тенденции развития науки и мирового сообщества в эпоху цифровизации: сб. материалов V Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. З. Ш. Бабаева. Махачкала: ИРОК; Алеф, 2022. С. 102–108.

Столбов А. П. Организация электронного документооборота в здравоохранении // Врач и информационные технологии. 2007. № 5. С. 33–39.

Даниил Сергеевич Стенькин – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного и административного права Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва. 430005, Российская Федерация, Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1. E-mail: d.s.stenkin@gmail.com.

ORCID: 0000-0002-5675-6654

Мария Владимировна Сенгаева – юрисконсульт отдела претензионной и исковой работы Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва. 430005, Российская Федерация, Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1. E-mail: khodneva_maria@mail.ru.

ORCID: 0009-0000-2186-1289

Some Aspects of the Introduction of Personnel Electronic Document Management in the Activities of Executive Authorities

The authors provide scientific definitions of the concept of electronic document management (EDM), allowing to identify its main features, and also examine the development of legal regulation of EDM in Russia and its impact on local management processes. A legal vacuum, legal uncertainty and a lack of digital literacy of civil servants indicate the importance of introducing EDM in government agencies, determine the novelty and relevance of research in this area.

The paper describes the results of the federal experiment on the introduction of EDM in the personnel activities of employer organizations without taking into account the participation of civil

servants. Attention is also paid to the second federal experiment concerning personnel EDM in the activities of executive authorities. Information on bills in this area is provided. The positive results that the introduction of EDM in the work of executive authorities leads to are listed.

Keywords: draft law, executive authorities, digitalization, experiment, electronic document management

Recommended citation

Stenkin D. S., Sengaeva M. V. Otdel'nye aspekty vnedreniya kadrovogo elektronnoho dokumentooborota v deyatel'nost' organov ispolnitel'noi vlasti [Some Aspects of the Introduction of Personnel Electronic Document Management in the Activities of Executive Authorities], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2024, no. 4, pp. 79–86, DOI: 10.34076/2410-2709-2024-142-4-79-86.

References

Borovskikh N. V., Kipervar E. A. Elektronnyi kadrovyy dokumentooborot predpriyatiya: problemy vnedreniya i perspektivy razvitiya [Electronic Personnel Document Management of the Enterprise: Problems of Implementation and Prospects of Development], *Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informatsionnykh tekhnologii*, 2020, no. 3, pp. 55–60.

Bukreeva O. N., Ivanovskii N. I. Funktsional'nye vozmozhnosti SED federal'nykh organov ispolnitel'noi vlasti (po rezul'tatam obsledovaniya organizatsii dokumentooborota v federal'nykh organakh ispolnitel'noi vlasti v 2018 g.) [Functional Capabilities of the SED of Federal Executive Authorities (Based on the Results of a Survey of the Organization of Document Management in Federal Executive Authorities in 2018)], Bezborodov A. B. (ed.) *Upravlenie dokumentami v tsifrovoi ekonomike: problemy vzaimodeistviya* [Document Management in the Digital Economy: Problems of Interaction]: conference papers, Moscow, RGGU, 2019, pp. 111–122.

Vinogradova E. V., Danilevskaya I. L., Patyulin G. S. Iсполnitel'naya vlast' v konstitutsionno-pravovom dizaine sovremennoi Rossii. Pravitel'stvo: status, polnomochiya, funktsii [Executive Power in the Constitutional and Legal Design of Modern Russia. Government: Status, Powers, Functions], *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN*, 2021, no. 5, pp. 25–53, DOI: 10.35427/2073-4522-2021-16-5-vinogradova-danilevskaya-patiulin.

Golovina S. Yu., Zaitseva L. V. Elektronnyi kadrovyy dokumentooborot: ot pravovogo eksperimenta k praktike [Electronic Personnel Document Management: from Legal Experiment to Practice], *Pravoprimenenie*, 2022, no. 2, pp. 241–256, DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(2).241-256.

Efremova L. I., Kolekina A. O. Vybor sistemy elektronnoho dokumentooborota dlya predpriyatiya [Choosing an Electronic Document Management System for an Enterprise], *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva*, 2019, no. 1, pp. 23–31.

Zharkov A. A. Sistema elektronnoho dokumentooborota [System of Electronic Document Management], *Nauka, tekhnika i obrazovanie*, 2014, no. 3, pp. 65–71.

Kiikov D. O. Sovershenstvovanie organizatsii elektronnoho dokumentooborota v organakh gosudarstvennoi vlasti i mestnogo samoupravleniya [Improving the Organization of Electronic Document Management in Public Authorities and Local Self-Government], Abakumov O. Yu. (ed.) *Gosudarstvo, obshchestvo, biznes v usloviyakh tsifrovizatsii* [The State, Society, and Business in the Context of Digitalization]: conference papers, Saratov, Povolzhskii in-t upravleniya im. P. A. Stolypina – fil. RANKhiGS, 2020, pp. 147–150.

Perova M. V. Ispol'zovanie sistem EDO pri vzaimodeistvii organov vlasti i biznesa [The Use of EDI Systems in the Interaction of Government and Business], Babaeva Z. Sh. (ed.) *Sovremennye tendentsii razvitiya nauki i mirovogo soobshchestva v epokhu tsifrovizatsii* [Modern Trends in the Development of Science and the World Community in the Era of Digitalization]: conference papers, Makhachkala, IROK, Alef, 2022, pp. 102–108.

Stolbov A. P. Organizatsiya elektronnoho dokumentooborota v zdravookhraneni [Organization of Electronic Document Management in Healthcare], *Vrach i informatsionnye tekhnologii*, 2007, no. 5, pp. 33–39.

Daniil Stenkin – candidate of juridical sciences, associate professor of the Department of state and administrative law, Mordovia State University named after N. P. Ogarev. 430005, Russian Federation, Saransk, Bolshevikskaya str., 68/1. E-mail: d.s.stenkin@gmail.com.

ORCID: 0000-0002-5675-6654

Maria Sengaeva – legal adviser of the Department of claims and claim work, Mordovia State University named after N. P. Ogarev. 430005, Russian Federation, Saransk, Bolshevikskaya str., 68/1. E-mail: khodneva_maria@mail.ru.

ORCID: 0009-0000-2186-1289

Дата поступления в редакцию / Received: 08.10.2024

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 25.10.2024

Т. В. Макаренко

Ростовский государственный
экономический университет
(Ростов-на-Дону)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ВЫЗОВЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Системе юридического образования требуется непрерывно совершенствоваться для того, чтобы соответствовать высоким запросам информационного общества. Это актуализирует потребность в анализе передовых образовательных трендов в юридической науке с целью выявления их полезности. В фокусе внимания автора оказываются, в частности, сквозные технологии, их использование в *Legal Tech*, междисциплинарный подход, персонализация и игрофикация образования, *bite-size learning*, формирование мягких навыков и социального интеллекта.

Автор утверждает, что влияние технологий на образование проявляется в двух аспектах: в модификации и облегчении самого образовательного процесса, а также в обучении студентов работе с данными технологиями. Сделан вывод о том, что влияние это позитивное и выражается в повышении качества и скорости усвоения материала, ориентации на достижение практического результата, выполнении узкой профориентационной функции, увеличении мотивации и вовлеченности студентов в процесс обучения, подготовке к работе с высокой социальной активностью.

Ключевые слова: современное юридическое образование, образовательные тренды, юридическое образование будущего, *Legal Tech*, кадры для юриспруденции, антропоцентрический подход

Для цитирования

Макаренко Т. В. Актуальные проблемы и вызовы юридического образования // Российское право: образование, практика, наука. 2024. № 4. С. 87–93. DOI: 10.34076/2410-2709-2024-142-4-87-93.

УДК 34.06

DOI: 10.34076/2410-2709-2024-142-4-87-93

Непременное условие успешной адаптации любой профессии к требованиям современного общества – подготовка квалифицированных рабочих кадров. От состояния кадров зависит не только ситуация на рынке труда, но и эффективность функционирования всей юридической отрасли, во многом определяющая благополучие российского общества. Именно поэтому вопрос подготовки высококвалифицированных кадров для юридической профессии остается одним из самых актуальных в государственной политике.

Юридическое образование претерпевает изменения, вызванные технологическим прогрессом, изменениями в юридической практике и в потребностях общества. Указанные

перемены влияют на все юридическое сообщество, и, чтобы оставаться на гребне волны этих перемен, юристам нужен анализ передовых образовательных трендов. На современном этапе особую значимость приобретает систематическое повышение квалификации уже состоявшихся юристов.

Поднимая проблематику основных вызовов современного юридического образования, следует проанализировать тренды в современной системе образования в целом. Среди главных таких тенденций можно выделить фокус на новых прорывных технологиях, междисциплинарность, игрофикацию образования и его персонализацию, *bite-size learning* (метод малых порций), формирование мягких

навыков и социального интеллекта в процессе образования¹. Прорывные технологии, о которых идет речь, также называют сквозными, что определяется их всепроникающим характером: они используются во всех сферах жизни общества (в экономике, в социальной сфере и в государственном управлении). В Программе «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р) было выделено девять таких технологий: большие данные, нейротехнологии и искусственный интеллект, системы распределенного реестра, квантовые технологии, новые производственные технологии, промышленный интернет, компоненты робототехники и сенсорики, технологии беспроводной связи, технологии виртуальной и дополненной реальности.

Нет объективных оснований предполагать, что интенсивность интеграции технологий в юридический процесс может снизиться в ближайшие годы

По замечанию А. М. Збарского, М. А. Гаранина и О. А. Суляевой, «на основе цифровых [сквозных] технологий в XXI веке формируются сценарии развития системы образования» [Збарский, Гаранин, Суляева 2023]. Влияние технологий на образование проявляется в двух аспектах:

1) технологии используются для оптимизации процесса образования как такового;

2) процесс образования строится таким образом, чтобы учащиеся смогли овладеть сквозными технологиями и в дальнейшем применять их в своей профессиональной деятельности.

В юридическом образовании активное использование технологий находит выражение в *Legal Tech* – технологических решениях

¹ Bauld A. 15 Important Trends in Education // URL: <https://xqsuperschool.org/teaching-learning/15-important-trends-in-education/> (дата обращения: 08.08.2024); Jackson D. The Future of Legal Education: 7 Trends Shaping the Next Generation of Lawyers // URL: <https://www.leaders-in-law.com/legal-news/the-future-of-legal-education-7-trends-shaping-the-next-generation-of-lawyers/> (дата обращения: 08.08.2024); Королёва Д. О., Пивоварова К. В., Колабинова А. С. и др. Мировые тренды образования в российском контексте – 2024 // URL: https://ioe.hse.ru/edu_global_trends/2024/ (дата обращения: 08.08.2024).

для оптимизации юридического процесса. Искусственный интеллект широко применяется в юридических исследованиях, позволяя анализировать большие объемы юридических данных и находить материалы релевантной юридической практики. Блокчейн-технологии используются при заключении смарт-контрактов, они – новое слово в договорном праве. Все большее количество юридических фирм предоставляет клиентам услуги посредством дистанционных технологий, что позволяет значительно расширять географию продаж. Для взаимодействия с клиентами юридические агентства часто используют чат-боты, оснащенные возможностями обработки естественного языка. Такие помощники на базе ИИ обрабатывают первичные клиентские запросы, назначают время для консультаций с юристом, а иногда даже способны консультировать клиента на начальном этапе обращения в фирму. Чтобы предсказать результат судебного разбирательства и провести соответствующую корректировку стратегии стороны в судебном процессе, используют технологии прогнозирующей аналитики на основе больших данных материалов судебной практики. Технологии дополненной реальности начинают активно применяться для воссоздания картины преступления и представления материалов дела в зале суда². В настоящий момент тренд на адаптацию достижений научного прогресса для нужд юриспруденции только укрепляется, и нет объективных оснований предполагать, что интенсивность интеграции технологий в юридический процесс может снизиться в ближайшие годы.

Сквозной характер передовых технологий порождает технологическую конвергенцию, т. е. тенденцию к слиянию изначально не связанных между собой технологий. То же происходит и с отраслями научного знания. Междисциплинарность современной науки приобретает особое значение в контексте мировой глобализации, так как способствует формированию все более сложноорганизованных систем, а это безусловно необходимо для обеспечения научного прогресса. Кроме того, междисциплинарность приводит к приращению научного знания.

² Cunanan J. Legal Tech 2024: Top Trends Shaping the Future of Law // URL: <https://www.lexagle.com/blog-en-sg/legal-tech-2024-top-trends-shaping-the-future-of-law> (дата обращения: 08.08.2024).

Следует согласиться с тезисом Ю. П. Ветрова и И. В. Калинина о том, что «современная парадигма знаний видит в междисциплинарности залог будущего развития науки, а соответственно, и преподавания как ее неотъемлемого элемента» [Ветров, Калинин 2012: 155]. А. А. Дорский отмечает, что «адекватное изучение права» само по себе требует междисциплинарного подхода – помещения права «в рамки антропологии, экономики, политологии, психологии и социологии». Помимо этого, в контексте междисциплинарности особую актуальность для развития права приобретает широкий круг вопросов, среди которых «появление новых междисциплинарных институтов», например института медиации, роль лингвоэкспертизы в правотворчестве и правоприменении, возникновение у юристов потребности в дополнительных знаниях в области экономики, медицины, религиоведения, экологии и т. д. [Развитие права 2023: 7]. Примечательно то, что взаимодействие юриспруденции с другими науками порождает принципиально новые направления юридической науки: например, в XXI в. возникла биоюриспруденция, которая регулирует правовые отношения, связанные с жизнью человека с момента его зачатия и до смерти [Корнев 2021: 10].

Из приведенных фактов можно сделать важный вывод: юридическое образование не может мыслиться в вакууме, отдельно от других дисциплин. Право, призванное регулировать общественные отношения, сложно и многогранно, как и сам социум, а качественное юридическое образование испытывает потребность в тесном взаимодействии с науками, дополняющими и обогащающими инструментарий юридической науки.

Образование становится все более практико-ориентированным [Юмашева 2019: 5], его задача – максимально быстро адаптировать образовательный процесс к потребностям рынка труда и запросам студентов. Если раньше для успешного освоения материала от студентов требовались в первую очередь усидчивость и основательность, то сейчас все больший акцент делается на способности учащегося осваивать новые знания, быстро находить эффективные решения проблем, сопоставлять и анализировать информацию, строить логические связи, делать правильные выводы и успешно применять эти компетен-

ции для решения поставленных задач. Учебный материал стремительно устаревает, в связи с чем становится особо важным обучать студентов методам работы с информацией, повышения их собственной квалификации, регулярного обновления полученных знаний. Обучение в условиях стремительного научного прогресса – настоящий вызов для системы образования. Чтобы дать на него адекватный ответ, системе образования необходимо было сместить фокус с академичности на гибкость, адаптивность и результативность процесса. Чтобы обеспечить быструю результативность обучения, в образовании активно применяются игрофикация и *bite-size learning*.

Игрофикация, как следует из названия, представляет собой внедрение в образовательный процесс элементов игры. Зародившийся в сфере дошкольного и младшего школьного образования тренд сегодня с успехом применяется для обучения взрослых студентов, значительно повышая их вовлеченность в процесс [Косов 2019]. Широкое распространение игрофикации представляется полностью оправданным: всеобъемлющую сущность игры и ее универсальное значение для человеческой цивилизации отметил еще в 1938 г. нидерландский историк и культуролог Йохан Хейзинга в трактате «*Homo ludens*» («Человек играющий») [Хейзинга 2011].

Современное образование старается учитывать и чисто биологические особенности человеческого мозга, а именно способность концентрироваться и воспринимать информацию. Согласно исследованиям, продолжительность концентрации внимания варьируется у разных людей от 10 до 52 минут; у большинства взрослых людей этот период равен 20 минутам [Лобашев 2010: 25]. Чтобы учесть эту особенность, при выработке передовых образовательных методик стараются сократить промежутки трансляции образовательного материала со стандартных 60–90 минут до модулей продолжительностью в 15–20 минут. Особую эффективность метод доказывает в сочетании с интерактивным форматом взаимодействия с обучающимся: посредством тестов и опросов, просмотров видео и решения задач, комбинирующих изученный материал.

Тренд на персонализацию образования представляется актуальным по двум причинам. Во-первых, индивидуализация обра-

зования призвана помочь человеку в реализации его естественного права (ст. 26 Всеобщей декларации прав человека 1948 г.). Во-вторых, персонализированное обучение повышает результативность образовательного процесса благодаря тому, что помогает учащемуся лучше и быстрее усваивать материал. В этом смысле персонализация образования – инструмент для приведения результатов образования в соответствие с требованиями рынка труда.

В юридическом образовании, в том числе в отечественном, находят отражение все указанные тренды: игрофикация, метод малых порций, персонализация обучения. Игофикация уже довольно давно и успешно применяется в ряде вузов для воссоздания состязательного процесса, участники которого выступают в ролях сторон споров. Например, студентам юридического факультета одного из российских вузов было предложено принять участие в игровом судебном заседании по делу Родиона Раскольникова¹. О. А. Кравченко отмечает, что подобные деловые игры помогают студентам развивать «творческое мышление в ситуациях неопределенности», а также выполняют узкоспециальную профориентационную функцию, позволяя юному юристу определить, место какого участника-специалиста в состязательном процессе он хотел бы занять [Кравченко 2020: 8].

Игрофикация активно используется не только в юридическом образовании, но и для рекрутирования кадров. Так, одна из крупнейших нидерландских юридических компаний *Houthoff Buruma* в 2010 г. запустила игру специально для привлечения потенциальных сотрудников – студентов юридических вузов [Косов 2019: 298]. Все игроки получают один кейс – одно и то же задание, и работают над его решением в группах до пяти человек. Игровой сюжет строится вокруг сделки-поглощения, и у студентов есть 90 минут, чтобы убедить достаточное количество акционеров продать компанию и решить попутно возникающие задачи. Игрокам требуется оптимально распределить объем работы, чтобы не терять времени, а также распределить внимание между компьютером с игрой,

¹ Суд над Раскольниковым в СОГУ: приговор выносят студенты-юристы. 2021 // URL: <https://www.nosu.ru/2021/12/sud-nad-raskolnikovym-v-sogu-prigovor-vynosjat-studenty-juristy/?ysclid=ln9umwvbw235513250> (дата обращения: 08.08.2024).

ноутбуком с более чем сотней документов и распечатанными документами с необходимой информацией. За время игры студенты работают с видеобрифингами, видеочатами, текстовыми чатами, электронными письмами, новостными роликами, веб-сайтами, социальными сетями и другими источниками информации. Каждое принятое решение влияет на дальнейший сценарий игры. По истечении отведенного времени проводится пленарное заседание, на котором команды отстаивают выбранные ими стратегии прохождения игры. По заявлениям самой компании, работодатели хотят протестировать способность соискателей решать задачи, их стрессоустойчивость, социальные навыки и способность отстаивать свою точку зрения. *Houthoff Buruma* также надеется, что игра позволяет преодолевать растущее несоответствие между получаемым студентами образованием и запросами, предъявляемыми к ним крупными работодателями.

Houthoff Buruma подчеркивает, что для успешного прохождения игры важны в первую очередь личностные черты и социальные навыки, и только потом – собственно юридические компетенции. Это отражает и ситуацию на рынке труда в целом. Так, Ю. В. Сорокопуд, Е. Ю. Амчиславская и А. В. Ярославцева отмечают, что «согласно последним исследованиям, работодатели ставят на первое место „мягкие навыки“», а сугубо профессиональные «отходят на второй план». Исследователи указывают, что необходимо начать формировать мягкие навыки уже в общеобразовательной школе, а затем развивать их в системе вузовского образования [Сорокопуд, Амчиславская, Ярославцева 2021: 194]. Мы полностью поддерживаем эту точку зрения. Своевременное формирование мягких навыков становится особенно актуальным в условиях технологической революции, когда потребность в качественном живом взаимодействии, не опосредованном гаджетами, возрастает пропорционально скорости научно-технического прогресса.

Е. А. Коваль, А. А. Сычев и Н. В. Жадунова называют сложившуюся ситуацию нарушением техногуманитарного баланса [Коваль, Сычев, Жадунова и др. 2020: 278]. Мягкие навыки, включающие в себя когнитивные, социально-коммуникативные навыки и эмоциональный интеллект, имеют при-

оритетное значение для специалистов, работающих в системе «человек – человек», куда, безусловно, входят юридические профессии. Упомянутые выше авторы говорят о важности сочетания мягких и жестких навыков как о необходимом элементе современного юридического образования. Исследователи также указывают на проблему, состоящую в том, что формированию мягких навыков будущих юристов не уделяется должного внимания. При этом мягкие навыки формируются на начальных этапах вузовской подготовки, а для овладения жесткими навыками отводятся основной и заключительный этапы обучения. В результате студенты-юристы не получают полноценной возможности обучиться тому, как эффективно сочетать применение мягких и жестких навыков в своей работе [Там же: 291]. Мы считаем, что все этапы обучения будущего юриста должны непременно включать развитие мягких навыков, ведь человеческое взаимодействие – один из главных элементов любой юридической профессии.

В заключение стоит отметить, что для успешной организации образовательного процесса следует учесть огромное количество факторов. В условиях перехода к цифровому обществу образование в целом и отечественная образовательная система в частности сталкиваются с новыми вызовами. Ответом юридического образования на эти вызовы стала его трансформация. Очевидно, что у современной образовательной системы есть потребность в непрерывных изменениях, потому что такова скорость технологического прогресса и сопутствующих ему социальных перемен. Несмотря на обилие технологий, наполняющих нашу жизнь, в обществе становится заметен фокус на человеке и его потребностях. Это позволяет надеяться, что все лучшие достижения научной мысли будут стоять на службе у человека, а не наоборот. Необходимо сделать все, чтобы юридическое образование не просто помогало получить профессию, а превращало право в «искусство добра и справедливости», как и завещано нам еще великими юристами Рима.

Список литературы

- Ветров Ю. П., Калинин И. В. Синергия междисциплинарности // Высшее образование в России. 2012. № 8-9. С. 155–158.
- Збарский А. М., Гаранин М. А., Суляева О. А. Сквозные цифровые технологии в образовании // Вопросы инновационной экономики. 2023. Т. 13. № 3. С. 1663–1674. DOI: 10.18334/voprosy.13.3.118580.
- Коваль Е. А., Сычев А. А., Жадунова Н. В. и др. «Руководствоваться законом и совестью»: hard skills и soft skills в юридическом образовании // Интеграция образования. 2020. № 2. С. 276–295.
- Корнев В. Н. Биоюриспруденция – новое направление в праве и юридической науке XXI века // Правосудие. 2021. № 4. С. 8–15.
- Косов М. Е. Современные тенденции геймификации в юридической индустрии // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 6. С. 293–300.
- Кравченко О. А. Деловая игра по дисциплине «Уголовный процесс» как метод проблемного обучения // Полицейская деятельность. 2020. № 2. С. 1–8.
- Лобашев В. Д. Некоторые особенности процесса восприятия учебной информации // Наука и школа. 2010. № 1. С. 22–26.
- Развитие права в условиях междисциплинарного взаимодействия: коллектив. моногр. / под общ. ред. А. А. Дорского. СПб.: Астерион, 2023. 445 с.
- Сорокопуд Ю. В., Амчиславская Е. Ю., Ярославцева А. В. Soft skills («мягкие навыки») и их роль в подготовке современных специалистов // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 1. С. 194–196.
- Хэйзинга Й. Homo ludens. Человек играющий. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 416 с.
- Юмашева И. А. Практико-ориентированная модель образовательного процесса вуза // Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. 2019. № 4. С. 5–10.

Татьяна Валерьевна Макаренко – кандидат экономических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета, доцент кафедры иностранных языков для экономических специальностей Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 344002, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 69. E-mail: tvmakarenko@internet.ru.
ORCID: 0000-0002-0863-7984

Current Problems and Challenges of Legal Education

The system of legal education is expected to be continuously developing in order to meet the high demands of the information society. This fact makes the analysis of the leading educational trends in relation to law studies particularly relevant; the analysis is aimed at determining how applicable and useful these trends are in jurisprudence. The author reveals such trends as cross-cutting technologies, their usage in Legal Tech, interdisciplinary approach, individualisation and gamification of education, bite-size learning, building of soft skills, and shaping social intelligence.

The author states that the influence of technologies on education is twofold: on the one hand, they are used to modify and ease the process of education itself; on the other hand, the students are taught to use them in their studies and work. The conclusion is drawn, that this impact is positive and lies in the increase of quality and speed of the material absorption, orientation on achieving a practical result, performing a narrow career-guidance function, the increase in motivation and involvement in the educational process, the preparation for a work with a high social engagement.

Keywords: modern legal education, educational trends, legal education of the future, Legal Tech, personnel for jurisprudence, anthropocentric approach

Recommended citation

Makarenko T. V. Aktual'nye problemy i vyzovy yuridicheskogo obrazovaniya [Current Problems and Challenges of Legal Education], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2024, no. 4, pp. 87–93, DOI: 10.34076/2410-2709-2024-142-4-87-93.

References

Dorskii A. A. (ed.) *Razvitie prava v usloviyakh mezhdistsiplinarnogo vzaimodeistviya* [The Development of Law in the Context of Interdisciplinary Interaction], Saint Petersburg, Asterion, 2023, 445 p.

Huizinga J. *Homo ludens. Chelovek igrayushchii* [Homo Ludens. The Man Playing], Saint Petersburg, Izd-vo Ivana Limbakha, 2011, 416 p.

Kornev V. N. Bioyurisprudentsiya – novoe napravlenie v prave i yuridicheskoi nauke XXI veka [Bio-Jurisprudence Is a New Direction in Law and Legal Science of the XXI Century], *Pravosudie*, 2021, no. 4, pp. 8–15.

Kosov M. E. Sovremennyye tendentsii geimifikatsii v yuridicheskoi industrii [Current Gamification Trends in the Legal Industry], *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2019, no. 6, pp. 293–300.

Koval' E. A., Sychev A. A., Zhadunova N. V. et al. «Rukovodstvovat'sya zakonom i sovest'yu»: hard skills i soft skills v yuridicheskom obrazovanii [«Guided by Law and Conscience»: Hard Skills and Soft Skills in Legal Education], *Integratsiya obrazovaniya*, 2020, no. 2, pp. 276–295.

Kravchenko O. A. Delovaya igra po distsipline «Ugolovnyi protsess» kak metod problemnogo obucheniya [Business Game on the Discipline «Criminal Procedure» as a Method of Problem-Based Learning], *Politseiskaya deyatel'nost'*, 2020, no. 2, pp. 1–8.

Lobashev V. D. Nekotorye osobennosti protsessa vospriyatiya uchebnoi informatsii [Some Features of the Process of Perception of Educational Information], *Nauka i shkola*, 2010, no. 1, pp. 22–26.

Sorokopud Yu. V., Amchislavskaya E. Yu., Yaroslavtseva A. V. Soft skills («myagkie navyki») i ikh rol' v podgotovke sovremennykh spetsialistov [Soft Skills and Their Role in the Training of Modern Specialists], *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 2021, no. 1, pp. 194–196.

Vetrov Yu. P., Kalinin I. V. Sinergiya mezhdistsiplinarnosti [The Synergy of Interdisciplinarity], *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 2012, no. 8-9, pp. 155–158.

Yumasheva I. A. Praktiko-orientirovannaya model' obrazovatel'nogo protsessa vuza [A Practice-Oriented Model of the University's Educational Process], *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo universiteta tekhnologii upravleniya i ekonomiki*, 2019, no. 4, pp. 5–10.

Zbarskii A. M., Garanin M. A., Sulyaeva O. A. Skvoznye tsifrovye tekhnologii v obrazovanii [End-to-End Digital Technologies in Education], *Voprosy innovatsionnoi ekonomiki*, 2023, vol. 13, no. 3, pp. 1663–1674, DOI: 10.18334/vinec.13.3.118580.

Tatiana Makarenko – candidate of economic sciences, associate professor of the Department of accounting, associate professor of the Department of foreign languages for economic specialties, Rostov State University of Economics. 344002, Russian Federation, Rostov on Don, Bol'shaya Sadovaya str., 69. E-mail: tvmakarenko@internet.ru.

ORCID: 0000-0002-0863-7984

Дата поступления в редакцию / Received: 15.08.2024

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 14.10.2024

К. С. Путушкина
Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

КАНЦЕЛЯРИЗМЫ В НАУЧНЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

Автор исходит из тезиса о том, что формулировки в научном тексте, в том числе научно-правовом, должны быть точными и ясными. В современных научных материалах по различным отраслям права эти требования соблюдаются не всегда, напротив, допускаются однотипные стилистические, лексические, синтаксические и прочие ошибки. Предметом настоящего исследования выбраны канцеляризм – обороты, которые перешли в научные статьи и книги из деловых бумаг. Автор учитывает, что на научно-правовые тексты влияет стиль изложения нормативных актов и от канцеляризм не всегда можно избавиться, но настаивает на том, что злоупотребление ими загромождает тексты и мешает их восприятию.

Рассматриваются следующие канцеляризм: нанизывание падежей, злоупотребление страдательным залогом, расщепление сказуемых и использование отглагольных существительных. Отмечается, что нежелание ученых-юристов использовать глаголы зачастую лишь вредит тексту, лишая его ясности и краткости. Приводятся примеры из редакторской практики, объясняется, где допущена ошибка, предлагаются варианты правки. В заключение даются общие рекомендации, которые помогут авторам сделать текст понятнее и лаконичнее, нисколько не умаляя его научной ценности.

Ключевые слова: научный стиль, канцеляризм, язык юридических документов, язык законов, юридическая терминология

Для цитирования

Путушкина К. С. Канцеляризм в научных юридических текстах // Российское право: образование, практика, наука. 2024. № 4. С. 94–101. DOI: 10.34076/2410-2709-2024-142-4-94-101.

УДК 34.09

DOI: 10.34076/2410-2709-2024-142-4-94-101

Прежде чем перейти к рассмотрению темы настоящей статьи, нужно сделать некоторое отступление и пояснить, что статья написана с позиции литературного редактора, работающего с научными юридическими текстами и накопившего довольно большую коллекцию недочетов и ошибок: уникальных и типичных, серьезных и незначительных. Практика работы привела редактора к мысли о том, что почти никакой текст не может обойтись без редактирования и корректуры. Книговед и составитель справочников по редакционно-издательскому процессу А. Э. Мильчин отмечал, что «самый добросовестный автор допускает порой промахи, которые потом больно ударяют по нему самому» [Мильчин 1972]. Долг редактора – внимательно прочитать авторский текст и помочь улучшить его.

Неверно думать, что редактор лишь исправляет орфографические ошибки и расставляет запятые. Мелкие недочеты и опечатки – порой лишь вершина айсберга, хотя и запятые в изначальном материале могут располагаться так, что теряется всякий смысл написанного и приходится обращаться с вопросами к автору. Редактор «настойчиво изгоняет из авторского текста всякую неточность, неконкретность, расплывчатость, неясность» [Там же], выверяет терминологию по словарям, проверяет сочетаемость лексики, при необходимости подбирая синонимы, корректирует порядок слов в предложении и следит за логикой всего текста, его структурой.

Столь же ошибочно мнение о том, что при редактировании искажается смысл текста. Напротив, первый принцип работы редактора – невмешательство в содержание

текста¹ (при тщательной проверке его на соответствие правилам русского языка, логики, стилистики и т. п.).

Как отмечают мои коллеги по цеху, редактор не меньше автора хочет, чтобы рукопись (будущее издание) стала лучше [Купаев 2004]. Желание в некоторой степени облегчить авторский труд (как будет видно далее, от некоторых лишних слов и оборотов можно просто избавиться) и улучшить научные тексты, поступающие на редактирование, побудило меня написать эту статью. Ее цели – анализ примеров из редакторской практики и выработка рекомендаций для исправления недостатков текста.

Повторю, есть системные ошибки, которые встречаются почти в каждой рукописи. Здесь сразу отмечу, что невозможно в одной статье проанализировать их все или даже большую их часть: такому разбору посвящены многие книги, например справочники по литературной правке Д. Э. Розенталя. Не хотелось бы также углубляться в изучение классификаций ошибок по разным основаниям², поскольку цели статьи, как видим, более прикладные. Для анализа выбраны ошибки, наличие которых в научном тексте причиняет ему вред, но которые стали обыденностью и могут даже приниматься за норму.

Дело в том, что специфика изложения нормативных текстов, написанных в официально-деловом стиле, сказывается на текстах научных [Белов, Гулида 2019: 59], и не только потому что авторы цитируют правовые нормы. Сам стиль изложения в таком случае «подстраивается» под тот, что принят законодателем, но ученые зачастую не учитывают, что публикуют они не официальный документ, а научный материал, и стиль, правила которого нужно соблюдать, должен быть научным, а не официально-деловым.

Согласно справочникам и учебным пособиям по стилистике русского языка научному стилю действительно могут быть свойственны *некоторые* обороты, использующиеся

в официально-деловом стиле. Это, например, более частое использование существительных и «уменьшение доли глаголов»³. Ученые могут прибегать и к безличным оборотам, и к страдательному залогу, и к отглагольным существительным. Различие заключается в том, что употребление перечисленных средств должно быть минимальным и уместным, иначе они станут иностилевыми элементами, т. е. превратятся в канцеляризм.

Канцеляризм – «слова, устойчивые словосочетания, грамматические формы и конструкции, употребление которых в литературном языке закреплено традицией за официально-деловым стилем»⁴. Иначе говоря, такие слова и обороты характерны для деловых бумаг – договоров, заявлений, справок и т. п. Их использование в разговорной речи и художественной литературе, а также злоупотребление ими в литературе научной только утяжеляют текст, мешают автору четко и ясно выразить свою мысль, а читателю – понять ее. Между тем смысловая точность и ясность – важные черты научного стиля⁵.

В связи с этим определенное недоумение вызывает не критичное отношение к подобным оборотам, которое выражали авторы, например, советских учебных материалов по стилистике русского языка, говоря: «Плохо не „канцелярит“ как таковой – напротив, его развитие соответствует общим закономерностям эволюции современного общества... Плохо злоупотребление „канцеляритом“ там, где он неуместен, – в публицистике, в художественной литературе, в устном обиходном общении»⁶. Мнение о том, что канцеляризм, безусловно недопустимые в быту, тем не менее «прекрасно обслуживают сферу деловой, коммерческой, юридической коммуникаций», высказывается и сегодня⁷.

³ Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А. *Стилистика русского языка: учеб.* М.: Флинта; Наука, 2008. С. 294.

⁴ Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990.

⁵ Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А. *Стилистика русского языка.* С. 291.

⁶ Рахманин Л. В. *Стилистика деловой речи и редактирование служебных документов: учеб. пособие для техникумов.* 2-е изд., перераб. М.: Высш. шк., 1982. С. 16–17.

⁷ Когда канцеляризм хуже мата, и в чем особенность языка интернета? // URL: <http://www.unn.ru/site/about/news/kogda-kantselyarizmy-khuzhe-mata-i-v-chjom-osobennost-yazyka-interneta> (дата обращения: 06.06.2024).

¹ Литературное редактирование медиатекстов: теория и практика: учеб. пособие / авт.-сост. А. М. Шишлянникова, И. В. Хорошунова. Воронеж: Фак. журналистики ВГУ, 2017. С. 14.

² Так, канцеляризм – категория, объединяющая ошибки нескольких типов: лексические, стилистические и синтаксические, а есть лексические ошибки (например, незнание значения слова), которые не обязательно связаны с официально-деловым стилем.

Позволю себе все же не согласиться с подобными утверждениями и принять сторону исследователей и писателей, которые выступали против использования канцеляризов. Например, К. И. Чуковский называл громоздкие обороты, проникающие из официальных бумаг в разговорную и научную речь, «канцеляритами» и с досадой отмечал, что «среди нас появилось немало людей, буквально влюбленных в канцелярский шаблон» [Чуковский 1962]. Канцеляризы критиковала и подробно разбирала переводчик и редактор Нора Галь. Она писала прямо: «...И сами эти тяжеловесные слова, и неестественный, невразумительный строй фразы – все это казенщина и уродство» [Галь 2017: 11]¹.

Простоту и «удобопонятность» из-за канцеляризма потеряет любой текст

Претензии к подобным оборотам, которые используются в русском юридическом языке, есть и у самих юристов². В науке признается, что язык нормативных актов порой чересчур сложен [см., например: Белов 2022; Кнутов, Чаплинский, Алимпеев 2022]. Так, исследование, проведенное А. В. Кнутовым, А. В. Чаплинским и Д. Р. Алимпеевым, показало, что «во многих странах мира принимаются специальные меры для упрощения языка документов, исходящих от государственных органов» [Кнутов, Чаплинский, Алимпеев 2022: 423].

¹ Разделяя позицию Норы Галь и считая, что канцеляризы не делают чести никакому тексту, в том числе официально-деловому (если их в нем чересчур много), отмечу все же, что даже в редакторской среде отношение к ним может быть разным. К примеру, слово «данный» одни специалисты могут счесть лишь малым злом, которое «меркнет» перед остальными примерами нагромождения канцеляризов, а другие, напротив, рекомендуют использовать это прилагательное пореже, заменяя его синонимами (см., например: *Верецагин А. Жалобы главного редактора, или Как улучшить научные тексты* // URL: https://zakon.ru/blog/2024/8/21/zhaloby_glavnogo_redaktora_ili_kak_uluchshit_nauchnye_teksty (дата обращения: 28.08.2024).

² См., например: *Бевзенко Р. Об особенностях русского письменного юридического языка. Почему мы так плохо пишем юридические тексты* // URL: https://zakon.ru/blog/2021/01/26/ob_osobennostyah_russkogo_pismennogo_yuridicheskogo_yazyka_pochemu_my_tak_ploho_pishem_yuridicheski#comment_569706 (дата обращения: 28.08.2024).

О том, что нужно соблюдать чистоту и ясность юридического языка, говорили и преподаватели-правоведы. Г. И. Солнцев еще в первой четверти XIX в. писал: «В особенности юридический стиль не терпит принужденного украшения и кудрявости; он должен быть прост и удобопонятен» [цит. по: Талан 2017: 211]. Канцеляризм, конечно, украшением назвать нельзя (такая метафора применима, скорее, к лексической избыточности), но простоту и «удобопонятность» из-за него потеряет любой текст. Прошло более двухсот лет, а проблема все так же актуальна, и очень полезно было бы учитывать высказанную Г. И. Солнцевым мысль при написании научных работ по юриспруденции.

Рассмотрю основные виды канцеляризов и объясню, как их можно исправить.

Нанизывание падежей

Это последовательное расположение нескольких существительных в одном падеже, чаще всего родительном³. Такое построение текста мешает понять его сразу, читатель успевает забыть начало цепочки, дойдя до ее конца, или же ему приходится «блуждать» среди существительных, пытаясь выделить главную мысль.

Типичный пример: «установление порядка регистрации момента времени осуществления изменений...». Исправить ошибки можно так:

заменить отглагольное существительное «установление» глаголом («установить порядок регистрации»);

избавиться от плеоназма⁴ «момент времени» («момент» и есть «короткое время»⁵, но об этом почти всегда забывают, как и о том, что «период» – «промежуток времени»⁶, поэтому нет нужды писать «период времени»);

избавиться и от набившего оскомину пустого слова «осуществление»: например, добавить придаточное предложение. Результат: «установить порядок регистрации момента,

³ *Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию и литературной правке*. М.: Рольф, 1996. С. 308.

⁴ Плеоназм – «многословие, выражение, содержащее однозначные, и тем самым излишние слова» (*Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов*. М.: Просвещение, 1985. С. 187).

⁵ *Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка*: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений. 26-е изд., испр. и доп. М.: Оникс; Мир и Образование, 2010. С. 548.

⁶ Там же. С. 769.

когда будут внесены изменения / изменится...» (выбрать форму сказуемого в зависимости от контекста).

Реже встречается нанизывание существительных в творительном падеже. Пример: «Осознание человеком себя личностью и собственником – основа гражданского общества». Прекрасный образец предложения, «съеденного» канцеляризмами: здесь есть нанизывание падежей и нет ни одного глагола. О «глаголобоязни» [Галь 2017: 21] мы еще поговорим, а пока можно предложить вариант правки. Стоит перестроить предложение таким образом: «В гражданском обществе человек осознает себя как личность и собственник». Или: «Основа гражданского общества – человек, осознающий себя личностью и собственником».

Если вместе с существительными в творительном падеже употребляется несколько прилагательных, то в текст часто закрадывается одна и та же ошибка. Предложение с нанизыванием падежей трудно воспринимать даже самому автору. Видимо, поэтому неосознанно хочется использовать более короткое окончание в родительном падеже. Пример: «Крайне затруднительно бороться с корпоративными налоговыми злоупотреблениями – налоговыми стратегиями, предусматривающих совокупность транзакций...». Если нанизывания прилагательных / причастий не избежать, то к каждому существительному нужно задавать так называемый падежный вопрос и смотреть, соответствует ли ему окончание слова: «Стратегиями какими? Предусматривающими».

Отдельно стоит разобрать нанизывание падежей в предложениях, которые составляют список. Допустим, автор перечисляет недостатки в правовом регулировании и один из пунктов этого перечня формулирует так: «отсутствие среди показателей оценки эффективности деятельности руководителей органов публичной власти критерия...». В цепочке из шести падежных форм даже нельзя сразу понять, что именно «среди показателей» отсутствует. Чтобы предложение стало более ясным, лучше добавить в него глагол: «среди показателей оценки эффективности деятельности руководителей органов публичной власти отсутствует критерий...».

Кроме того, есть важное правило: все пункты списка должны быть сформулированы единообразно, т. е. должны быть обяза-

тельно согласованы в роде, числе и падеже со словами (или словом), которые список предваряют и после которых стоит двоеточие. А значит, все прочие назывные односоставные предложения в списке (те, в которых есть лишь один главный член, в нашем случае это подлежащее «отсутствие») превратятся в двусоставные, т. е. обзаведутся глаголами.

Злоупотребление страдательным залогом

Страдательный залог – грамматическая конструкция, которая показывает претерпевание объектом какого-либо действия¹ и выражается в использовании кратких форм причастий, возвратных глаголов и т. п. Сама по себе эта конструкция нейтральна и позволяет соблюсти корректность, непредвзятость изложения. Однако желание автора отстраниться от повествования или «замаскировать» действующее лицо [Ильяхов, Сарычева 2017: 144] при помощи страдательного залога может лишить текст ясности.

В одной публикации редактору встретился оборот «было приступлено к работе...». Создалось впечатление, что работа идет, но сама собой, и отвечать за нее никто не намерен. В таких случаях нужно указывать, кто именно (должностное лицо или подразделение) выполняет работу, и использовать действительный залог, в страдательном (например: «подразделением выполняется работа...») нет никакой необходимости.

Приведу пример более типичный. Иногда исследователь, проанализировав законодательство и найдя в нем пробелы, заключает, что его нужно скорректировать, и пишет: «Предлагается предусмотреть в законодательстве такую-то норму». По контексту не всегда понятно, кто именно предлагает нововведение (сам автор, другой исследователь или кто-то еще). Иными словами, в предложении нет субъекта действия. Автору ход его собственных мыслей, конечно, понятен, но читатель без этого важного уточнения начнет теряться в догадках.

Еще один пример: «Создавалось ощущение глубокого знания преподавателем того, о чем идет речь». На первый взгляд, явные признаки канцеляризма здесь отсутствуют: нет длинной цепочки существительных,

¹ Лингвистический энциклопедический словарь.

есть глаголы, смысл понятен. Однако все же предложение стало тяжеловесным из-за использования творительного падежа, что тоже характерно для страдательного залога («знание преподавателем»; если употребить это словосочетание отдельно, его «нескладность» станет более очевидной). Почему бы не написать просто: «Создавалось впечатление, что преподаватель глубоко знает свой предмет»? В исправленном предложении даже не поменялась структура, оно осталось сложноподчиненным, но звучит теперь живее и проще (проще – не значит примитивнее, как бы ни хотели некоторые уважаемые авторы построить такую логическую цепочку).

Если прибегать к страдательному залого слишком часто, в худшем случае текст рискует превратиться в пародию на милицйские протоколы. Пример: «[Следователь] произвел опознание кольца мужем и сестрой потерпевшей». Живые люди стали объектами, с которыми производят действия. Лучше все же написать: «Следователь предъявил кольцо мужу и сестре потерпевшей для опознания» или «Муж и сестра потерпевшей опознали кольцо, предъявленное следователем» (в зависимости от контекста).

Точно так же не стоит делать человека объектом в следующих примерах:

«...ответчиком были сделаны ссылки на статьи Федерального закона...». Проще и грамотнее так: «Ответчик сослался на статьи Федерального закона...»;

«...выдача сертификата школьнику производится классным руководителем». Классный руководитель словно превратился в инструмент выдачи сертификата, хотя на самом деле он субъект действия, и выразить это следует так: «Сертификат школьнику выдает классный руководитель».

Расщепление сказуемых и использование отглагольных существительных

Эти два вида канцеляризмов можно объединить, поскольку один неизбежно влечет за собой второй.

Нужно напомнить, что сказуемое в русском языке – главный член предложения, который обозначает действие и чаще всего является глаголом. Глагольное слово – «смысловой центр фразы»¹. Однако именно

¹ Панова Н. Е. Об употреблении некоторых глаголов // URL: [http://karasukpedcollege.ru/methodical-](http://karasukpedcollege.ru/methodical-kaleidoscope/43-panova-nina-egorovna/459-ob-upotreblenii-glagolov)

глаголов авторы научных и официально-деловых текстов часто избегают², в крайнем случае расщепляя одно слово на два: отглагольное существительное и «пустой» полужнаменательный глагол³, который по сути ничего и не означает, только указывает, что некое действие совершается. Привожу их список и рекомендую избегать их, если только они не составляют неотъемлемую часть правового термина (например, «производить дознание», «реализовать правомочие» и т. п.):

«осуществить»;
«реализовать»;
«происходить»;
«производить»;
«оказывать» и т. д.

В публикациях, в которых эти глаголы используются не в составе терминов, а для придания тексту «солидности», не «качество растет», а «происходит рост качества», не «работу оценивают», а «производят оценку работы», не «решают проблему», а «осуществляют деятельность по решению проблемы» (как будто само слово «решать» или «решение» недостаточно весомо). С каждой такой заменой количество печатных знаков увеличивается, объем публикации растёт, вот только смысл начинает теряться. Однако нельзя же, в самом деле, считать, что глаголы слишком просты для научного языка; это досадное заблуждение. Не стоит пренебрегать краткими, ясными формулировками в научном тексте.

Пример: «Имеет место снижение места Российской Федерации в указанном рейтинге». Здесь есть не только канцеляризм («имеет место»), но и тавтология⁴ – повтор слова «место». Можно написать проще: «Место Российской Федерации в указанном рейтинге снизилось».

Еще пример: «Закон содержит запрет на использование в процессе нераскрытых доказательств». Разберу его подробнее.

kaleidoscope/43-panova-nina-egorovna/459-ob-upotreblenii-glagolov (дата обращения: 06.06.2024).

² По меткому выражению М. Ильяхова и Л. Сарычевой, «действие прячут, будто стесняются. Например, за существительное» [Ильяхов, Сарычева 2017: 140].

³ Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. 2-е изд. М.: Просвещение, 1976.

⁴ Тавтология – «повторение в предложении однокоренных слов» (Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов).

Глагол «содержать» пустым, конечно, назвать нельзя, но его употребление без учета лексического значения может привести к ошибке. Обычно в научных публикациях этот глагол используется в значении «вмещать, заключать в себе»¹, «иметь в своем составе что-либо в качестве естественного компонента» или же «что-либо вмещать в себя, обладать запасом чего-либо, состоять из чего-либо»². Вместе с тем не всегда авторы учитывают, сочетается ли это слово с другими. Очевидно, что закон не может содержать запрет в качестве своего компонента, не может вмещать его, обладать его запасом. Он *включает в себя нормы, в которых об этом запрете говорится*, которые этот запрет устанавливают, предусматривают. Одно из значений слова «предусматривать» – «содержать нужные указания на случай чего-нибудь (книжн.)»³. Вместе с тем если использовать этот термин, то можно исправить только лексическую ошибку (употребление слова в неверном значении). Сказуемое все равно останется расщепленным («закон предусматривает запрет»).

Оптимальный вариант – устранить и расщепление, и отглагольное существительное, написав так: «Закон запрещает использовать в процессе нераскрытые доказательства». Как ни странно было бы видеть подобную конструкцию многим уважаемым авторам, предложение после правки не потеряет ни

¹ Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1935–1940. Т. 4. С. 353.

² Толковый словарь русского языка: Ок. 2000 слов. ст., свыше 12 000 значений / под ред. Д. В. Дмитриева. М.: Астрель [и др.], 2003. 989 с. URL: <https://rus-dmitriev-tolk-dict.slovaronline.com/4998-%D1%81%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%B6%D0%B0%D1%82%D1%8C> (дата обращения: 28.08.2024).

³ Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 3. С. 730.

научности, ни значимости; напротив, будет обеспечено одно из ключевых качеств, которыми должен обладать текст научного стиля: точность.

Еще один пример, в котором есть и расщепление, и употребление слова в неверном значении: «Кодекс не содержит подробного регулирования процесса доказывания...». «Регулирование» обозначает процесс, действие; непосредственно вмещать в себя процесс никакой законодательный акт (да и не только акт) не может. Следовательно, правка будет такой: «Кодекс не регулирует процесс доказывания подробно...».

Как видим, очень полезно обращаться к словарям, чтобы проверить, сочетается ли то или иное слово с другим. Так можно не только улучшить лексику, но и соблюсти логику повествования.

Итоги

Можно сформулировать в помощь авторам научных юридических текстов следующие рекомендации:

обращаться к словарям, особенно при использовании терминов;

не бояться использовать глаголы (кроме, конечно, тех самых «пустых», список которых приводился ранее);

избегать цепочек существительных;

проверять правильность окончаний у существительных и прилагательных, задавая к ним падежные вопросы;

разбивать слишком длинные предложения на более короткие, чтобы не затруднять их восприятие читателем;

не стараться писать нарочито запутанно. Ценность научного текста не в том, насколько он сложен и «кудряв», а в том, насколько ясно и четко сформулированы авторские мысли.

Список литературы

Белов С. А., Гулида В. Б. Язык юридических документов: сложности понимания // Acta Linguistica Petropolitana. 2019. Vol. 15.1. P. 56–103. DOI: 10.30842/a1p2306573715104.

Белов С. А. Роль языка в обеспечении понятности и определенности нормативных правовых актов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2022. № 2. С. 293–308. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu14.2022.201>.

Галь Н. Слово живое и мертвое. М.: Азбука, 2017. 352 с.

Ильяхов М., Сарычева Л. Пиши, сокращай: Как создавать сильный текст. 2-е изд. М.: Альпина Паблишер, 2017. 440 с.

Кнутов А. В., Чаплинский А. В., Алимпеев Д. Р. Язык нормативных правовых актов: пора ли бить тревогу? // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 57. С. 399–426. DOI: 10.17072/1995-4190-2022-57-399-426.

Купаев М. Как не надо писать статьи // RSDN Magazine. 2004. № 6. С. 62–65.

Мильчин А. Э. Методика и техника редактирования текста. М.: Книга, 1972. 320 с.

Талан М. В. Первые юристы Казанского университета // Lex Russica. 2017. № 3. С. 206–213. DOI: 10.17803/1729-5920.2017.124.3.206-213.

Чуковский К. И. Живой как жизнь. М.: Молодая гвардия, 1962. 173 с.

Ксения Сергеевна Путушкина – редактор редакции научного журнала «Российское право: образование, практика, наука» (Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева). 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 23. E-mail: rio.uslu@yandex.ru.

Officialese in Scientific Legal Writings

The paper assumes that the wording in a scientific text, including a scientific legal writing, should be precise and clear. However, in modern scientific writings on various branches of law, these requirements are not always met; the researchers often make errors of the same type, be it stylistic, lexical, syntactic or other errors. The subject of this study is officialese – phrases that have migrated to scientific papers from business papers and legal documents. The author takes into account the fact that scientific legal writings are influenced by the language of normative acts and it is not always possible to get rid of bureaucratic jargon, but insists that their overuse clutters up the texts and makes them difficult to understand.

The following officialese are considered: grammatical cases stringing, excessive use of the passive voice, splitting predicates and using verbal nouns. It is noted that the researchers reluctance to use verbs often only harms the text, depriving it of clarity and brevity. Examples from editorial practice are given, it is explained where the error was made, and options for editing are offered. In conclusion, general recommendations are given that will help researchers make the text clearer and more concise, without in any way diminishing its scientific value.

Keywords: scientific writings, officialese, language of normative documents, legal language, legal terminology

Recommended citation

Putushkina K. S. Kantselyarizmy v nauchnykh yuridicheskikh tekstakh [Officialese in Scientific Legal Writings], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2024, no. 4, pp. 94–101, DOI: 10.34076/2410-2709-2024-142-4-94-101.

References

Belov S. A., Gulida V. B. Yazyk yuridicheskikh dokumentov: slozhnosti ponimaniya [The Language of Legal Documents: Difficulties in Understanding], *Acta Linguistica Petropolitana*, 2019, vol. 15.1, pp. 56–103, DOI: 10.30842/a1r2306573715104.

Belov S. A. Rol' yazyka v obespechenii ponyatnosti i opredelennosti normativnykh pravovykh aktov [The Role of Language in Providing Intelligibility and Certainty of Normative Legal Acts], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo*, 2022, no. 2, pp. 293–308, DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu14.2022.201>.

Chukovskii K. I. *Zhivoi kak zhizn'* [Alive as Life], Moscow, Molodaya gvardiya, 1962, 173 p.

Gal N. *Slovo zhivoe i mertvoe* [Words Living and Words Dead], Moscow, Azbuka, 2017, 352 p.

Il'yakhov M., Sarycheva L. *Pishi, sokrashchai: Kak sozdavat' sil'nyi tekst* [Write and Cut: How to Create a Strong Text], Moscow, Al'pina Pabliisher, 2017, 440 p.

Knutov A. V., Chaplinsky A. V., Alimpeev D. R. Yazyk normativnykh pravovykh aktov: пора ли бить тревогу? [The Language of Regulatory Legal Acts: Is It Time to Sound the Alarm?], *Vestnik*

Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki, 2022, iss. 57, pp. 399–426, DOI: 10.17072/1995-4190-2022-57-399-426.

Купаев М. Как не надо писать статьи [How Not to Write Articles], *RSDN Magazine*, 2004, no. 6, pp. 62–65.

Милчин А. Е. *Методика и техника редактирования текста* [Methods and Techniques for Text Editing], Moscow, Kniga, 1972, 320 p.

Талан М. В. Первые юристы Казанского университета [The First Jurists of Kazan University], *Lex Russica*, 2017, no. 3, pp. 206–213, DOI: 10.17803/1729-5920.2017.124.3.206-213.

Ksenia Putushkina – editor of the scientific journal «Russian Law: Education, Practice, Researches» (Ural State Law University named after V. F. Yakovlev). 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 23. E-mail: rio.uslu@yandex.ru.

Дата поступления в редакцию / Received: 03.10.2024

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 21.10.2024

ТРЕБОВАНИЯ
К СТАТЬЯМ, НАПРАВЛЯЕМЫМ В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА
«РОССИЙСКОЕ ПРАВО: ОБРАЗОВАНИЕ, ПРАКТИКА, НАУКА»

1. К опубликованию в журнале «Российское право: образование, практика, наука» принимаются авторские материалы на русском языке: научные статьи, интервью, рецензии, очерки, научно-практические комментарии законодательства, отрывки из монографий и иные материалы, соответствующие тематике издания.

2. Авторский оригинал материала должен быть набран в текстовом редакторе MS Word (расширение *.doc или *.rtf).

Должны быть соблюдены следующие технические требования: гарнитура Times New Roman, кегль – 14, межстрочный интервал – 1,5, поля – по 20 мм. Отступ абзаца – 1,25 мм (должен быть задан не табулятором, а командой Формат/Абзац/Отступ/Первая строка).

3. Объем статьи – до 20 страниц, для аспирантов и студентов – до 10 страниц.

4. Файл со статьей должен содержать:

заголовок статьи на русском и английском языках;

фамилию, имя, отчество автора (полностью), место его работы (учебы), ученую степень и ученое звание (при наличии);

ключевые слова на русском и английском языках (5–7 слов);

аннотацию на русском и английском языках (3–5 предложений).

5. К статье прилагается справка, где должны быть указаны следующие данные:

фамилия, имя, отчество автора (авторов);

число, месяц, год рождения каждого из авторов;

паспортные данные каждого из авторов;

место работы, должность, ученая степень, ученое звание каждого из авторов;

адрес места жительства, почтовый адрес, контактный телефон, адрес электронной почты каждого из авторов.

Должна быть приложена фотография автора (авторов) разрешением не менее 300 dpi.

К статьям аспирантов и студентов прилагаются рецензии научных руководителей.

6. Редакция рецензирует представленные материалы и оставляет за собой право опубликовать материал или вернуть автору для доработки. Также Редакция оставляет за собой право внести редакционную и стилистическую правку в текст авторского материала, его название и аннотацию, не изменяя при этом основной смысл материала, заложенный автором.

РОССИЙСКОЕ ПРАВО

ОБРАЗОВАНИЕ ПРАКТИКА НАУКА

Редактор *К. С. Путушкина*
Дизайн обложки *К. О. Хрущева*
Компьютерная верстка *И. В. Яцюк*

Подписано в печать 20.11.2024. Формат 60×84/8.
Бумага писчая. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 12,09. Уч.-изд. л. 10,95.
Тираж 100 экз. Заказ №

Дата выхода в свет 04.12.2024.
Цена свободная

16+

Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева.
620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21

Отпечатано в ООО «ПРИНТ».
426035, Ижевск, ул. Тимирязева, д. 5, оф. 5